

В. А. РОСОВ

**НИКОЛАЙ РЕРИХ
ВЕСТНИК ЗВЕНИГОРОДА**

Книга первая. ВЕЛИКИЙ ПЛАН

**ЭКСПЕДИЦИИ Н.К.РЕРИХА
ПО ОКРАИНАМ ПУСТЫНИ ГОБИ**

Санкт-Петербург

Росов В.А.

Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К.Рериха по окраинам пустыни Гоби. Книга I: Великий План. — СПб.: Алетейя; М.: Ариаварта-Пресс, 2002. — 272 с., илл.

Книга посвящена путешествиям академика Н.К.Рериха в Центральную Азию. Первая часть рассказывает о Великом Плане, предполагавшем создание «Новой Страны», монголо-сибирского государства на просторах Азии. Для осуществления задуманного Н.К.Рерих отправляется в Тибетскую экспедицию (1927-28), известную теперь как дипломатическая миссия Западных буддистов Лхасу, на встречу с Далай-ламой XIII.

Накануне путешествия, в 1926 г. Рерих ведет переговоры с большевиками в Советском Союзе. Он вручает московским коммунистам письма Махатм. Индийские Мудрецы декларируют единство учения Будды и коммунистической идеологии. В Москве обсуждается проект «Единой Азии», нацеленный на объединение азиатских государств под знаменем буддизма и противодействие британской экспансии на Востоке. Главная составляющая этого проекта – получение концессий на разработку полезных ископаемых в Юго-Западном Алтае, в районе горы Белуха, где предполагается строительство Звенигорода, столицы нового сибирского государства, устремленного в будущее.

Книга написана на документальной основе. Автор использовал в работе материалы многочисленных российских и зарубежных архивов. Ряд уникальных документов из архивных собраний приводится в приложениях к главам. Книга богато иллюстрирована редкими фотографиями, документами, картинками и рисунками Н.К.Рериха и его сыновей Святослава и Юрия.

На шмуцтителе: Н.К.Рерих. Семь Мудрецов у подножия Белухи
«На горизонте уже видны башни Звенигорода...» Из дневника Елены Рерих, 1924

ISBN 5-89329-516-1

© В.А.Росов. Рукопись, 2002

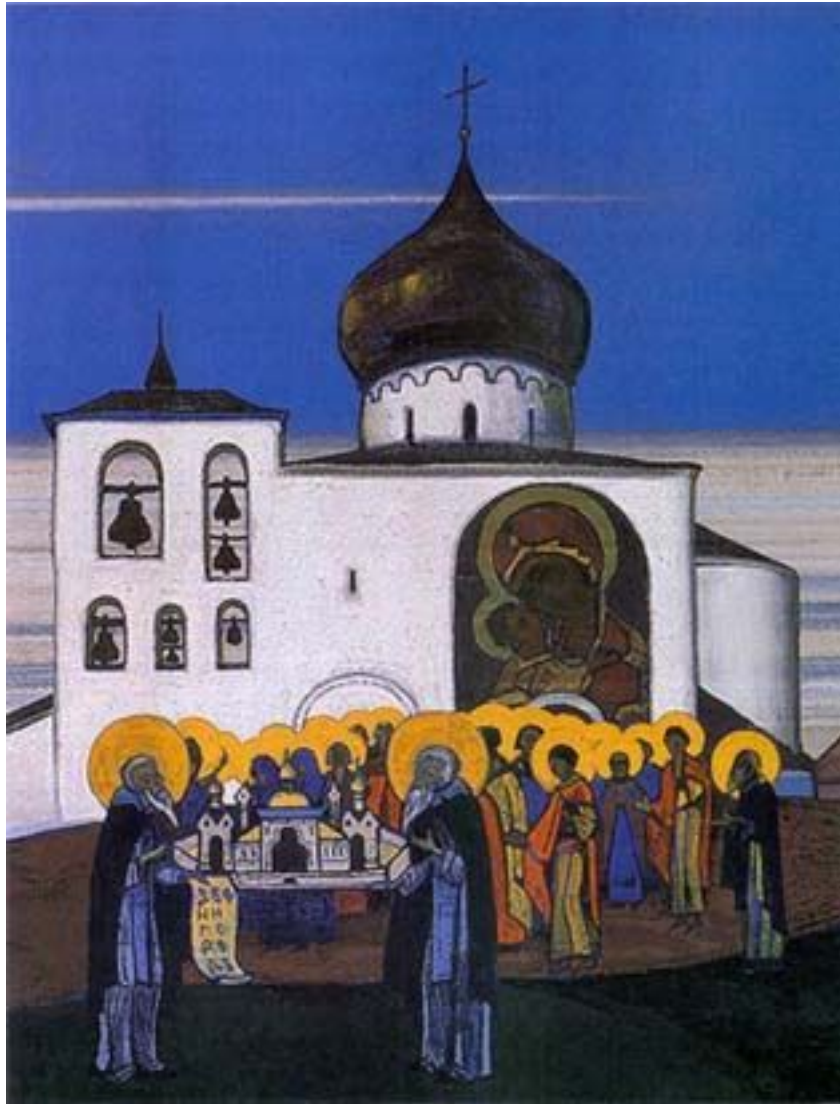
© Издательство «Алетейя СПб», 2002

© Издательство «Ариаварта-Пресс», 2002

© Д.Г.Майстренко. Оформление, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	12
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРМАГЕДДОН НА ОКРАИНАХ ПУСТЫНИ ГОБИ	24
I.....	24
II.....	27
III.....	35
П Р И Л О Ж Е Н И Е	38
КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ О ВЕЛИКОМ УЧИТЕЛЕ РЕРИХЕ, НОСЯЩЕМ ТИТУЛ ВСЕПОБЕЖДАЮЩЕГО.....	38
О ПАНЧЕН-ЛАМЕ	40
ПИСЬМО ЦЫБЕНА ЖАМЦАРАНО К МОРИСУ ЛИХТМАНУ	41
ПИСЬМО ЗИНАИДЫ ЛИХТМАН К ЦЫБЕНУ ЖАМЦАРАНО.....	42
«МИРОВАЯ СЛУЖБА» И НАЧАЛО СИБИРСКОГО ПУТИ	44
I.....	44
II.....	51
III.....	56
П Р И Л О Ж Е Н И Е	68
ПИСЬМА Г.Д. И Т.Д. ГРЕБЕНЩИКОВЫХ КРУГУ В АМЕРИКЕ.....	68
АДРЕС Г.Д.ГРЕБЕНЩИКОВУ ПО СЛУЧАЮ 25-ЛЕТИЯ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	73
ПРИВЕТ ГРЕБЕНЩИКОВУ	73
ВЕЛИКИЙ ПЛАН: ВЕХИ ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ	76
I.....	76
II.....	86
III.....	101
П Р И Л О Ж Е Н И Е	116
СООБЩЕНИЕ ОТ ДОРДЖЕ.....	116
ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА ИЗ МОНАСТЫРЯ ГУМ, ДАННАЯ ДОРДЖЕ.....	117
ПИСЬМО ЕЛЕНЫ РЕРИХ ИЗ КАШГАРИИ СОТРУДНИКАМ В АМЕРИКЕ.....	118
ПИСЬМО МАХАТМ МОСКОВСКИМ КОММУНИСТАМ	119
ПИСЬМО МАХАТМ НАРКОМУ Г.В.ЧИЧЕРИНУ	119
ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНИЕ О ЛЕНИНЕ	120
ЗВЕНИГОРОД ОКЛИКАННЫЙ И ЗАВЕЩАННЫЙ	122
I.....	122
II.....	129
III.....	141
П Р И Л О Ж Е Н И Е	149
МАХАТМА АК-ДОРДЖЕ.....	149
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КОРПОРАЦИИ «БЕЛУХА» О КОНЦЕССИЯХ В ЮГО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ	150
ПО ДЕЛУ КОРПОРАЦИИ «БЕЛУХА» (Концессия на Алтае).....	151
КОРПОРАЦИЯ «УР».....	155
ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	160
Введение. Азиатские экспедиции Н.К.Рериха: в поисках «Новой Страны».....	160
Глава I. Политический армагеддон на окраинах пустыни Гоби.....	160
Глава II. «Мировая Служба» и начало сибирского пути	162
Глава III. Великий План: вехи Тибетской экспедиции	163
Глава IV. Звенигород окликанный и завещанный	166
АРХИВЫ	170
ЛИТЕРАТУРА	170

Н.К.Рерих. Звенигород. 1933. Фрагмент

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую читатель держит в руках, посвящена экспедициям академика Николая Константиновича Рериха (1874-1947) в Центральную Азию, его поискам «земли обетованной» на бескрайних пространствах пустынной Гоби. По сути, это книга о «Новой Стране» и «Великом Плане», осуществляемом семьей Рерихов во имя того, чтобы на карте Азии возникло в будущем независимое сибирское государство, обновленная Россия. В 1920-е и 30-е годы прошлого века все четверо Рерихов и их многочисленные сотрудники делают, по крайней мере, первые шаги на сложном пути азийского строительства. Легендарная страна со своей столицей Звенигородом – Городом Звенящих колоколов – не является плодом художественного вымысла, а выступает вполне закономерно и объективно, выходит теперь на страницы современной истории. И сам ее творец Н.К.Рерих из художника и деятеля культуры превращается в большого политика и мирового вождя. Именно поэтому он обозначен как «Вестник Звенигорода», такое название вынесено на обложку книги.

Большинству людей Н.К.Рерих известен просто как художник, воссоздавший на своих полотнах, вслед за археологами, самобытный мир Древней Руси. В начале XX столетия заискрились красками его картины – «Гонец», «Сходятся старцы», «Заморские гости», «Город строят» (причем последняя имеет множество вариантов). Созидательные идеи строительства входят в жизнь. После первой русской революции 1905 года Рериха посещают высокие откровения. Меняются сюжеты, и на смену древностям приходят архангелы, церкви и райские сады. Николай Константинович создает монументальное панно «Сокровище Ангелов». Социальные потрясения побуждают к духовным поискам. Все слои высшего общества стремятся выразить национальный идеал. В кругу сподвижников Рериха идут те же процессы. Близкий ему Н.А. Римский-Корсаков пишет оперу «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», она начинается вступлением «Похвала пустыне». Тема священного града вплетается в общий хор творческих устремлений.

Волна событий 1917 года приносит в Россию новые сдвиги. Октябрьская революция производит переворот в умах людей. Родина отторгает интеллигенцию, интеллигенция отвергает русскую революцию. «Философские пароходы» отплывают в эмиграцию. На этом фоне коренного переустройства жизни продолжаются искания Рериха. Художник в 1920-е годы становится явлением в мировой культуре. Как и большинство соотечественников за рубежом, он не признает власти в Красной России, пытается бороться с большевиками по-своему. Но постепенно кровавый туман рассеивается, в среде русского зарубежья заговаривают о «новой», «воскресшей», или «Третьей России», которая только и может победить большевизм. Выразитель чаяний эмиграции писатель Д.С.Мережковский провозглашал: «Россия первая – царская, рабская; Россия вторая – большевистская, хамская; Россия третья – свободная, народная».¹

Рерих полностью разделяет идею новой, народной России. Со временем он даже поворачивается лицом к большевикам, ищет с ними сотрудничества. Судьбы родины Николай Константинович связывает не с Европейской, а с Азиатской Россией. Его взгляд направлен на Восток, обитель его мечты раскинулась на горах Алтая, отмеченного древнейшими путями переселения народов. Он отправляется в центральноазиатские экспедиции и ищет подходы к строительству новой столицы. Открыто манифестирует свои мысли в широкой печати. В канун Маньчжурской экспедиции публикует статью «Город Сияющий». В ней говорится о легендарной стране Шамбале, алтайском Беловодье и искателях духа, которых влечет к себе «лучащийся Город». Рерих захвачен мечтой о светлом Звенигороде. «Пусть растет новый Город Сияющий».² В том же 1933-м художник пишет свою знаменитую картину «Звенигород». А перед самым отъездом из Индии на Запад (из Америки путь лежал в Японию и Маньчжурию) появляется другая картина – «Ранние звоны», или «Силы Небесные» (1934). Она напоминает «Звенигород» не только своим

¹ Мережковский Д.С. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. с. 6.

² Roerich Nicholas. The Radiant City // Roerich Museum Bulletin. Vol. 111. 1933. №7 (July). P. 1.

созвучием, но и схожестью храмовой архитектуры. Именно Храмом, в котором обитают силы небесные.

В последние годы, после того как автором данного исследования была опубликована в журнале «Ариаварта» (1999) развернутая статья о Маньчжурской экспедиции Н.К.Рериха и его планах создания «Новой Страны», общественное мнение буквально раскололось надвое. Одни, преимущественно ученый мир, находят в жизни и поступках Николая Константиновича закономерную логику, превращающую мечты о Звенигороде в реальность. Другие, из среды рериховских поклонников, стиснуты догмами и агрессивно доказывают невозможность каких бы то ни было реформаторских планов, в основе которых лежали идеалы единой Азии. Как всегда, причина конфликта состоит в недостатке знаний, и чтобы восполнить пробел, теперь выпускается в свет не очередная статья, а монографическое исследование в двух частях – «Великий План» и «Новая Страна». Возможно, после его опубликования бурные дебаты утихнут (или наоборот, наберут силу и достигнут накала). Тем не менее, все главы монографии сложились из точных научных фактов, и результатом работы с документами стало авторское представление о новаторском пути Рериха. Умышленно не хочется употреблять слово «концепция», поскольку мировосприятие всей рериховской семьи на протяжении многих десятилетий претерпевало изменения в зависимости от конкретной исторической обстановки. Мировой план был подвижен и легко мог меняться в деталях, оставляя неизменной генеральную линию.

В свое время статья о «Новой Стране» была инициирована обстоятельством публикации уникальных дневников Маньчжурской экспедиции (1934-35). Стало совершенно ясно, что знаменитый художник и путешественник не ограничивал себя рамками исследователя Центральной Азии. Масштаб личности Рериха гораздо шире, ему вполне соответствует статус неординарного политика. Хорошо известно, он прославился как международный деятель культуры, предложивший правительствам многих государств свой Пакт Мира о сохранении культурных ценностей и памятников во время вооруженных конфликтов. В 1935 году Конвенция в Вашингтоне приняла этот документ, он был подписан странами Северной и Южной Америки. Однако Пакт Рериха – это также и звено в большой политике, в которую оказались вовлечены известные люди Соединенных Штатов – президент Франклин Рузвельт, министр земледелия и сельского хозяйства Генри Уоллес, сенатор Уильям Бора и другие. Вся работа по подготовке к подписанию Пакта шла на фоне Маньчжурской экспедиции. Даже более ранняя экспедиция Рериха, проложившая маршрут в Ладак, Кашгарию, Синьцзян, на Алтай, а затем в Монголию и Тибет, оказалась теснейшим образом связана с политикой. В 1926 году в Москве Николай Константинович встретился с видными партийными руководителями Советского государства и провел с ними переговоры о возможности слияния учения буддизма и коммунистической идеологии. Результатом этого единого для всей Азии процесса должно было стать появление нового мировоззрения. Геополитический характер деятельности Рериха – это именно то, что сегодня предстоит окончательно осмыслить. Ибо дело вовсе не в буддизме или в какой-нибудь иной традиционной религии, например христианстве, а в выработке путей к национальному возрождению.

В целом такое понимание, с уклоном на политику, складывается довольно трудно. Жизненные задачи семьи Рерихов применительно и к Азии, и к России пока еще не осознаны как следует. Настоящее исследование в значительной степени восполняет этот пробел. Хотя для некоторых выводов и раньше оснований было вполне достаточно. События первой Центральноазиатской экспедиции (1925-28) нашли отражение в дневниках Н.К.Рериха «Алтай–Гималаи» (1974) и Ю.Н.Рериха «По тропам Срединной Азии» (1982). Несколько лет назад на читателя обрушилась лавина дневников других участников Тибетского путешествия, в которых во всеуслышание было заявлено о Буддийской дипломатической миссии в Лхасу. Сначала вышла книга доктора К.Н.Рябинина «Развенчанный Тибет» (1996), затем экспедиционные записки заведующего транспортом П.К.Портнягина «Современный Тибет» (1998). И наконец, полный несомненных достоинств дневник начальника вооруженной охраны полковника Н.В.Кордашевского «С экспедицией Н.К.Рериха по Центральной Азии» (1999, под псевдонимом Н.Декроа). Публикация этих томов произвела

эффект разорвавшейся бомбы, наши представления о художнике Рерихе и задачах двух его «научно-художественных» экспедиций начали постепенно меняться. По крайней мере, цели первой из них, экспедиции в Тибет, оказались связанными с реформацией буддизма. Можно предположить – сведения о Западных буддистах, попавшие на страницы дневников, носят какой-то метафорический смысл. Но существуют неопровержимые факты. Более 30 лет спустя после Трансгималайского путешествия П.К.Портнягин на следствии в связи с его прошением о реабилитации свидетельствовал: «Экспедиция Рериха в основном преследовала религиозную цель, именно установить контакт между западными и восточными буддистами, поскольку сам Рерих являлся главой западных буддистов».³ Добавим, что Портнягин отбывал срок в сибирских лагерях, среди прочего и за участие в Рериховской экспедиции, и это обвинение в 1960 году с него было снято. Во времена хрущевской оттепели он уже не боялся говорить правду.

Как всегда бывает, при разрушении старых догм множатся скороспелые труды. Идет борьба за интеллектуальное первенство и легкий успех, который на поверку не выдерживает никакой критики. На рубеже веков появился ряд историко-мистических романов и повестей, выставляющих Рериха в ложном свете, – Олега Шишкина «Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж» (1999), Антона Первушина «Оккультные тайны НКВД и СС» (1999), Игоря Минутко «Искушение учителя: версия жизни и смерти Николая Рериха» (2001). Первая несправедливо делает Рериха агентом советских спецслужб, осуществляющим свою Центральноазиатскую экспедицию «под руководством» террориста Якова Блюмкина. Вторая отводит Рериху роль не ограниченного властью сатрапа, стремящегося «единолично решать судьбы мира». Третья полностью повторяет первую книгу, с добавлением неуместной фантазии при цитировании несуществующих источников. Создается впечатление, что авторы перевоплощаются один в другого.

Нельзя обойти молчанием и появление серии зарубежных публикаций, принадлежащих перу американских исследователей. Среди них выделяются работы о Маньчжурской экспедиции. Это давние журнальные статьи Самуэля Уолкера (1976) и Роберта Рупена (1979). А также монографии более общего характера, где Н.К.Рериху отводятся отдельные главы, – Роберта Вильямса «Русское искусство и американские деньги» (1980), Грэхема Уайта и Джона Мейза «Генри Уоллес: поиск нового мирового порядка» (1995), Джона Кальвера и Джона Хайда «Американский мечтатель. Жизнь Генри Уоллеса» (2000). На страницах этих книг дан анализ взаимоотношений министра Уоллеса со своим Гуру Рерихом, которые достигли трагического апогея в разгар Маньчжурской экспедиции. По правде сказать, налет легковесности (несмотря на цитирование редких документов) и национальная гордость не позволили авторам пойти вглубь. Например, все оценки личности русского художника суммированы у Мейза и Уайта в названии главы «Фальшивый пророк». Такой взгляд лишен многоплановости и только подтверждает вывод о том, что изучение жизни и деятельности Рериха находится в начальной стадии. Несколько больше ясности в понимание азиатских странствий Рериха вносит книга Карла Мейера и Шарин Брюсак «Турнир теней» (1999), но это тоже только этап на пути к истине.

Исследования за океаном одновременно поставили важнейшую проблему – участие первого Рериховского музея в Нью-Йорке и его основателя в международном политическом процессе. Этого нельзя отрицать. В 1920-е годы Рерихи вступили в «Большую игру», издавна выражавшуюся в соперничестве мировых держав за сферы влияния в Центральной Азии. (Начало было положено в XIX веке борьбой царской России и Великобритании за Персию и Афганистан). Многие вздрагивают при слове «политика», которое считается синонимом всего нечистого. Но именно эта область общественной жизни позволяет реализовать великие социальные и общечеловеческие идеи. Она же является рычагом мирового переустройства, наряду с религиозными и гуманистическими устремлениями. Рерих соединял всё воедино, взяв на себя миссию Вождя культуры. В настоящей книге, как отмечалось выше, также уделено большое внимание политической стороне Центральноазиатских экспедиций. Это не является самоцелью, наоборот, дает совершенно иное измерение и расширяет привычный

³ Протокол допроса П.К. Портнягина от 9 августа 1960 г. – Архив Регионального управления по Читинской области ФСБ РФ. Архивное уголовное дело ЧУ-10236. Т. 5, л. 34.

горизонт наших представлений о семье Рерихов. Уникальность и величие рериховской работы по созиданию «Новой Страны» в том, что она не была исключительно политико-экономической – за всем стояла духовная цель.

На родине нашего соотечественника за последние десятилетия проделана крайне нужная работа, которая подвела к современному этапу исследований. Опубликованы письма Е.И.Рерих к Ф.Д.Рузвельту (Л.В.Митрохин, 1990) и ряд статей о Маньчжурской экспедиции таких авторов, как П.Ф.Беликов (1976), О.А.Черкасова (1997), А.Н.Анненко (1998). Они носят ознакомительный характер. К сожалению, недостаточное внимание в российской исторической науке уделено первой Центральноазиатской экспедиции Рериха. Появилось всего несколько серьезных работ – статьи с. В.Зарницкого и Л.И.Трофимовой «Путь к Родине» (1965), Л.В.Шапошниковой «Рерих в Гималаях» (1987) и небольшие главы в книгах Л.В.Митрохина «Индия. Вступая в век XXI» (1987) и А.И.Андреева «От Байкала до Священной Лхасы» (1997). Зато все они стали классическими.

Как реакция на последние исследования автора, касающиеся миссии Рериха в Харбин, заявлены публикации москвичей. Правда, статьи О.А.Лаврениевой (2000, 2001) больше похожи на «политический заказ», чем на труд ученого (свободная научная мысль не совместима с предвзятой критикой и заведомым отрицанием). А монография М.Л.Дубаева «Харбинская тайна Рериха» (2001), хотя и вводит в оборот новый материал из дальневосточной прессы середины 1930-х, но никак его не объясняет (в некоторых главах цитирование газет занимает три четверти всего текста!). В итоге разрекламированная в названии «тайна» так и остается нераскрытой.

Между тем, тайные пружины Маньчжурской экспедиции действительно существовали. И тема эта необыкновенно важна, она – ключ к пониманию Харбинской миссии Рериха. Во время поездки по Дальнему Востоку у Николая Константиновича в обиходе появляется понятие «Канзас». Оно красной нитью проходит через дневник, письма и телеграммы. Всё оказалось настолько законспирированным, что по сей день еще бытуют противоречивые мнения о значении этого слова. У одних исследователей «Канзас» – страна Монголия, у других – сельскохозяйственный кооператив «Алатырь». Наверное, правы обе стороны, однако лишь наполовину. Организация кооператива во Внутренней Монголии явилась только первым шагом на долгом пути строительства «Новой Страны». И потенциально «Канзас» был связан с идеей монголо-сибирского государства на просторах Азии.

Сегодня актуален совсем иной вопрос: правомерно ли положение дел, когда тайное становится явным... Можно ли раскрывать то, что сам Рерих упрятал в потаенные углы истории после своей не совсем удачной Маньчжурской экспедиции? Автору настоящего исследования приходится апеллировать к Фрэнсис Грант, близкой сподвижнице Рерихов, осуществлявшей координацию между руководителем экспедиции и главой департамента сельского хозяйства США. Будучи посвященной во все тонкости проекта «Канзас», она уже в преклонном возрасте берется за написание мемуарной книги «Николай Рерих и Азия». Мотив этого решения складывался на протяжении многих лет. Необходимо было остановить поток клеветы, вызванной статьями американского журналиста Вестбука Пеглера (они публиковались в 1940-х и 50-х годах). Одним из главных действующих лиц в этих статьях названа сама Фрэнсис Грант.

Позже Грант восстанавливает отношения со Святославом Рерихом, прерванные в середине 1930-х трагическими обстоятельствами разрушения в Нью-Йорке Рериховского музея. У них начинается переписка. В первом письме из Бангалора художник писал о своем отце: «Существует много сторон его личности, которых вовсе нельзя касаться в широком оповещении»⁴. В 1971 году Фрэнсис Грант посещает Индию, чтобы лично встретиться с Рерихом.

Последней каплей, переполнившей чашу, явилась публикация дневников Генри Уоллеса «Цена предвидения» (1973). В середине 1970-х Грант связывается с Зинаидой Фосдик, вице-президентом воссозданного Музея Рериха, и запрашивает из музейного архива недостающие документы по Маньчжурской экспедиции. Она также сообщает в Индию о

⁴ Рерих С. Н. Письмо Фрэнсис Грант, 9.1.1965. – Rutgers University Special Collections (RUSC). Frances Grant Papers. Box 14, folder 83. На англ. яз.

скором появлении ее книги. В ходе переписки со Святославом Николаевичем обсуждаются нюансы взаимоотношений Н.К.Рериха и Г.Э.Уоллеса. Неизбежно на первый план выходит проблема «Кооператива» (17.9.1978)⁵. Это фактически означает, что табу с темы о Маньчжурской экспедиции последним из Рерихов было снято. Свою книгу Фрэнсис Грант по болезни не смогла закончить, остались лишь черновые наброски. И конечно же, эта задуманная ею большая работа требует своего завершения.

Предлагаемое читателю исследование воссоздает генезис идеи «Новой Страны». Оно построено исключительно на использовании архивных источников. В течение десяти лет, начиная с 1991 года, автор изучал многочисленные архивы США, Индии, Чехии, Франции и России. В одной только Америке освоено около 20-ти крупных государственных и частных собраний, в которых хранятся рериховские материалы. Среди них: Музей Николая Рериха в Нью-Йорке, Бахметьевский архив Колумбийского университета, Русский культурный центр при Амхерст колледже, Национальный архив в Вашингтоне, библиотеки Ратгерс и Айова университетов, Русский музей в Сан-Франциско, Дальневосточный архив сиолога П.В.Шкуркина в Сан-Пабло и другие. Была проделана многотрудная работа – просмотрены и изучены десятки тысяч архивных бумаг. На сегодняшний день документальная база книги не имеет аналогов в исследованиях подобного рода. Хотя некоторые документы из архивов Внешней политики РФ и Международного центра Рерихов в силу ведомственных интересов так и остаются недоступными для ученых. Основная часть изобразительного материала, включенного в книгу, предоставлена Музеем Рериха в Нью-Йорке. С богатейшим фондом харбинских газет удалось ознакомиться благодаря помощи российских дипломатов. В 1994-95 годах автор работал с бывшим архивом Института Гималайских исследований «Урусвати», хранившимся долгий период в Российском центре науки и культуры в Дели.

Огромная работа, вылившаяся в настоящую книгу, не могла быть проделана в одиночку. На протяжении этих десяти лет рядом с автором находились друзья. О том, как появился «Вестник Звенигорода», можно написать отдельное исследование. История не менее захватывающая, чем интрига, лежащая в основе книги. В 1991-м автор отправился в Америку, чтобы разыскать русскую деревню Чураевку и часовню Святого Сергия, созданные в эмиграции сибирским писателем Георгием Гребенщиковым. Тогда же впервые удалось познакомиться с коллекциями Музея Рериха в Нью-Йорке. Завязалась сердечная дружба с директором Даниилом Энтиным и его помощницей Аидой Тульской. Именно они сыграли решающую роль в создании книги, открыли для изучения музейный архив, им автор выражает величайшую признательность.

Искренней благодарности заслуживают другие сотрудники и волонтеры Рериховского музея – Гвидо Трепша, Виталий Фишберг, Владислав Попов, оказавшие помощь в подготовке фотоматериалов, ксерокопировании документов, и Наталья и Виктор Фомины за их дружеское участие и приют в «новом ковчеге» (так друзья называют дом Фоминых, расположенный на улице Ноя в Северном Брансвике, в нем постоянно проживает кто-либо из эмигрантов). В разъездах по Соединенным Штатам было памятно встретить наших соотечественников – семью Тришиных из штата Вирджиния, Валерия, Людмилу и их сына Дмитрия, а также внука известного ученого-китаиста П.В.Шкуркина, Владимира Шкуркина из Калифорнии, в их домах сохраняется атмосфера русского гостеприимства. Неоднократно в последние годы пришлось работать в Амхерст колледже, где неоценимую помощь оказывал директор Русского культурного центра профессор Стэнли Рабинович, предоставивший в распоряжение автора рериховские архивы (ценнейшими источниками несомненно являются оригинальные дневники Е.И.Рерих и документы из личного собрания Луиса и Нетти Хорш).

Пребывание в Индии, посещение имения Рерихов в долине Кулу и изучение архивов Института «Урусвати» стало возможным благодаря содействию российских дипломатов Б.С.Старостина и З.С.Циколии, работавших в Индии. В 1994 году ученые и издатели из Москвы, Санкт-Петербурга и Магнитогорска были гостями посла России в Непале А.М.Кадакина. В поездке оформились планы по изданию дневников К.Н.Рябинина. Вслед за

---

⁵ Грант Ф.Р. Письмо Святославу Рериху, 17.9.1978. – RUSC. Frances Grant Papers. Box 15, folder 19. На англ. яз.

этим была предпринята публикация материалов других участников Тибетской экспедиции. Индийский импульс имел важное значение для начала целого этапа в разработке рериховского наследия.

Научная работа за рубежом сопряжена с большими затратами. Финансовую поддержку поездок в разные годы осуществляли общественные организации: Международный фонд «За выживание и развитие человечества» (Вашингтон), директора Дэн Матушевский и Рустем Хаиров; «Америкэн Траст фор Мьючуэл Андерстендинг» (Нью-Йорк), директор Ричард Ланиер (представила на грант Нэнси Сейфер); «Лайфбридж Фаундэйшн» (Нью-Йорк), директор Барбара Валокор. Персонально хотелось бы поблагодарить также Сергея Жукова из Московского Космического клуба и Сергея и Елену Никитиных, представляющих соответственно Межрегиональный центр духовной культуры г. Самары и Издательский дом «Агни», за финансирование исследовательских проектов в Индии и Америке. Особая признательность – нашему новому другу, неожиданно появившемуся, когда рукопись была готова к печати, и пожелавшему остаться неизвестным. Он взял на себя самую ответственную часть общей работы – оплату тиража книги.

Кроме того, на последнем этапе интеллектуальный вклад внесли друзья и коллеги – Юрий Родичев, Александр Андреев и Антон Малыгин, ими просмотрена рукопись и сделаны ценные замечания. Однако перечисление имен будет неполным, если не назвать с благодарностью ближайших сотрудников, которые на протяжении последних лет находились рука об руку с автором. Это – Елена Алексеева и Валерий Дмитриев. Они не только сидели у компьютера, редактировали текст, делали всю трудную техническую работу, но и оказывали душевную поддержку, согретую теплотой сердец. Рядом всегда стояла оформленная в рамку репродукция картины Святослава Рериха «Три ламы» – высокий символ сотрудничества.

*Санкт-Петербург,
5 января 2002*

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЕЛИКИЙ ПЛАН

С.Н.Рерих. Портрет Н.К.Рериха в ламских одеждах

АЗИАТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ Н.К.РЕРИХА: В ПОИСКАХ «НОВОЙ СТРАНЫ»

ВВЕДЕНИЕ

Азиатские экспедиции академика Н.К.Рериха – явление совершенно необычное в ряду путешествий и изучений Центральной Азии. Представление об этих экспедициях сегодня как в российской науке, так и в культурном обществе довольно расплывчатое. До сих пор их называют центральноазиатскими, не разделяя на две независимые по регионам и целям – Тибетскую и Маньчжурскую. И если о первой в последние годы появились хоть какие-то знания, благодаря выходу в свет экспедиционных дневников доктора К.Н.Рябинина и полковника Н.В.Кордашевского, то о последней ровным счетом ничего не известно. Основная идея – сбор засухоустойчивых злаков, трав и лекарственных растений по окраинным районам Гоби – мало что объясняет. Эта экспедиция во Внутреннюю Монголию и Северную Маньчжурию (1934-35) была организована Департаментом сельского хозяйства США при личном участии министра Генри Уоллеса. Хотя инициатива исходила от самого Н.К.Рериха, и заслуга в ее проведении принадлежала именно ему.

Поездка по Центральной Азии в середине 30-х годов стала логическим продолжением всей экспедиционной политики, начатой еще в 1923 году. Семья Рерихов отправилась странствовать по Индии и Востоку. На время обосновалась в Дарджилинге, а затем в 1925-м двинулась в Кашмир и Лех, откуда путь лежал в глубины Азии. Первая Центральноазиатская экспедиция Рериха проходила в несколько этапов. По прибытии в Монголию она переросла в самостоятельное Тибетское путешествие, известное теперь как Миссия Западных буддистов в Лхасу (1927-28). Из Урги Рерихи отправились на переговоры с Владыкой Тибета, восседающим в заоблачной Потале. Назревала необходимость реформирования буддизма в Азии, и Рерих намеревался учредить «Орден Будды Всепобеждающего», договориться с Далай-ламой о самостоятельной параллельной ветви Западных буддистов.

Это был завершающий шаг перед тем, как приступить к грандиозному строительству в пустынной гобийской Азии. Создание независимого государства, названного условно «Новая Страна», – таков Великий, или Мировой план Рерихов, задуманный для того, чтобы перекрыть карту Восточной Сибири и Дальнего Востока. Каким бы ни казался нам сегодня подобный «план», утопическим или, наоборот, своевременным, – это предмет серьезных раздумий об исторических судьбах России.

Встреча с Далай-ламой не состоялась, караван был задержан на высотах Чантанга. И экспедиционный отряд оказался вынужден, минуя Лхасу, ценой невероятных усилий и потерь пробиваться в Индию. Буддийский поход на просторы Сибири и в монгольские степи был отложен до лучших времен, до тех пор, пока ситуация в тибетском регионе не станет более благоприятной. Мировой план претерпел изменения, и Маньчжурская экспедиция сделалась необходимой и главной его частью.

Очень важно прояснить истоки Мирового плана, чтобы понять, как всё начиналось. В дневниках Е.И.Рерих уже с 1921 года встречаются упоминания о «Тибете», о «пути к Лхасе» и о ее муже, Н.К.Рерихе, которому «суждено руководить Россией» [1]. Начало 20-х это фактически период самоопределения всей эмиграции, когда поток наших соотечественников устремился в Европу, Америку и Азию. Рерихи не были исключением в общей массе, но в отличие от обычных людей, они, люди искусства, страстно верили в свою духовную миссию. Такая вера была вполне оправдана. Весной 1920-го в Лондоне Рерихи встретились с Учителями, Махатмами Морией и Кут Хуми, прибывшими из Индии в составе военной делегации. И с этого момента их существование наполняется бессознательными импульсами и образами индийской жизни. Ищется любая возможность отправиться на Восток вслед своим высоким Руководителям.

Вопрос о Махатмах – самый щепетильный и бесспорно важный. В контексте данной

работы он сам собой выдвигается на первый план. Любой ученый вынужден реагировать в подобной ситуации. Ведь Махатмы были реальными личностями, в Лондоне они проживали в общежитии для высших чинов индийской армии. А в Дарджилинге до сих пор стоит старый храм, где в 1924-м произошла еще одна высокая встреча. Что же можно поделать, если существуют дневники Рерихов – записи их бесед с Учителем Морией [2]. И социальная, научная и творческая жизнь Николая Константиновича регламентирована этими дневниковыми записями. Все его путешествия, жительство в Америке и Индии, политические переговоры в Берлине, Париже и Москве имеют один и тот же духовный источник, связанный с Гималайскими Махатмами. Налицо полная тождественность между общественными поступками художника и высокими Указами. Возможно, это уникальный опыт в истории человечества, данный нам сегодня только в «ощущениях». Тогда тем более, проведенный в семейной лаборатории Рерихов всечеловеческий эксперимент должен подвигнуть современных исследователей не к привычному сарказму при одном упоминании слова «Учитель», но к честному научному поиску. Ибо, действительно, результаты этого эксперимента по-настоящему феноменальны. Своей жизнью Рерих сделал ценнейший вклад в сокровищницу мировой культуры.

Храм в Дарджилинге, где Рерихи встречались с Махатмой

Осенью 1921 года наметилась в общих чертах перспектива путешествия в Индию. (Н.К.Рерих с семьей находился в Соединенных Штатах в связи с приглашением провести серию художественных выставок по городам Америки). Отныне вслух ведутся разговоры о научно-художественной экспедиции. Но в кругу семьи обсуждаются планы другого рода – думы «о русском походе» и «путь из Индии через Китай и Харбин» [3]. И только через год, когда положение Рерихов в США укрепилось – основан Институт Объединенных искусств и начата работа по открытию Музея, оформляются мысли о Мировом плане, который на первых порах назывался «Великий». «Не много призванных, найдется не более 100 человек. Кто поймет Великий План?! План не для слов, но для дел» [4]. В основе этого «Плана» лежит

идея об объединении народов Азии в Союз Востока. Е.И.Рерих в ноябре 1922-го в письме к сыну Юрию, который в то время получал востоковедческое образование в Сорбонне, сообщала: «Союз народов Востока назревает» [5]. Ю.Н.Рерих, обладающий глубокими знаниями восточных языков (китайского, монгольского, тибетского, урду, персидского и др.), выдвигается одной из главных фигур, он включен в состав будущей экспедиции. План только намечается.

Летом 1923-го, незадолго до Индии, вся семья Рерихов отправляется в краткую поездку по Европе – осмотреть памятники Италии и отдохнуть в Альпах. В это время происходит нечто особенное. «В Виши закладывается идея Величайшего Союза... Народы будут помнить 17-е июня» [6]. Такова еще одна запись в дневнике Е.И.Рерих, с которой начинается грандиозное политическое и духовное действо, длившееся целых 12 лет.

Остается вопрос, откуда всё-таки появилась идея «Мирового плана»? Применительно к Рерихам трудно себе представить механическое следование мыслям и указам Махатм. Должно было быть творческое понимание истории и огромные знания. И еще – счастливые обстоятельства, чтобы зародившаяся идея проросла и набрала силу. У Рерихов налицо оказалось всё необходимое.

К концу XIX столетия Россия стала постепенно принимать в свои недра доктрину «восточничества». В светских кругах российского общества обсуждалась докладная записка П.А.Бадмаева «О присоединении к России Монголии, Тибета и Китая» (1893), поданная императору Александру III. Но еще за десятилетие до этого знаменитый путешественник Н.М.Пржевальский, будучи выразителем военных настроений Главного штаба, оправдывал необходимость нового жизненного пространства для России – Китайского Туркестана и северной части Тибета. На пороге XX века русский философ Владимир Соловьев выносит на суд просвещенного общества «панмонголистские» взгляды, почерпнув от французских миссионеров Пока и Габэ сведения о буддийском «братстве келанов», которое «завоюет Тибет, Китай, Монголию и великое государство Ороса (Россию)». После «большой революции» воцарится всемирный владыка перед пришествием Будды Майтрейи [7]. В 1920-е годы становится популярной теория Карла Гаусгоффера о существовании «великой гобийской цивилизации ариев», основанная частично на легенде о таинственном подземном царстве Агарти. Эта цивилизация процветала примерно 3-4 тысячи лет назад, и после того как нынешняя Гоби некогда обратилась в пустыню, тоже исчезла. Арии переселились в Индию и Европу, а в Тибете еще сохраняются остатки арийской культуры [8].

В 1921 году представитель Тибетского правительства в Советской России Хамбо-лама Агван Доржиев обратился в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР с предложением расширить территорию Монголии «в целях уменьшения пространственного разъединения буддийских народов Центральной Азии и установления тесного контакта и сообщения между ними» [9]. В записке сообщалось, что при наличии дружественной поддержки и содействия со стороны России вполне возможно объединение западных ойратских племен, «простирающихся» вплоть до Тибетского нагорья (Цайдама и Кукунора) как окраинного пункта расселения монголов. Образование расширенного Монгольского государства могло бы обезопасить границу России на всем протяжении от Маньчжурии до Тянь-Шаня.

Политика установления широкой монгольской автономии очевидно направлялась из Тибета, и Агван Доржиев являлся тонким инструментом в ее осуществлении. Примечательно, что именно с ламой Доржиевым Рерих был хорошо знаком еще со времени строительства Буддийского храма в Петербурге. (С 1909 года Николай Константинович входил в «Комитет для руководства постройкой храма»). В 1914 году Рерих получил через Доржиева в дар от Далай-ламы XIII священный хадак – знак высоких почестей и заслуг в деле возведения буддийской святыни, посвященной Калачакре. Тогда же он впервые услышал о Шамбале от «высокого бурятского ламы». Не был ли этим ламой Доржиев? Еще раньше, в начале века, японский монах Кавагучи дал описание своего путешествия в Лхасу и сообщил, что Агван Доржиев, получивший почетный титул «Цанни кэнбо» как наставник малолетнего Далай-ламы, передает повсюду пророчество о приходе в Россию «могучего князя, который создаст великую буддийскую державу Чан Шамбала» [10]. Вероятно, Рерих

слышал это пророчество о Чан Шамбале, или Северной Шамбале, которая отождествлялась с Россией, и вполне мог задумываться о новой буддийской стране.

Е.И.Рерих у картины «Да здравствует Владыка!»
(Н.К.Рерих. Fiat Rex. 1931)

В то время когда рождались дерзновенные замыслы Рериха, закатилась звезда «Бога Войны», эстляндского барона Р.Ф.Унгерна, ставшего властелином Монголии. В 1919-21 годах Унгерн во главе своей Азиатской дивизии сражался за то, чтобы на карте Азии появилась «Великая Монголия». Но это лишь первый шаг на пути к будущему. Барон Унгерн хотел принести в Россию «на кончике монгольской сабли» учение Будды и затем образовать «федерацию кочевых народов Центральной Азии». Главный пункт его политической программы – воссоздание державы Чингисхана, и в этот «союз азиатских народов» должны были войти «китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, племена Туркестана, татары, буряты, киргизы и калмыки» [11]. Повсюду в Монголии стали известными крылатые слова Унгерна, которые уместно будет процитировать: «Дело уже начато и не умрет. Я знаю пути, по которым пойдет оно. Племена потомков Чингисхана проснулись. Ничто не потушит огня, вспыхнувшего в сердцах монголов. В Азии образуется громадное государство от Тихого океана и до Волги!» [там же].

История с бароном Унгерном имела бы лишь косвенное отношение к Мировому плану, если бы не один факт. Обозом Азиатской дивизии командовал родной брат Н.К.Рериха, Владимир Константинович (!). Без сомнения, начальник дивизионного обоза – высокая должность, приближенная к Унгерну. Это обстоятельство, возможно, является решающим,

чтобы разобраться в появлении внешнего стимула к Мировому плану (внутренним, конечно, были указы Махатм). К тому же, В.К.Рерих впоследствии стал одним из главных лиц, осуществлявших План в Харбине.

Последнее, что необходимо уяснить, – какова расстановка политических сил в регионе Центральной Азии и на Дальнем Востоке накануне Маньчжурской экспедиции. Это подтвердит или опровергнет правомерность смелых замыслов Рериха и его Мирового плана. С начала 1920-х до середины 30-х годов ситуация в межгосударственных отношениях азиатских стран сложилась уникальной. Центром политической активности и вооруженных столкновений стала территория некогда единой Монголии. После периода смут, вызванных нашествиями Джа-ламы, атамана Семенова и барона Унгерна, страна объявила о своей независимости (1924). Вспыхнувшая китайская революция 1925-27 годов оказала влияние на судьбу Монголии и определила будущее разделенного на части монгольского народа. (Внутренняя Монголия находилась до 1911 года под властью Цинской династии, а затем – Пекинского правительства). Революционные события в Китае дали новое развитие проблеме панмонголизма. И руководство Монгольской Народной Республики (большая его часть) выступило за объединение монгольских племен.

В конце 1920-х в полный голос заявила о себе Япония, и в течение последующих десяти лет ее деятельность на Дальнем Востоке стала определяющим фактором. В 1931 году коминтерновская печать опубликовала меморандум генерала Танака (1927), содержавший программу военно-политической экспансии Японии в Азии. Вскоре, в сентябре 31-го, японская агрессия стала свершившимся фактом. Роль Японии оказалась настолько важной, что Н.К.Рерих не мог ее не учитывать в своих политических построениях. В маршрут Маньчжурской экспедиции включена поездка в Японию в мае 1934-го. Для плавания из Сиэтла в Йокохаму первоначально были заказаны билеты на пароход японской компании (а не американской!). Всё это вызвало резкое противодействие по отношению к Рериху и его покровителю Уоллесу со стороны президентской администрации США, вплоть до отказа Белого Дома финансировать экспедицию в Северную Маньчжурию. Устройство выставки рериховских картин в Киото и визит к императору Японии вряд ли могут объяснить настойчивость и намерения главы экспедиции. Посещение Японии для него – это больше, нежели успех всей экспедиции, ибо ее срыв в какой-то момент казался неизбежным. Ставка на Японию, вероятно, была велика. Вполне возможно, Рерих вообще отказался бы от услуг Вашингтона, если бы нашлись 12 тысяч долларов. Он имел в запасе другой вариант. План мог осуществляться «через кооператив, а не экспедицию» [12].

К началу Маньчжурской экспедиции ситуация в Центральноазиатском регионе становилась взрывоопасной. Обозначились новые политические реалии, и произошел целый ряд значительных событий. На границе с Монгольской Народной Республикой образовалось марионеточное государство Маньчжоу-Го. Выдвинулся национальный лидер Внутренней Монголии Дэмчиг Донрова (князь Дэван), ставший во главе автономного государства с центром в монастыре Пайлан провинции Суйюань. Политика Токио и прояпонского правительства Маньчжоу-Го по установлению дипломатических отношений с МНР шла вразрез с интересами Москвы. Такая ситуация подталкивала Японию и СССР в середине 30-х годов к разделу сфер влияния. И монголо-маньчжурский регион вполне мог сделаться полем крупномасштабного столкновения Японии с Советским Союзом или с Китаем [13]. В силу общей ситуации в мире и формирования политической оси «Рим–Берлин–Токио», угроза войны в Азии к осени 1936 года становится вполне реальной.

Идеология строительства Новой Страны требовала от Рериха четкой позиции. Он неизбежно должен был стать на сторону Японии в надвигающемся возможном конфликте, по крайней мере, на начальном этапе. Его вера в то, что события развернутся по определенному политическому сценарию, подхлестывалась религиозной атмосферой на Востоке. Буддийская Азия ожидала пришествия Майтрейи. Рерих не только хорошо знал о «священной войне Шамбалы», он приложил немалые усилия, чтобы собрать сведения об этой легендарной стране, затерянной в горных долинах Тибета и Гималаев. На страницах его книг «Алтай–Гималаи» и «Сердце Азии» щедро рассыпаны пророчества лам о «грядущей эпохе Шамбалы». «Наблюдайте время, когда на шлеме воинов появятся красные звезды». В

1921 году в монастыре Ташилунпо, тибетской резиденции Таши-ламы, воздвигается гигантское изваяние Майтрейи. При этом было объявлено, что царствование Благословенного Владыки начнется через 15 лет, то есть в 1936 году. Пророчества и предсказания на 36-й год, возможно, не относятся ни к научному характеру книги, ни к творческой натуре Рериха (хотя у него определенно мистическая интуитивная природа, как и у любого настоящего художника). Однако в распоряжении историков остается их достоверное собрание.

Итак, всё сходилась на 1936 год. Маньчжурская экспедиция планировалась сроком на три года. Рерихи предполагали, что останутся на Дальнем Востоке до 1937-го. В Харбине, куда они прибыли 30 мая 1934-го, был сформирован экспедиционный отряд из местных русских (помимо отца и сына Рерихов и двух американских ботаников). Первая летняя экскурсия в Баргу состоялась в августе 34-го. Вторая, в Гоби, началась в конце ноября. Возникает естественный вопрос: что же делал Н.К.Рерих в Харбине пять месяцев? Является ли Маньчжурская экспедиция именно экспедицией в полном значении слова? Или она нечто совсем иное...

Путь на «Китай и Харбин» намечен был еще на Рождество 1921 года. Конкретного плана не существовало, только магистральное направление. Как представлялось, судьба будущей России, и прежде всего ее Азиатской части и Сибири, зависела от центров русской эмиграции на Дальнем Востоке. Самым крупным из них, причем сложившимся естественным историческим образом, являлся Харбин. Он возник в связи с прокладкой в конце XIX века Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Вполне закономерно, что именно этот чисто русский город для Рерихов стал наиболее притягательным. «Харбин избран центром в строительстве будущей культуры России» [3] – так свидетельствует дневник Е.И.Рерих.

Как раз осенью 1921 года в Нью-Йорке появился П.А.Чистяков, приехавший в командировку из Харбина по делам «организации международной опеки над дорогой». (Он занимал крупный пост в управлении КВЖД). Его встреча с Н.К.Рерихом – знакомы они были еще по Петербургу – обнаружила общность взглядов и духовных стремлений. Елена Ивановна подарила Чистякову портрет Учителя Мории, который она хранила в нагрудном медальоне как самую ценную вещь, очень дорогую для нее реликвию, полученную от самого Мастера. А ее супруг сумел убедить харбинского гостя в необходимости учреждения высшей школы на Дальнем Востоке. При благоприятных условиях она могла стать центром культуры, где Рерих «укажет новый путь учения» [3]. На первый взгляд может показаться, что расчет строился на чуде. Но помимо чудесных обстоятельств, в Америке начал устанавливаться комитет будущей «школы», получившей в устных беседах статус университета. В состав комитета, кроме самого Чистякова и Рериха, предложено было ввести Б.А.Бахметьева, бывшего русского посла в США. С ним прошли переговоры. Наладились также подступы к крупному магнату Рокфеллеру.

По возвращении из Америки, где Чистякову пришлось пробыть целых семь месяцев, он с удивлением обнаружил, что за время его отсутствия произошла резкая «китаизация» полосы отчуждения КВЖД. Ситуация кардинально менялась. «Идея учреждения в Харбине на американские средства университета для русских студентов особого сочувствия здесь не встретила», – сообщал впоследствии Чистяков в письме к Рериху (1.4.1923) [14]. Причина оказалась вполне прозаической – в Русском Китае уже «влачат свое существование зародыши высших школ», такие как Русско-Китайский техникум, Экономическо-юридические курсы и Медицинские курсы. Появление еще одного высшего учебного заведения только осложнило бы положение и создало нездоровую конкуренцию. Русские профессора из Америки, в числе которых несомненно предложены были Н.К.Рерих и Ю.Н.Рерих, оказались в Харбине ненужными.

Существовали и политические мотивы отказа. У новой администрации дороги сложилось мнение, что китайцы не позволят открыть на своей территории русский университет, ибо это нарушило бы их суверенность. Однако слухи о проекте, в согласии с которым из-за границы приглашаются русские профессора, быстро проникли в молодежную среду. Вскоре вспыхнуло «мятежное движение» студенчества за замену некоторых

«никчемных профессоров», в пользу ученых, выписанных из Америки и Европы. Но Рерихи уже держали курс на долгожданную Индию.

Н.К.Рерих с сыном Юрием у буддийских святынь.
Нью-Йорк, 1929

Летом 1922 года Чистяков стал посещать лекции в только что открывшемся Харбинском Теософском обществе, а осенью вступил в Орден Розенкрейцеров. Не прошло и года, Чистяков поменял пристрастия, избрав своими наставниками старших Рерихов. К ученикам причислил себя и В.К.Рерих, который тоже обосновался в Харбине. «Индия кажется нам ближе, чем Париж или даже Америка, – писал Чистяков своим учителям, – и нам хотелось бы верить, что у Вас найдется возможность хоть изредка издали руководить нами» (12.11.1923) [14]. В ноябре 1924-го к ищущим духовных впечатлений харбинцам присоединился инженер В.Н.Грамматчиков. Образовалась крепкая ячейка из трех человек, которые жили надеждой, «внушенной», как непосредственно выразился Чистяков, словами Рериха «о великом будущем Сибири» (19.12.1923) [14].

К середине 20-х годов на Дальнем Востоке усилиями сотрудников Рериха разворачивается коммерческая и хозяйственная деятельность. В Харбине открылись филиалы сразу нескольких организаций, инкорпорированных Музеем Рериха в Нью-Йорке, – книгоиздательства «Алатас» и торгово-транспортной конторы «Мировая Служба». Это была проба сил на будущее. Рерихи подступались на практике к Мировому плану, полагая, что «Союз Востока начинается в Сибири в виде частного общества» [15]. Новая Страна, как и любая другая, должна была вначале иметь собственную территорию, хотя бы небольшой клочок земли. Именно в это время, незадолго до Центральноазиатской экспедиции 1925-28

годов, стала витать идея об организации сельскохозяйственного кооператива «Алатырь» и акционерного общества «Белуха» (для разработки серебряных руд и для опытов по использованию радиоактивности в сельском хозяйстве).

По возвращении экспедиции из Тибета снова встал вопрос об интересах рериховских учреждений в Монголии и Китае. Сразу же после поездки в Америку в 1929-30 годах, где Рерих заручился финансовой поддержкой Луиса Хорша и приобщенных к Музею состоятельных американцев, он обратился с деловым предложением к своему брату В.К.Рериху. Суть предложения – организация сельскохозяйственной фермы. Гарантом выступил нью-йоркский Музей.

Музей Николая Рериха в Нью-Йорке, 1929

Однако в начале 30-х в Америке разразился финансовый кризис. И «великая депрессия» отодвинула планы еще на неопределенное время. В течение нескольких лет, в 1932-33 годах, шла серьезная подготовка к Маньчжурской экспедиции. В этот период В.К.Рерих пытался продвинуть дела «Трехреченских артелей», оказавшиеся не особенно успешными. Весной 1934-го Н.К. и Ю.Н. Рерихи прибыли в США, где окончательно должны были согласовать детали предстоящей экспедиции в Департаменте сельского хозяйства. 15 марта в Вашингтоне состоялась встреча с главой Департамента Генри Уоллесом. Имея в руках все санкции на проведение экспедиции, в том числе финансовые, Н.К.Рерих получил и «Проект организации сельскохозяйственного кооператива в Маньчжурии» [16], составленный В.К.Рерихом. Николай Константинович писал брату в Харбин: «Только что получен план Кооператива, и я очень рад, что [проект] сделан в хорошей форме. Сейчас он будет переведен, чтобы показать соответствующим полезным людям... Действительно приходят большие сроки, и нужно встретить их в сердечной готовности» [17].

Как только Н.К.Рерих прибыл в Маньчжурию летом 1934-го, сразу же полетело письмо в нью-йоркский Музей. Глава экспедиции направил документы об учреждении под его покровительством Сельскохозяйственного кооператива «Алатырь», на который «желательно было бы получить американских долларов 10-15 тысяч» [18]. Начиналось это письмо указанием «для передачи куда следует». Адресат был известен лишь доверенным сотрудникам Музея. Им оказался министр Генри Эдгар Уоллес. В Вашингтоне при встрече с

Рерихом он получил из рук своего Гуру «кольцо, Портрет и порошок йога» [12]. Это мистические атрибуты ученичества, переданные по указу с Гималаев. При таких обстоятельствах всё принимало совершенно иной оборот. Маньчжурская экспедиция походила теперь на тайную Харбинскую миссию.

Действительно, так оно и было. Еще две встречи Уоллеса и Рериха, 21 марта и 14 апреля 34-го, на этот раз уже в Нью-Йорке, скрепили будущие намерения. Министру были даны указания, «как готовить себе президентство, как идти в общем Плана, ибо его успех не будет вне Плана» [там же]. В Америке, в канун Маньчжурской экспедиции, утверждалась расстановка сил. Вот-вот должна была начаться основная фаза Мирового плана.

Как отдельного документа «Мирового плана» не существовало. Он оставался в обиходе Рерихов. Но сохранились дневниковые записи их близкой сотрудницы З.Г.Лихтман (Фосдик) [12]. Конечно, это далеко не полные, обрывочные сведения. По ним можно получить лишь отдаленное представление об участниках и месте событий, которые, предполагалось, развернутся в Центральной Азии.

«План – это поездка в Киото для выставки картин, затем в страну Ачаира [Маньчжурию], оттуда Юрий [Рерих] едет в глубь Монголии тренировать, организовывать – Н.К. [Рерих] глава всему. Япония на стороне дружбы, ибо они единственные против большевиков. Америка могла бы иметь первое место, но потеряла его из-за признания [СССР]... Ни Юрий, ни Н.К. не вернутся в Индию скоро, указан срок 1936 года...» (14.3.1934).

«Какой Н.К. великий дух – понятно, почему он явится представителем Новой Страны... Н.К. посетил японского консула и очень доволен свиданием... Н.К. ему говорил о Сибирском центре – тот понял» (19.3.1934). «Юрий заходил, беседовали о разном, он говорил о будущем. Вначале пойдут 30 человек, потом в Харбине все расширится, потом Внутренняя Монголия или Алтай – на месте будет видно» (19.3.1934). «Я имела чудный разговор с Юрием о будущей Стране и управлении ею – весь план так прост и вместе с тем будет весь чуть ли не завершен в 1936 году. Не верится во всю эту чудесную сказку» (22.3.1934).

«Вечером была Беседа. Н.К. опять писал. Дано вновь 11 июня 1936 года» (31.3.1934). «У меня днем был на чае Завала (японский консул) с женой. Говорила с ним о Н.К. – мировом лидере, что о нем говорил Метерлинк, о значении Японии и России в будущем» (9.4.1934). «Н.К. сказал: вдруг появится непобедимая монгольская армия, начнет побеждать, действовать – знаменательно!» (17.4.1934).

«Мы с Н.К., Юрием и Таруханом [Г.Д.Гребенщиковым] поехали к Завадским⁶ слушать его гимн "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его". Превосходная вещь... Н.К. сказал Завадскому, после того как он сыграл часть своей симфонии: "И назовите это – 1936 год"» (19.4.1934). «Н.К. говорил о необходимости выполнения всего Плана... Велел помнить сказанное, ибо сроки последние, и если мы не выполним всего, мы не люди вообще. [Николай Константинович и Юрий] уехали на великую миссию – спасение России» (22.4.1934).

Вполне очевидно, Н.К.Рериху отводилась роль мирового лидера. Да и все ближайшие сотрудники так и называли его – «наш Великий Вождь». На таком фоне фактическое руководство Рериха корпорациями «Панкосмос», «Белуха», «Ур», «Новый синдикат», «Международное информационное агентство» и «Алатырь» не выглядело внушительным. Масштаб Азии покрывал любые международные проекты и связи.

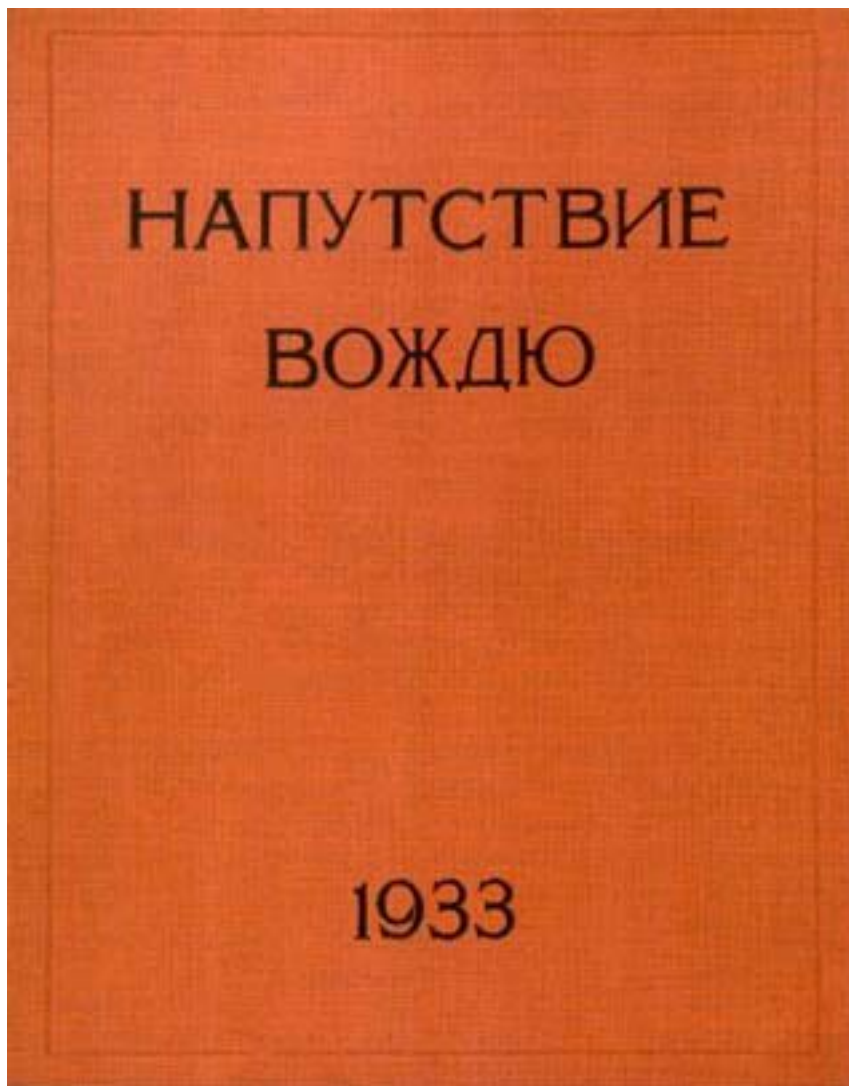
Подготовка почвы для лидерства началась активно в самом конце 20-х годов, особенно после того как Буддийская миссия в Лхасу оказалась неудавшейся. Рерих объективно завоевывал симпатии людей, бросив в массы девиз «Мир через Культуру» и выдвинув идею Пакта и Знамени Мира о защите культурных ценностей. В 1931 году в Брюгге прошла Международная конференция, которая сделала Пакт Рериха достоянием широкой общественности и политиков. Королевские дворы Бельгии, Дании, Югославии, Норвегии ответили Рериху посланиями, и некоторые даже наградили его своими национальными орденами. «Мировое значение Н.К. достигло наивысших границ, – сообщала З.Г.Лихтман на

---

⁶ Композитор Василий Васильевич Завадский и его жена Мария Алексеевна.

Дальний Восток В.К.Рериху, – он возведен повсюду как вождь мировой культуры» [19].

Приезд Н.К.Рериха в Харбин во главе экспедиции был встречен с великим энтузиазмом и восторгом. С первого же дня знаменитый соотечественник стал желанным гостем на всех городских собраниях и торжествах. Он выступил в Христианском Союзе Молодых Людей, на старейшем Юридическом факультете, в приюте-училище «Русский Дом», в Институте Св. Владимира – в местах, где была прежде всего молодежь. Повсюду Рерих подчеркивал мысль о том, что Харбин как средоточие культуры находится «в особом положении». «Харбин исключительный центр. Я проехал 24 страны и констатирую это перед вами... Я видел много русских колоний, но здесь ощутил – очаг русской культуры» [20]. Именно в этом, одном из самых первых своих выступлений по прибытии на Дальний Восток, Рерих обратил «особое внимание» аудитории на «реальную ценность истинного русского вождя». Хотим мы этого или нет, но Рерих предстал перед харбинцами настоящим вождем, готовым вести свое воинство.

Обложка книги «Напутствие Вождю»

Есть особые обстоятельства, о которых нельзя умолчать. Когда ранней весной 1934-го Н.К.Рерих прибыл в США, он привез с собой из Индии рукопись «Напутствие Вождю». Она была собрана Е.И.Рерих незадолго до его отъезда, в конце 33-го. Текст, составленный из отдельных параграфов, целиком посвящался мировой роли Водительства и роли Вождя, который «даст новые пути». Первый, предварительный вариант рукописи был еще раньше послан в Нью-Йорк. З.Г.Лихтман, не дожидаясь указаний, предприняла было шаги для ее издания, но это пока не входило в планы Рерихов. Только спустя несколько лет книга «Напутствие Вождю» вышла в Риге незначительным тиражом, немногим более 50 экземпляров (каждый экземпляр был нумерованным). Кому же и для чего предназначалась книга, изданная, что называется, «для служебного пользования»?..

Конечно, можно предположить, что книга в виде руководства или пособия подготовлена для некоего абстрактного вождя. Но дары Учителей человечеству, к которым несомненно относится «Напутствие», бывают только конкретными. Они всегда имеют своего адресата. И эта книга тоже предназначалась для определенного круга избранных лиц и руководителей рериховских обществ. (Для того чтобы они смогли вместе с Рерихами принять грандиозный План переустройства жизни). По существу, на ее страницах была изложена программа социальных преобразований Новой Страны. Поощрялись деловые кооперативы и братства для культурного общения. «Устремление к истинному кооперативу лежит в основе эволюции. Кооперативное устройство – единое спасение» [21]. Значение кооператива в развитии государства, согласно концепции книги, настолько велико, что ему отводится ведущая роль в самых разных отраслях хозяйства, даже таких, например, как строительство дорог.

И всё-таки, кто этот Вождь, кого «напутствуют» Учителя?.. Несомненно, этот Вождь – сам Рерих. Завершая первый этап экспедиции в Северную Маньчжурию, в Баргу и Хинганские горы, он находился на вершине славы и почитания. 29 сентября 1934 года нью-йоркский Музей Рериха извещал свой филиал в Париже: «Так триумфально и торжественно шествует великий Мировой план нашего вождя» [22].

Рядом с мировым вождем Рерихом возвышаются другие фигуры, оказавшие влияние на поиски Новой Страны. Главная из них – министр Генри Уоллес. Именно он дал своему Гуру ощутимую надежду ступить на землю Майтрейи. И он же сокрушил Великий план. Человечеству в наследство осталась самая дерзновенная мечта, которая навсегда будет связана с именем Рериха.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРМАГЕДДОН НА ОКРАИНАХ ПУСТЫНИ ГОБИ

I

Маршруты центральноазиатских странствий Н.К.Рериха удивительно необычны. Обе его экспедиции – и Тибетская, и Маньчжурская – проходили по окраинам пустыни Гоби. Безжизненные гобийские земли раскинулись на границе с крупными территориями – Северной Маньчжурией, Внутренней Монголией и Синьцзяном. Все они к середине 20-х годов прошлого столетия являлись китайскими провинциями, и с началом революции в Китае (1925) власть гоминьдановского руководства там стала ослабевать. Эти провинции превращаются в мятежные области, за которые ведут борьбу империалистические державы Япония, Англия и Германия. Собственные интересы стремятся отстоять также и Советский Союз. Случайно или нет, но именно пригобийский пояс в Центральной Азии делается средоточием политического циклона.

Первая Центральноазиатская экспедиция Н.К.Рериха стартовала в 1925 году в Кашмире и затем проследовала в Кашгарию. Из Синьцзяна она двинулась в 1926-м на русский Алтай (с заездом в Москву) и в Монголию, где расположилась на отдых. Потребовалась долгая остановка на семь месяцев перед решительным броском на Лхасу. (Это время Рерих постарался использовать для налаживания контактов с политическими лидерами и ламством в Урге). Вторая экспедиция – в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию (1934-35) – официально связывала свои задачи исключительно с зоной распространения засухоустойчивых растений – злаков, кормовых и лекарственных трав. Но помимо того, Рерих включился в культурную и политическую работу в среде русской эмиграции, а также участвовал в организации кооперативного движения.

И если первая экспедиция была в полном согласии с Красной Москвой – при каждом удобном случае Рерих выказывал лояльность Советам и даже сотрудничал с ними, то вторая носила откровенно антибольшевистский характер. Такая разительная перемена во взглядах, с разницей всего в несколько лет, вполне могла быть связана с геополитическими целями, выдвинутыми рериховскими учреждениями и их лидером. Хотя Рерих стоял гораздо выше любых политических игр – он использовал то одних, то других деятелей на пользу общего дела. К примеру, в 1924 году в Берлине вел переговоры о противодействии англичанам с советским полпредом Н.Н.Крестинским, а в Дарджилинге в то же самое время поддерживал дружбу с британским резидентом полковником Ф.М.Бейли. Прославленный театральный деятель В.И.Немирович-Данченко, будучи на гастролях в Нью-Йорке, заявил: «Николай Константинович принадлежит всем – нет ни правых, ни левых» [1]. У вождя культуры имелся свой собственный «Мировой план», в который он попытался встроить и великие державы, и малые племена, обитающие в Азии. И тем не менее, чисто внешнее предпочтение Рерих отдал Японии. Здесь, возможно, следует обратить внимание на то, что как раз Северная Маньчжурия и Внутренняя Монголия стали к середине 30-х годов регионом возрастающего прояпонского влияния.

Маньчжурская экспедиция вступила в начальную стадию своего осуществления осенью 1933 года. Если верить письменным свидетельствам ее участников, она не имела долгого подготовительного периода и была как бы спонтанной и даже, до некоторой степени, неожиданной. Однако именно конец 33-го и начало 34-го годов и последующие несколько лет – поворотное время в судьбе всего Дальнего Востока. Страны этого региона со второй половины 20-х годов крепко-накрепко оказались связаны в узел политических противоречий, который необходимо было развязать. Центральная Азия превратилась в арену столкновений геополитических интересов СССР, Японии, МНР, Китая и Тибета. Причем за спиной Монголии стояли Советы, за Тибетом – англичане и за Китаем – Соединенные Штаты.

Итак, что же представлял из себя к середине 30-х годов центральноазиатский политический котел, подогреваемый огнем жизненных интересов сопредельно существующих государств?

Ведущую роль в международной политике к этому времени заняла Япония. Обстановка для нее складывалась вполне благоприятно вследствие того, что США и крупнейшие страны Запада были втянуты, прежде всего, в решение внутренних проблем из-за развернувшегося в конце 20-х годов мирового экономического кризиса. Они не могли активно вмешиваться в события на Востоке. В результате побед, одержанных Японией в войнах с Китаем (1894-95) и Россией (1904-05), она получила «особые» права на материке. Континентальная политика Японии подкреплялась на государственном уровне меморандумом Танака (1927). Согласно этому документу, японские интересы постепенно распространялись на Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и затем на территорию СССР – Приамурье и Приморье. В дальнейшем планировалось создание азиатского плацдарма для военных действий против Соединенных Штатов.

Японские политики и военные в лице министра Танака сформулировали свои требования, подхлестнутые, возможно, выступлением правящих кругов США и Англии, которые поддержали в апреле 1927 года Чан Кайши и его идею создания «единого Китая». После китайской революции страна представляла собой разрозненные провинции и группы воюющих генералов. А Запад нуждался в рынках сбыта (подорванных революцией) и опосредованно подталкивал Нанкинское правительство к соперничеству с Японией. В начале 1931 года японские военные выработали общее мнение, что «Маньчжурия и Монголия имеют большое значение для Японии как с точки зрения обороны страны, так и развития ее экономики» [2]. 18 сентября 1931 года произошло вторжение японских войск в Мукдене, и затем Маньчжурия полностью перешла в сферу влияния Японии. Китайско-японский конфликт по маньчжурскому вопросу был вынесен в Лигу Наций. Правительство США сделало декларативное заявление, получившее известность как «доктрина Стимсона» или «доктрина непризнания». Американская дипломатия хотела предупредить Японию о том, что Соединенные Штаты не намерены отказываться от своих позиций в Китае. В таких дипломатических взаимоотношениях двух стран скрывался тлеющий конфликт, который оказывал сильнейшее влияние на международный климат. Кстати, примечательный факт: в разгар осенних событий 1931-го почетный советник Музея в Нью-Йорке Чарльз Крейн от имени Н.К.Рериха обратился к президенту Национального правительства Республики Китай Чан Кайши с письмом и послал ему дары (книги и пр.). В ответном письме Чан Кайши выразил надежду на «блестящее будущее уникальной организации, учрежденной прославленным художником» и пожелал развивать «основы цивилизации в том что касается универсального знания в области искусства, философии и науки» [3].

В начале 1932 года японская агрессия распространилась на Шанхай, один из крупнейших промышленных центров Китая, и вскоре, 16 февраля 1932-го, официальным актом было провозглашено о создании нового марионеточного государства Маньчжоу-Го. Его правителем, принявшим покровительство Японии, стал император Пу И. Дайренское соглашение закрепило статус Маньчжоу-Го и создало предпосылки для дальнейшего напряжения на Дальнем Востоке.

Таким образом, к середине 30-х годов программа военно-политической экспансии Японии в Азии набирала силу. Японская агрессия расползлась по территории Китая и вскоре подступила к границам СССР.

Вся зарубежная пресса того времени (включая и русскоязычную в эмиграции) писала о «военно-политических целях проникновения Японии в глубь азиатского материка и ее империалистических устремлениях в сторону России» [4]. Баланс между Советским Союзом и Японией существенно изменился после известного столкновения двух стран в конце октября 1931 года (по поводу помощи, которую СССР якобы оказывал китайскому генералу Ма, борющемуся с японцами). Япония в этом столкновении показала решимость идти на прямую конфронтацию с Москвой, если та станет ей поперек дороги. Коммунистическая власть отступила и отныне направляла свои усилия только на то, чтобы собственная страна не была втянута в вооруженный конфликт.

В существующих условиях подготовки к аннексированию Японией дальневосточной окраины позиция Советского Союза казалась крайне уязвимой. Стала очевидной неспособность Советов защищать свои интересы в Маньчжурии. Сразу же после вторжения

Японии в Маньчжурию, правительство СССР в феврале 1932 года высказалось о согласии уступить свою долю на владение Китайско-Восточной железной дорогой. (Россия владела северной веткой КВЖД по договору 1905 года об окончании войны с Японией, и впоследствии, в 1929-м, Советское правительство силой оружия отстояло право на железную дорогу от китайских притязаний). В 1935 году Советский Союз в одностороннем порядке продал КВЖД марионеточному правительству Маньчжоу-Го.

Судя по японским военным планам, которые отчетливо были закреплены в правительственных документах и даже проникли на страницы печати – откровенно высказывались, например, в книге Хирата «Как мы будем воевать?», – Япония, без сомнения, готовилась к войне с СССР. Советский Дальний Восток являлся в представлении японцев лишь стратегической базой в будущем столкновении с Америкой. Ни у кого не возникало сомнения, что «борьба между США и Японией перенесется на сибирские поля» [4]. (Такое мнение открыто распространилось в западной прессе). При этом экономическое положение Советского Союза на Дальнем Востоке оставалось критическим. У Красной Армии отсутствовала сырьевая и продовольственная основа для успешного ведения военных действий. К тому же, через Приамурье и Приморский край тянулась одна-единственная ниточка железной дороги, которая могла быть сразу же перерезана вследствие внезапного нападения японцев.

Анализ политической и экономической обстановки, создавшейся на театре возможных военных действий двух государств – Японии и СССР, обстоятельно был дан русским генералом Н.Н.Головиным. 1 марта 1934 года в Белграде он прочитал свой знаменитый доклад «Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке», изданный отдельной брошюрой [5]. В целом реставрация императорской власти Маньчжурской династии, по мнению Головина, имела далеко идущие планы. Это стало большим шагом вперед в политике Японии по образованию «союза народов желтой расы» под ее гегемонией. Ровно за год до белградского доклада, 1 марта 1933-го, один из идеологов японского милитаризма генерал Араки на открытии паназиатского конгресса «Великая Азия», собравшегося в Токио, заявил, что грядущая война будет носить расовый характер – война восточных народов против белых.

Как раз в марте 1933 года японская агрессия в Китае выходит на новый виток. После Маньчжурии Япония оккупирует китайскую провинцию Жэхэ, которая граничит с другими провинциями – Чахар и Суйюань. Две последних входят в состав Внутренней Монголии. Возможно, эти события и подтолкнули князя Западного сунита Силингольского сейма Дэвана к тому, чтобы отстоять независимость Внутренней Монголии. Борьба против китайских властей шла с начала 30-х годов и в условиях политической разногласицы оказалась успешной. Дэвану, слывшему авторитетом среди своих соплеменников, удалось объединить князей, которые не вошли под японское покровительство. Он добился права от Нанкинского правительства на создание внутримонгольского государства с центром в монастыре Пайлан, в Батухалке (провинция Суйюань). На первых порах новый лидер занимал жесткую позицию против Японии, но со временем ситуация стала меняться. Появились те или иные формы сотрудничества с Маньчжоу-Го. В условиях нависшей угрозы войны между СССР и Японией складывалось всеобщее мнение, что «Внутренняя Монголия может объявить себя независимой» [6].

Известный американский синолог и путешественник Оуэн Латтимор, долго находившийся на Дальнем Востоке, попал в эпицентр монгольских событий. Он постоянно публиковал свои корреспонденции в крупнейших западных изданиях. И его оценка происходящего в Азии заслуживает пристального внимания. Есть важное обстоятельство, вдвое увеличивающее наш интерес. Латтимор был знаком и часто сталкивался с Рерихами в ходе их Маньчжурской экспедиции. В одной из своих статей «Неизведанные границы Маньчжурии» (1933) американец писал:

«Некоторые монгольские вожди Внутренней Монголии надеются, что из антагонизма Китая, Японии и России они сумеют выкроить монгольское независимое государство... Позже или раньше Япония и СССР померятся силами, и тогда, в конце концов, монголы скажут свое слово» [7].

Вполне понятно, у Рериха было давнее стремление оказаться на просторах степной Монголии. (Еще в сентябре 1924-го, во время его пребывания в Сиккиме, появилось послание, предназначенное для передачи Монгольскому правительству. Об этом пойдет речь ниже). Строящаяся столица Батухалка (Баотоу) становится очагом «новой жизни». Туда, в юртовый город, направляется Маньчжурская экспедиция – это второй основной ее этап. Рерих встречается с князем Дэваном в его Бурун-сунитской ставке. И вскоре рядом устраивает свою собственную «ставку».

Отныне встречи с князем Дэваном становятся регулярными. Ему даже вручаются Знак Музея Рериха и Знамя Мира – высокие символы культурного строительства. «Живую силу монгольского автономного правительства является сунитский князь Де-Ванг, – пишет Рерих в очерке «Наран Обо» в июне 1935 года. – Нелегка задача этого князя, желающего вдохнуть новые государственные формы около древних монгольских знамен» [8]. Под новыми формами подразумеваются, конечно, кооперативы. «Кооперация является лозунгом дня» [там же]. Но большая политика не делается одними только кооперативами...

Движение монголов за автономию базируется на религиозном главенстве Панчен-ламы и доктрине Шамбалы. В окрестностях Бату-халки князь Дэван возводит для Панчена большой дворец. Место под собственную обитель и под будущую монгольскую столицу указал сам буддийский иерарх. Глава автономного правительства Внутренней Монголии, князь хошуна Дархан Бейлэ Юнван состоит в дружбе с Панчен-ламой. Обозначаются взаимные интересы – высокий лама направляет государственное устройство, князья прославляют Шамбалу. (В августе 1935-го в журнале «Луч Азии» публикуется серия статей Хара Дэвана «Священная Шамбала»).

Какова же позиция Рериха в круговороте политических течений и интересов, захвативших Азию?.. Всё-таки эта позиция нацелена на поддержку еще одной «новой страны», на образование независимого государства на границе пустыни Шамо, или Гоби. Запись из Маньчжурского дневника Рериха от 11 июля 1935 года:

«Тяньцзиньская газета говорит, что в Англии являлся вопрос, куда тянется Внутренняя Монголия, к Советам или к Японии. Мы не поняли, почему поминается только такая альтернатива. Ведь Монголия, прежде всего, хочет быть таковой [как она есть] и по естественному своему положению имеет все шансы стремиться к такому вполне почтенному желанию» [9].

Даже если это всего лишь мнение Николая Константиновича, оно всё равно остается неизменно ценным свидетельством происходящего. Вполне очевидно другое: в условиях политического армагеддона на пространствах Азии происходит раздел сфер влияния и попытки возникновения новых государственных образований. Среди них – не только марионеточное Маньчжоу-Го и автономное государство Дэвана, но и повстанческие республики в Синьцзяне и Кашгарии...

II

Начало Маньчжурской экспедиции на удивление совпадает с кардинальными изменениями, которые произошли в буддийском мире Востока. 17 декабря 1933 года умер верховный правитель Тибета Далай-лама XIII. Именно он, и в его лице англофильская группировка в Лхасе, воспрепятствовали в 1927-м экспедиции Рериха посетить тибетскую столицу и провести переговоры об объединении буддистов Запада и Востока в одно религиозно-политическое движение. Теперь все препятствия благополучно устранялись. У буддистов оставался единственный духовный авторитет – Панчен-лама (Таши-лама), в 1923 году бежавший из Тибета и на протяжении более десятка лет (вплоть до своей смерти в 1937-м) находившийся в Китае. Еще в середине 20-х годов Рерих сделал ставку на Панчен-ламу и его окружение. Во время пребывания в Урге (1926-27) он предпринял даже попытку выехать в Пекин на переговоры с Панчен-ламой, но китайское правительство не выдало ему визы для посещения Китая. Намерения встретиться с Панчен-ламой и живой интерес к его личности как политика неоднократно фигурируют в дневниках Е.И.Рерих.

«Явление новое чует Таши-лама» (19.7.1924); «Удряя (Юрий Рерих) мог спокойно

ехать к Таши-ламе» (23.8.1925); «Таши-лама становится главою буддистов без Далай-ламы» (13.4.1926); «Можно ручаться относительно успеха Таши-ламы» (5.7.1926) [10].

И в связи с этим возникает закономерный вопрос о целях предполагаемой поездки. Ответ на такой вопрос не будет однозначным. Получить на него определенное суждение следовало бы путем реставрации тех связей, которые возникли у Рериха с представителями советского полпредства в Урге, правительства МНР и монгольского ламства.

Далай-лама XIII

По приезде Рериха в Монголию в 1926 году сразу же налаживаются тесные контакты с Цыбенгом Жамцарано, неперменным секретарем Монгольского Ученого комитета, имевшим большое влияние в правительстве МНР. Жамцарано активно поддержал Центральноазиатскую экспедицию, «создав ей самые благоприятные условия для работы в Монголии» [11]. Что же могло привлечь «убежденного буддиста» к приезшему художнику Рериху? Начинается сотрудничество Монгольского Учкома с Рериховским музеем в Нью-Йорке – как раз в Ургу приехали его сотрудники Морис и Зинаида Лихтманы, чтобы проводить Тибетскую экспедицию в дальний путь. В 1928 году Жамцарано обсуждает с Америкой возможность создания музея памятников буддийской культуры. Музей Рериха

обещает вложить денежные средства.

«Создание такого музея мне кажется настолько серьезным и сложным, – пишет Жамцарано своему учителю с. Ф.Ольденбургу, – что без обмена мнениями с Вами я не решаюсь дать определенный ответ американским поклонникам Буддийской культуры. С одной стороны живой буддизм Монголии, Бурятии и Тибета, а с другой стороны международное значение настоящего музея памятников Буддийской культуры!» [12].

Еще один проект, предложенный Учкомом, касался киносъемок Монголии. При участии американских культурных учреждений предполагалось создание документальных фильмов «исключительно географического и этнографического характера», а также художественных, основой которых послужат исторические сюжеты и сказки [13]. Неоднократно Рерихи обсуждали с Лихтманами в письмах идею создания фильма о Чингисхане. Переписка руководителя монгольского Учкома с сотрудниками нью-йоркского Музея продолжалась до 1933 года, вплоть до высылки Жамцарано в СССР.

Вместе с Агваном Доржиевым в Монголии Цыбен Жамцарано считался одним из главных идеологов «революционного панмонголизма», который зародился в начале XX столетия и вырос из бурятского национально-освободительного движения [14]. Идея панмонголизма получила свое конкретное выражение после Октябрьской революции в России. Она складывалась в среде бурятской интеллигенции в период 1918-19 годов, и ее лозунгом выдвигалось создание единого национального Монгольского государства. Независимая республика, как считалось, должна была образоваться из бурят и монголов путем отделения Бурят-Монгольской Республики от СССР и Внутренней Монголии от Китая. Первоначально ориентация этого панмонгольского государства предполагалась на Советский Союз. «Пусть Внешняя Монголия пойдет к своим сородичам во Внутреннюю Монголию, Баргу, Синьцзян и организует их всех против мирового империализма» [15]. Но появление на карте Азии Монгольской Народной Республики (1924), которое усилило влияние СССР на Внутреннюю и Внешнюю Монголию, заставило идеологов панмонголизма (Жамцарано, Бадмажапова и др.) «бросить ориентировку на Японию» [16, л.71].

Монгольский вопрос остро встал на повестку дня после поражения китайской революции в 1927 году. Внимание и Москвы, и Токио было перенесено на национальные окраины – Северную Маньчжурию, Внутреннюю Монголию, Синьцзян и Тибет. В эти районы Советы надеялись экспортировать с помощью МНР коммунистическую идеологию (после разгрома коммунистических центров, созданных Коминтерном, в южных и внутренних провинциях Китая). Япония же рассчитывала «внедрить свой капитал и свое влияние на территории Монголии» [17]. К тому же земли Внутренней Монголии оставались практически незаселенными и неосвоенными. Большинство кочевых территорий монгольских племен от Барги до Западного Тибета являлись бесхозными после ослабления Китая, то есть «пригодными для колонизации».

Разрешение монгольского вопроса японские военные видели в создании «буферного государства» из МНР, Внутренней Монголии и части Маньчжурии. (Заметим, старая как мир идея, начиная с конца XIX века она просто витала в воздухе!). По замыслу Токио, такой план мог реализоваться для мировой общественности как «инициатива самих монгольских князей и лам» [18]. Ведущая роль в этой акции отводилась маршалу Чжан Цзолину, который с 1927 года стал Верховным правителем Северного Китая. От него должен был исходить импульс «государственности». Другим возможным лидером рассматривался атаман Семенов. И Чжан Цзолин, и Семенов получили от японского правительства значительные субсидии на организацию монгольской экспедиции. Оба лидера декларировали непримиримую борьбу с «красными». Внутренняя Монголия и Барга становились сценой, где разыгрывались политические игры Китая и Японии.

Политика Чжан Цзолина (и через него Японии) сводилась к тому, чтобы использовать в своих рядах все слои бурятской и белой эмиграции, монгольских князей и ламство и «создать из Внутренней Монголии плацдарм для борьбы с СССР». «Япония имеет целью захват через Чжан Цзолина МНР, откуда она сможет держать под непосредственной угрозой Дальний Восток и Сибирь», – такую оценку в своих аналитических отчетах давали руководители ОГПУ [16, л. 52].

Агентом главного влияния на жизнь буддийского Востока всегда считалось ламство. Именно на его поддержку и был сделан основной упор Чжан Цзолином. Для того чтобы движение лам стало деятельным и организованным, необходимо было нащупать пути создания «единого ламского центра». Таким естественным центром религиозно-политического движения стал Панчен-лама и его многочисленная ламская свита. С прибытием Панчен-ламы из Тибета в Китай вокруг него сгруппировались все «буддийские элементы» Внутренней и Внешней Монголии, Маньчжурии и частью Бурятии. Он становится для Востока объединяющей фигурой, способной даже вести борьбу с «красной опасностью».

Ряд группировок в качестве своего лозунга взяли высказывание Панчен-ламы: «Каждый буддист должен быть врагом коммунизма» [16, л.62].

Для реализации своих планов Япония нуждалась в сильной религиозной личности. Поэтому через Чжан Цзолина создается соответствующая обстановка, чтобы втянуть Панчен-ламу в реальную политическую работу. (Вполне возможно, что это было личное желание самого Панчена, совпадающее с его будущими планами). Буддийскому иерарху выделяется почетная охрана, специальные поезда для постоянного курсирования из Пекина во Внутреннюю Монголию и обратно, оплачивается срочный ремонт монастырей, открываются личные счета в японских банках. Уже в сентябре 1926 года Панчен-лама принимает участие в съезде князей и лам Внутренней Монголии, который проходит в Нагасаки под лозунгами «объединения азиатских народов» и «борьбы с большевизмом». Он – главная фигура на съезде.

За Панчен-ламой устанавливается пристальное наблюдение Москвы и Улан-Батора (Урги). В Народный комиссариат иностранных дел, в ОГПУ и Военное управление Красной Армии идут бесчисленные донесения и сводки о Панчен-ламе и, в этой связи, о «ламском вопросе». Советский полпред в МНР П.М.Никифоров вносит в НКВД предложение нейтрализовать «реакционную» деятельность Панчена, возглавившего фактически панмонголистское движение. Он сообщает в Москву, что «пора вмешаться в смысле содействия возвращению Панчен-ламы в Тибет и, если нужно, то помочь ему бежать из Китая» [19]. Этот план получает полное одобрение у наркома Г.В.Чичерина. Его итог формулируется в одной фразе: «Вырвать Панчен Богдо из рук Японии и Чжан Цзолина».

В этом же письме Никифорова, направленном Чичерину в декабре 1926 года, кстати, с грифом «секретно», полпред сообщает и о прибывшем в Монголию художнике Рерихе. Никифорова поражает тот факт, что глава Тибетской экспедиции также «ставит вопрос» о возвращении Панчен-ламы в Лхасу.

«В Монголии, в настоящее время в Уланбаторе, появился известный художник путешественник Николай Константинович Рерих, который в августе направляется в Тибет. Вот этот Рерих очень настойчиво ставит вопрос о необходимости содействия возвращению Панчена Богдо в Тибет. Когда я его спросил, почему он считает, что Панчен Богдо должен вернуться в Тибет, то он мне привел какие-то теологические измышления необходимости его возвращения. Я полагаю, что Рерих на кого-то работает, что я пытаюсь сейчас выяснить, а может быть даже хочет установить наше отношение к этому вопросу. Но факт тот, что кто-то также заинтересован в возвращении Панчен Богдо в Тибет» [19].

Кто же этот таинственный «кто-то», так заинтересованный в возвращении духовного вождя буддистов на свою родину в монастырь Ташилунпо?.. Эти предложения Рериха никак не укладываются в японскую схему. Они являются неожиданностью и для Москвы. После неудачной миссии к московским коммунистам летом 1926-го (переданы письма Махатм и проведены переговоры) у Рериха зреет собственный план – использовать имя и авторитет Панчен-ламы как знамя в религиозной войне буддистов. Конечная цель – создание нового государства на пространствах Гоби. Во время стоянки экспедиции в Монголии впервые появляется уточненное название Новой Страны – Штаты Азии. Возможно, это опять-таки всего лишь проект...

У Советского правительства, в недрах ОГПУ, намечена своя тайная перспектива. Разработать, как выражались чекисты, запланированную на лето 1927 года поездку Панчен-ламы в Долоннор и «поставить перед соответствующими органами вопрос о приглашении

его во Внутреннюю Монголию, а через нее заполучить его... в Ленинград» [16, л.70]. Тем более что в Ленинграде имелся действующий Буддийский храм Шамбалы, и Панчен-лама наверняка стал бы его пленником. По секретному заданию Москвы ряд бурятских буддистов попытались встретиться с Панчен-ламой на территории Китая – в Пекине и Внутренней Монголии – и обсудить возможность и сроки его визита в Советский Союз. Однако буддийский иерарх уклоняется от подобных встреч.

Обнаруживается одно важное обстоятельство, связавшее воедино Рериха, Панчен-ламу и идеалы панмонголизма. Это даже не обстоятельство, а реальная личность самого Цыбена Жамцарано. Как крупнейший лидер правого крыла Монгольской народно-революционной партии, Жамцарано приветствовал предполагаемый визит Панчен-ламы в МНР. Он дал обоснование того всеобщего сочувствия, которое царило в рядах его партии в связи с приездом буддийского первосвященника. По его мнению, Панчен-лама не просто пользуется колоссальным авторитетом в массе религиозно настроенного населения, а является «серьезным политическим орудием». При известной политике Панчен-лама может быть «использован для укрепления государственного строя Монгольской Республики, а также для углубления дела церковной реформации» [20]. По-разному будут истолкованы слова Жамцарано. Но неизменными остаются основы. Дух буддийской религии, собрание монгольских племен и новое государство в Азии есть сердцевина панмонголизма. Очень узнаваемые мысли Рериха.

Страница из биографии Н.К.Рериха,
изданной на монгольском языке в 1935 году

Остается добавить, что в разгар Маньчжурской экспедиции, весной 1935 года во Внутренней Монголии печатается анонимная биография Н.К.Рериха. Она была издана в

Батухалке тиражом 300 экземпляров и называлась «Краткое сообщение о великом Учителе Рерихе, носящем титул Всепобеждающего». Появившееся в виде небольшой книги жизнеописание стало неожиданностью даже для самого его героя (Николай Константинович сообщает об этом друзьям в Америку). Общепринято, титул «Всепобеждающий», которым был наделен Рерих, понимается как эпитет Будды. Брошюра написана старомонгольской вязью. Кто же приложил к этому руку... Рерих в Маньчжурском дневнике замечает, что она составлена «большим знатоком дела». Есть основания полагать – автором мог быть Цыбен Жамцарано. (А мог быть и старый князь Юнван, назвавший Рериха ламским титулом Хамбо). Возможно, это стиль времени, писать о духовных вождях от третьего лица. В книге ведь приводятся слова самого Жамцарано. Из этой цитаты легко извлечь квинтэссенцию заглавия.

«Путь прославленных мудрецов, таких как великий Учитель Рерих, подобен пути Бодхисаттвы, он освещает мир подобно лампаде. В наше время бедствий их дела творят безмерное счастье» [21].

Интересна судьба Цыбена Жамцарано, особенно в последние годы его жизни. Отдельные штрихи биографии дадут в общем сюжете полноту представления. В 1932 году Жамцарано был выслан (или командирован?!) в Советский Союз для работы в Институте востоковедения Академии наук. Отъезд в Ленинград совпадает с разгромом правого уклона в МНРП. В этот же год произошел и разгром «контрреволюционного» восстания в МНР. Позже, во время пика сталинских репрессий, органы НКВД напомнят Жамцарано об увлечении им панмонголизмом и политикой. Накануне его ареста в августе 1937-го и сразу после ареста, бурятские и советские газеты предприняли атаку на Жамцарано и его соратников, объявляя их поименно «агентами японского фашизма». Центральная «Правда» писала об «антисоветских делах» в Бурят-Монголии: «Печатались статьи в защиту ламства, проповедовалась общность коммунизма... с буддизмом» (7.9.1937). На следствии монгольскому ученому инкриминировалась «связь с японским агентом Панчен Богдо». Впечатляют некоторые высказывания Цыбена Жамцарано, записанные в протоколе допроса (даже в явной редакции следователя, похожей на фантазию). Одно из них:

«Я действительно являюсь одним из идеологов панмонголизма, ставившего своей целью создать независимое Монгольское государство в составе Внешней и Внутренней Монголии между Большим Хинганом и Алтаем, от русской границы до Великой Китайской стены и Кукунора» [22].

Оставим это без комментариев, с одним лишь вопросом. Не накапливались ли где-то долгое время такие фантазии как некий анонимный компромат?..

Переплетение судеб и событий вокруг личности Панчен-ламы поражает своим масштабом. Дело ведь касается не только Рериха и Жамцарано. В годы своего изгнания из Тибета Панчен становится объектом притяжения отдельных людей и целых группировок с диаметрально противоположными взглядами. Возможно, даже различных религиозных и политических пристрастий. Но зато со временем стала ясно просматриваться линия его духовной миссии в отношении монгольских племен, рассеянных по Центральной Азии.

Панчен-лама с 1927 года начинает играть важную роль в жизни Дальнего Востока. Он попадает в политические объятия Чжан Цзолина и, кажется, этому очень рад. Японская доктрина «Азия для азиатов» находит в его лице активного сторонника. Буддийская империя в Азии, по мнению Японии, должна возглавляться Панчену. В 1928 году буддийский иерарх получает приглашение от монгольских князей объехать многочисленные кочевья Чжеримского сейма во Внутренней Монголии. Во время зимовки в Дархатском хошуне (местность Мурэн) он впервые организует личное войско из тибетцев и монголов, при участии японцев, количеством свыше 200 человек. Этот отряд по замыслу должен был составить ядро будущих войск Панчен-ламы [23].

С конца 20-х годов за Панчен-ламу происходит откровенное соперничество между Китаем и Японией. Китайцы объявляют Панчена председателем «Монголо-тибетского бюро», официальное назначение которого – управление Монголией, Кукунором и Тибетом. Весной 1931 года он введен в состав Нанкинского правительства. В этом же году, с момента маньчжурской оккупации, Панчен-лама получает значительную поддержку от Японии (к

ставке Панчена прикреплены военные советники и инструктора).

Вообще 1931 год явился поворотным, крайне насыщенным политической активностью. Панчен-лама переселяется во Внутреннюю Монголию. Там он полностью опирается на монгольских князей. Начинаются поездки с молебнами и службами по отдельным кочевьям. Осенью 1931-го высокий лама посещает монастырь Ганчжур-сумэ в Барге – тот самый монастырь, где позже надолго останавливались Рерихи во время Маньчжурской экспедиции. А в течение всего 1932 года путешествует по границам с МНР. Панчен-лама распространяет среди населения в сотнях тысяч святыне «лундуны» – откровения для публичного обнародования, пророчествующие о «священной желтой войне Шамбалы с неверными».

Как раз летом 1932 года вспыхивает ламское восстание в МНР, поддержанное значительной частью населения. Повстанческие отряды именуют себя «желтыми войсками Панчен Богдо». А Панчен-лама, со своей стороны, становится идейным вождем восставших.

«По его приказу и при содействии японских типографий пишутся и перебрасываются тайно через границу в МНР тысячи воззваний и молитв, в которых Панчен заявляет о необходимости и неизбежности священных шамбалинских войн, призывая всех и вся к восстанию против народного правительства МНР» [24].

Невзирая на неудачу – восстание в Монгольской Народной Республике было подавлено, в 1933 году Панчен-лама продолжает работу по объединению монгольских князей и лам. Путешествуя во Внутренней Монголии с места на место, он самолично провел пять конференций монгольских князей совместно с эмигрантами из Внешней Монголии и Бурятии. На повестке дня стоит все та же задача – создание «Великой Монгольской империи». Буддийский Восток готов принять Панчена как посланника Священной Шамбалы.

Остается неразрешенным очень важный вопрос: встречался ли кто-нибудь из Рерихов с Панчен-ламой? Ответить на него однозначно вряд ли удастся. Николай Константинович утверждал, что в 1927 году не сумел попасть в Пекин (ему не дали визу). Тем не менее, есть весьма необычные факты, о них упоминает Б.И.Панкратов, советский китаист и разведчик, работавший в Китае. Он сообщает о своем знакомстве в 1927-28 годах с Н.К.Рерихом, который «прибыл в Пекин с границ Тибета». В контексте мимолетных воспоминаний место в его рассказе нашлось и для Далай-ламы, и для Панчен-ламы. Однако самое главное здесь в другом: «Художник хотел въехать в Тибет как 25-й князь Шамбалы, о котором говорили, что он приедет с севера, принесет спасение всему миру и станет царем света. Носил он по этому случаю парадное ламское одеяние» [25]. Знать о таких подробностях мог только близкий к Рерихам друг... Или же человек, вовлеченный в какую-то интригу, вроде той, о которой упоминалось, – возвращение Панчена в Лхасу с помощью ОГПУ. В книге «Сердце Азии» Николай Константинович определяет взаимоотношения между всеми главными буддийскими иерархами – «последним» Далай-ламой XIII, Таши-ламой и «Великим Далай-ламой». Удивительно, что в этот треугольник Рерих помещает себя самого как «Великого» [26]. На то имелись, возможно, законные основания. Еще в 1922 году Елена Ивановна впервые назвала своего мужа «Далай-ламой пятым» [27], строителем Поталы. «Великому» надлежало указать Таши-ламе, чтобы тот «принял Тибет».

A TIBETAN WARRIOR with caftan, sword and amulets. The costume is prescribed by the Lhasa government.
© Horrick Mason Price

A HIMALAYAN VILLAGE SNOW BOUND during the long winter, when the hillmen from the rest of the world. In some of these villages they use a dialect that is incomprehensible to any one save themselves. This photograph and the others on this page were taken by Professor Nicholas Roerich.

A GENERAL MASS FOR MEN in the Depong Monastery in Tibet. The monastery houses about 10,000 lamas. Especially imposing during this ceremony is the choral music.
© Horrick Mason Price

Left—TASHI LAMA, THE SPIRITUAL LEADER of Tibet after a disagreement with the Dalai Lama. He is held in the highest esteem and is awaiting his return. Below him on the throne is the sacred crossed Dorje, the sacred ritual object.

Н.К.Рерих и Таши-Лама. Фрагмент публикации из нью-йоркского Музея в газете «Нью-Йорк Геральд Трибьюн»

III

В начале 1930-х годов на территории окраинной китайской провинции Синьцзян разворачиваются события, которые как в зеркале отразили все политические противоречия Центральной Азии. Разгорается национально-освободительное движение уйгуров (1931-34), имевшее характерную исламскую окраску. Восстание вспыхнуло в апреле 1931 года в Хамийском уезде. Выступление в Хами поддержало население других районов Восточного Синьцзяна. А возглавили восстание князья и верхушка купечества, исповедовавшие идеалы панисламизма и пантюркизма. Руководство сразу же выдвинуло лозунг о создании «независимой исламской республики».

Командование повстанцами, среди которых помимо уйгуров были и дунгане, взял на себя генерал Ма Чжуньин, затем Ма Шимин. Первоначально, в 1931-32 годах, борьба между повстанцами и правительственными войсками шла с переменным успехом. Но к зиме 1933 года повстанцам удалось осадить столицу Синьцзяна – город Урумчи, и положение китайских властей стало критическим. Разведуправление РККА, куда стекались все сведения о вооруженных конфликтах в Азии, давало угрожающую оценку уйгурскому восстанию:

«Дальнейшее развитие повстанческого движения может привести к уничтожению китайской власти в Синьцзяне и попыткам создания мусульманского государства... Эти попытки неизбежно приведут к длительной национальной борьбе за автономии (казахские, монгольские, киргизские, дунганские, уйгурские)» [28].

Появление многочисленных автономных образований на карте Азии к середине 30-х годов – это вполне вероятная перспектива. Ее учитывали в своих планах и Япония, и Великобритания, и Советский Союз. Синьцзян имел мировое стратегическое значение, давно уже утвердилась общеизвестная истина – кто владеет Синьцзяном, тот владеет всей Центральной Азией.

Япония и Англия осуществляли материальную и военно-техническую помощь восставшим. Войска генерала Ма Чжуньина прошли подготовку у японских инструкторов. Японцы посылали деньги и оружие мусульманским северным племенам [29]. Это не было случайной помощью. «У Японии действительно имелись намерения вступить в Синьцзян» [30]. Предпринимались попытки – у Японии с севера, а у Англии с юга – создать Исламскую и Туркестанскую республики.

Появление самостоятельного мусульманского государства в Синьцзяне наносило удар по интересам Китая и, прежде всего, Советского Союза. Драматизм событий не вызывал у Москвы никакого сомнения. 12 ноября 1933 года в Кашгаре было официально объявлено о создании Тюрко-Исламской Республики Восточного Туркестана. Руку к кашгарским событиям приложила Англия. Она оказалась крайне заинтересованной в образовании своеобразного «санитарного кордона» между СССР и Индией.

С ноября 1933-го советско-китайские отношения вступили в активную фазу. В район осажденного повстанцами Урумчи были срочно переброшены из Сибири интернированные части Сун Бинвэя. (Эти китайские охранные войска в количестве 4 тысяч человек, а по другим сведениям до 10 тысяч [31], отошли на территорию СССР и были интернированы в декабре 1932 года, вследствие натиска японской армии, оккупировавшей Маньчжурию). Дополнительно Советское правительство перебросило в Синьцзян Алтайскую добровольческую армию. Она формировалась по национальному признаку из различных частей Красной Армии. В подчинении синьцзянской группировки советских войск находились также подразделения, сформированные из бывших белогвардейцев, – им обещали амнистию и советское гражданство. (Списки белогвардейцев составлялись в Урумчи под руководством генерального консула А.Е. Быстрова еще со середины 20-х годов). Операции по разгрому повстанческих войск генерала Ма проводились с ноября 1933 по апрель 1934 годов. При этом Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление о финансировании операции в Синьцзяне. После вступления войск в Кашгар независимая туркестанская республика прекратила свое существование.

По завершении военной операции в Синьцзяне, согласно договоренности, советские войска в срочном порядке были выведены обратно на территорию СССР. К лету 1934-го еще оставалась конная группа алтайцев, но к следующему 1935 году ушли последние части

Красной Армии. Таким образом, к началу Маньчжурской экспедиции Рериха китайский Синьцзян вновь погрузился в состояние политической летаргии и в еще большей степени стал открытым для китайской колонизации.

Вследствие того что регион Синьцзяна действительно занимал уникальное геополитическое положение в Азии, он привлекал внимание всех крупных мировых держав. Дело не ограничивалось только сырьевой и сельскохозяйственной базой. Синьцзян стоял на перекрестке азиатских путей – граничил непосредственно с Тибетом и Индией – и потому оказывался в центре событий и малого, и большого политического масштаба.

Именно в Синьцзян и его столицу Урумчи докатывались волны происходящего в Китае и Монголии. Прежде всего это касается деятельности Панчен-ламы и его взаимоотношений с Тибетом. Начиная с 20-х годов – после бегства Панчена в Китай – шло серьезное противостояние Англи, Соединенных Штатов и Советского Союза из-за Тибета. Н.К.Рерих также оказался вовлеченным в этот процесс.

Во время первой Центральноазиатской экспедиции Рерих прибыл в Урумчи. В столице Синьцзяна караван сделал месячную остановку, с 11 апреля по 16 мая 1926 года. Этот месяц был насыщен встречами с китайскими властями и советскими представителями. Рерих часто беседует с генеральным консулом А.Е.Быстровым о британской экспансии в Азии и перспективах монгольской автономии. Незадолго до отъезда экспедиции из Урумчи, 6 мая Быстров сделал запись в консульском дневнике о разговоре с Рерихом.

«Приходил Рерих. Вели беседы на разные темы... По его разговорам видно, что идет большая работа по объединению монгол всех районов в одно целое для создания Великой Монголии, начиная от Забайкалья до Хотана в эту сторону и до Тибета в сторону Востока.

Такая работа по имеющимся у меня сведениям, правда, не проверенным, производится и здесь, но очень осторожно, т.к. местные монголы сильно запуганы и боятся китвластей, имеющих везде своих шпионов, но все же по Синьцзяну ходит целый ряд "лам", рассказывающих пророчества, по которым якобы пришло время объединения монгол» [32].

Не будучи еще в Монголии и в Тибете, Рерих, как видно из текста дневника, проявлял определенный интерес к идее собирания монгольских племен под знаменем буддизма. Тем более что политика Панчен-ламы была нацелена на религиозные войны. Характерные штрихи такой ламской политики можно почерпнуть из донесения того же Быстрова в Москву от 30 сентября 1926 года, направленного заведующему отделом Среднего Востока НКВД В.М.Цукерману.

«В начале сентября в Урумчи из Кукунора в количестве 6 человек прибыли монахи-ламы – представители Таши-ламы...

Означенные ламы привезли с собой письма от Таши-ламы ко всем монгольским князьям, проживающим в Синьцзяне, с просьбой о сборе пожертвований на постройку монастыря и содержание Таши-ламы.

По имеющимся сведениям, кроме означенной цели приезда, тибетцы имеют специальное задание скупить здесь до 1000 штук винтовок и до 100000 патронов. Оружие собираются переправить через Карашар в Тибет, что, по их словам, проделывалось неоднократно» [33].

Местность Кукунор, а точнее монастырь Гумбум, расположенный ближе других к границе с Тибетским государством, становится опорной базой Панчен-ламы, где концентрируются запасы для «мирного или вооруженного похода» на Лхасу. С весны 1927-го в Гумбум прибывают караваны в сотни верблюдов. Они привозят, помимо культовых ценностей, также оружие, боеприпасы, бензин и прочие грузы, связанные с военными приготовлениями. В 1928-29 годах Панчен-лама, по утверждению ряда источников, даже организовал отряд в 10 тысяч человек [23]. Тибет и Монголия в равной степени становятся пространством его жизненных интересов. И Кукунор как раз и есть та стратегическая точка, из которой можно действовать в любом из этих двух направлений. Примерно в середине 20-х годов Москва крайне активизирует свою политику в отношении Тибета. К 1927 году завершаются одна за другой тайные экспедиции Наркоминдела в Лхасу (В.А.Хомутникова, с. С.Борисова, А.Ч.Чапчаева) [34]. Три экспедиции, или секретные миссии, проводившиеся под непосредственным наблюдением Г.В.Чичерина, свидетельствуют об усилении борьбы

большевиков за Тибет (несмотря на то что не все экспедиции были удачными в выполнении поставленных перед ними политических целей). В это время остро поднимается вопрос о советском полпредстве в Тибете [35]. А в сентябре 1929-го П.М.Никифоров подает в Политбюро ЦК докладную записку, где высказывается о необходимости усилить «тибетскую политику» Советского государства.

«Пассивное отношение, которое мы установили по отношению к Тибету, находится в вопиющем противоречии с основной установкой – активной революционной политикой в странах Востока... Я считаю, что настало время отказаться нам от политики сохранения "равновесия" в Тибете и что пора перейти к политике активной, тем более что Англия равновесие это фактически давно нарушила. Последние события на Дальнем Востоке характеризуют теперешний момент как переломный» [36].

Советский Союз должен был сделать свой выбор. Его влияние в Азии ограничилось, и осуществлялось оно через «весьма узкий канал КВЖД», который в любое время мог быть подвержен неожиданным «закупориваниям». Вожделенная для всех Внутренняя Монголия являлась «объектом усиленного влияния Японии» [36]. Оставались китайская провинция Ганьсу и Тибет. Никифоров предложил сделать их зоной экономического закрепления СССР. Здесь обнаружилась новая политическая ниточка, протянутая от полпреда Л.Б.Красина. В противоположность агитборьбе, его идея состояла в том, что на политику надо влиять через экономику. (Недаром Никифоров совмещал в Монголии две должности в одном лице – полпреда и торгпреда).

Закрепление в Тибете давало Советам сильные позиции в Центральной Азии и возможность проникнуть в приграничные с Тибетом английские владения, то есть Малый Тибет и Индию. Но камнем преткновения была Кашгария. Эта область китайского Синьцзяна соединяла наподобие радиальных лучей СССР, Тибет и Монголию. Через Кашгар двигались торговые караваны и шли паломники в Тибет. Главным противовесом оставалась Англия, осуществлявшая свое влияние через кашгарских купцов. В планы Советского руководства входило пробить жизненную артерию посредством «полного отделения Кашгарии от Китая и создания самостоятельного национального государственного образования» [37].

В качестве иллюстрации революционной работы Москвы можно привести лозунги, распространявшиеся среди кашгарцев. Советское консульство заготовливало флаги с надписями на разных языках: «Союз Советских Республик – друг угнетенных народов» (китайский), «Объединяйтесь все для общего восстания и большевистской революции» (русский), «Пролетарии всех стран, объединяйтесь в борьбе» (тюркский) [38].

Политика СССР в Кашгарии до сих пор является одной из самых засекреченных страниц в истории российского МИДа. Она не поддается никакой детализации. Именно поэтому все крупницы сведений о пребывании Рериха в Синьцзяне должны быть собраны в единое целое. Следует еще раз возвратиться к первой Центральноазиатской экспедиции.

Дневник Рериха, записанный им в Хотане, Карашаре и Джунгарии, – это дневник буддиста [39]. Об этом еще будет высказано немало соображений. Здесь же речь идет об одном документе из категории секретных, которые оседают обычно в управлениях военных штабов. Сведения о пребывании Рериха в Синьцзяне параллельно с консульскими каналами поступали по линии разведотдела в «Управление штаба Средне Азиатского Военного Округа». В сводках военной разведки есть нюансы, отличающиеся от тех, которые приводит консул Быстров. Акценты сделаны, согласно донесениям некоего Гончаренко, на целенаправленной работе Николая Константиновича в среде буддистски настроенных монгольских князей весной 1926 года. Это совершенно новый факт, дающий иной угол зрения.

«В мае месяце в Урумчи был также художник Рерих, который называет себя американцем и посетил Индию и Малый Тибет. Он имеет какое-то отношение к буддийскому миру и якобы имеет поручение установить связь между буддистами Советской России и Индии. Его разговоры постоянно сводились к этому, причем он указывал, что среди буддистов идет большая работа по объединению монгол от Забайкалья до Хотана и Тибета в одну Великую Монголию. Осторожные шаги были предприняты им к установлению связи с

синьцзянскими монголами...» [40].

События вокруг экспедиции Рериха в Синьцзяне нельзя измерять обыденными мерками. На фоне военных интересов Панчена и политических интриг Москвы они попадают в разряд особо значимых. Центральноазиатский поход к границам коммунистической России приобретает черты буддийской миссии.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ О ВЕЛИКОМ УЧИТЕЛЕ РЕРИХЕ, НОСЯЩЕМ ТИТУЛ ВСЕПОБЕЖДАЮЩЕГО

Великий Учитель Николай Рерих, носящий титул Всепобеждающего⁷, родился в северной столице России Петербурге в 1874 году. В детстве он интенсивно изучал различные науки, затем, для специализации в государственном праве, поступил в университет и закончил его. Также он обучался в Императорской Академии художеств. Позже он преподавал в Археологическом институте. Затем под покровительством Российского Императора стал директором Школы Императорского Общества Поощрения Художеств. Постепенно он получал все больше и больше званий и постов.

Недавно великий Учитель Рерих, наделенный доверием правительства Северной Америки, приехал к нам в Монголию, чтобы изучать растительный мир в пустыне Гоби. Великий Учитель Рерих был инициатором и пропагандистом на международной арене акции, которая получила признание, и теперь двадцать одно независимое государство объединились под именем Рериха и подписали документ об охране научных и культурных ценностей. Когда король Югославии Александр был еще жив, он, оценивая научные заслуги Рериха, наградил его орденом своей страны.

Во время царствования императора Северной России Николая II Рерих исполнял обязанности великого министра этой страны, он в течение нескольких лет имел возможность являться на прием к царю и обсуждать с ним дела. Премьер-министр правительства Франции Пуанкаре, а также великий полководец этой страны Лиоте и другие искренне уверовали в познания Рериха и поддерживали с ним дружеские отношения. На сегодняшний день в 24-х независимых государствах мира организовано 87 отделений, институтов, комитетов, которые работают под покровительством Рериха по разным направлениям науки и культуры.

В результате усилий Рериха было сооружено несколько храмов, в частности, при строительстве буддийского храма в столице России он также оказывал всяческое содействие. С 1916 года Рерих посетил Швецию, Англию и Америку. В Северной Америке, в городе Нью-Йорке, им организован постоянно действующий Музей-выставка. Во Франции, Бельгии, Югославии, Аргентине, Латвии, а также в Индии были устроены отделения выставки.

С 1923 года в течение шести лет великий Учитель Рерих совершил исследовательскую поездку по Индии, Тибету, Монголии, Семиречью и Тарбагатаю, подготовленную Американским государством. Объездив многие государства и районы нашей восточной стороны, великий Учитель Рерих стал большим знатоком жизни в Азии и ее современного положения. Его сын Юрий Рерих также является большим Учителем, он всюду следовал за отцом, куда бы тот ни ездил, изучил многие языки и письменности мира и стал человеком, образованным в науках об Азии.

Выдвинутая Рерихом идея о необходимости сохранения во всех странах культурного наследия, могущего пострадать от неожиданных потрясений, обсуждалась на форуме в Вашингтоне. Тридцать шесть независимых государств поставили свои подписи под «Пактом Рериха». Как стало известно, в настоящее время председатель Дома правительства Среднего государства Чан Кайши и святой Панчен-Эрдени (Таши-лама) признали Пакт Рериха и в знак этого передали ученому свои грамоты. Помимо руководства в разных странах мира 87-ю комитетами и отделениями, оказывающими помощь различным научным

---

⁷ Дословно – Победоносный и Мудрый (тиб. rgyal ba thub pa), эпитеты Будды. (Прим. переводчика).

и культурным начинаниям, великий Учитель Рерих в многочисленных научных и культурных институтах мира проводит огромную работу, которую трудно описать. Когда Рерих вернулся из путешествия по Индии, Тибету и Монголии и приехал в город Нью-Йорк в Северной Америке, его принял глава этого города и сказал: «Ваша деятельность – двигатель сближения народов мира». Когда Рерих посетил дальние страны и ознакомил народ с принципами мира и спокойствия, это сослужило огромную службу человечеству.

На открытии постоянного Музея-выставки в городе Нью-Йорке собралось большое количество учеников Рериха, отметивших в своих речах заслуги Учителя. Недавно американский министр Уоллес сказал, что заслуги великого Учителя Рериха, который несет идеи мира, согласия и культуры всему человечеству, неоценимы. Знаменитый учитель Америки Джордж Гордон Баунтен сказал, что Николай Рерих является одним из величайших людей современности. Бельгийский граф, писатель Метерлинк, индийский пандит Рабиндранат Тагор, французский ученый Шафридадь и другие великие мыслители единодушны в этом мнении. В сочинении американца Ван Туверна сказано, что имя великого Учителя Рериха, распространяясь по всему миру, стало величайшим во всех странах, поэтому в будущем, если случится беда, оно будет нас учить и освещать нам путь.

Теперь обратимся к тому, что говорили о Рерихе наши азиатские деятели. Приведем слова о великом Учителе Рерихе сотрудников большого государственного музея этнографии, расположенного в столице Среднего государства Пекине: «Мы преклоняемся перед его (Рериха) знанием западных и восточных наук. Слава его высока, как небо и горы, как звезды Большой Медведицы. Мы воздаем хвалу мудрому Учителю, который овладел глубинными знаниями культуры старого времени, хотя она так широка и бездонна, как внешний океан». Заглянем в сочинение, написанное великим писателем Японии Танакаучи: «Дела Учителя Рериха велики, но его мысли и замыслы возносятся так высоко, что он смог действительно победить непобедимое». Что уж говорить о словах восхваления, которые сказали принц Токугава, военный министр генерал Хаяши, чиновник по особым поручениям министра внутренних дел Хуринучи, когда великий Учитель Рерих посетил Японию. Ученый Жамцарано из Внешней Монголии писал: «Путь прославленных мудрецов, таких как великий Учитель Рерих, подобен пути бодхисаттвы, он освещает мир подобно лампаде. В наше время бедствий их дела творят безмерное счастье». В тибетском журнале «Зерцало деяний», который печатается в городе Калимпонге, есть много хвалебных статей о деятельности великого Учителя Рериха. В журнале «Ковыльные волны», издаваемом в Западной Европе торгоутами с реки Эдзин, напечатано много статей торгоутского ученого врача Хара Дэвана, воздающего хвалу деятельности Учителя Рериха.

Вернемся к словам, написанным Ван Туверном: «Великий Учитель Рерих направляет свои усилия не только на дело мира и согласия, культуры и науки. Он содействует развитию методов пополнения казны государств, устройству учебных заведений».

Собственные сочинения великого Учителя Рериха составляют свыше десяти больших томов. Не меньше написано о деятельности Рериха на разных языках учеными разных стран. Двадцать одно независимое государство мира объединились и поддержали Пакт Рериха о необходимости охраны культурного и научного наследия. Это свидетельствует о том, что Рерих на международной арене пользуется огромным авторитетом. Великий Учитель Рерих прославился как глубокий знаток жизни в Азии.

Издано в печатне собрания Вейжуан Автономной Монголии, в количестве 300 экземпляров. [1935].

Перевод с монгольского Анны Цендиной

РГАЛИ. Ф. 2408 (Н. К. Рериха), оп. 1, д. 43, 16л. Оттиск.

О ПАНЧЕН-ЛАМЕ

Г.В.Чичерину

Улан-Батор, 8 декабря 1926

В сферу монгольской жизни пока еще теоретически вкрапливается новый вопрос, связанный с пребыванием Панчена Богдо в Китае. Последние сведения, проникшие во Внешнюю Монголию, говорят о том, что Япония стремится использовать Панчена Богдо в своих планах во Внешней и Внутренней Монголии. Через Чжанцзолиновцев инспирируется слух, что Панчен Богдо добивается у Китправительства разрешения на поездку по Внутренней Монголии, и что по этому вопросу идут переговоры между Мукденом и Панчен Богдо; кроме того, переговоры связаны с денежным обеспечением дальнейшего пребывания Богдо в Китае.

Нужно полагать, что дальнейшее пребывание Богдо в Китае может иметь для нашей политики во Внутренней и даже Внешней Монголии нежелательные последствия: Панчен-Богдо может быть легко использован Японией в своих интересах, взамен предоставления П.Богдо средств для его дальнейшего благочестивого существования. Этот вопрос меня давно заботил, но я его не поднимал, пока он не выявил своего угрожающего состояния, о котором я упомянул выше.

По линии соседей некоторые моменты подтверждают мои опасения, и этот вопрос я сейчас ставлю. Я полагаю, что настало время устанавливать по отношению к Богдо активное отношение с нашей стороны. Считаю, что его необходимо возможно скорее изъять из обихода японской и английской политики совершенно.

По некоторым справкам, уже настало время Панчену Богдо вернуться в Тибет и Далай-лама весьма этого хочет. Нужно полагать, что вынужденная изоляция Богдо от Тибета вызывает политическую тревогу Далай-ламы. Негласный представитель Далай-ламы в Уланбаторе намекнул мне, что очень плохо, если Панчен Богдо не сумеет скоро вернуться в Тибет, что ему в Китае очень тяжело и что он сам хочет вернуться, но ему в этом мешают китайцы.

Я полагаю, что может быть нам пора вмешаться в это дело в смысле содействия возвращению Панчена Богдо в Тибет и, если нужно, то помочь ему бежать из Китая. Кроме всех указанных мною явлений, вызвавших постановку этих вопросов, имеется еще одно обстоятельство.

В Монголии, в настоящее время в Уланбаторе, появился известный художник путешественник Николай Константинович Рерих, который в августе направляется в Тибет. Вот этот Рерих очень настойчиво ставит вопрос о необходимости содействия возвращению П.Богдо в Тибет. Когда я спросил, почему он считает, что П.Богдо должен вернуться в Тибет, то он мне привел какие-то теологические измышления необходимости его возвращения. Я полагаю, что Рерих на кого-то работает, что я пытаюсь сейчас выяснить, а может быть даже хочет установить наше отношение к этому вопросу. Но факт тот, что кто-то также заинтересован в возвращении П.Богдо в Тибет.

Этот вопрос я считаю весьма серьезным и просил бы дать мне по нему мнение НКИД.

Попутно ставлю и другой вопрос – об установлении уртонской связи с Лхасой. Этот вопрос ранее был поднят Агван Доржиевым, но не получил разрешения. Я полагаю, что этот вопрос сейчас своевременно вновь поставить и разрешить, материалы по этому вопросу в Востотделе имеются.

П.Никифоров

ПИСЬМО ЦЫБЕНА ЖАМЦАРАНО К МОРИСУ ЛИХТМАНУ

Улан-Батор-Хото, 27 января 1928

Многоуважаемый Лихтман!

Ваше любезное письмо от 8 ноября получено 26 декабря, а также интересная книга о Чингис-Хане. Большое спасибо за книгу. Книги, оставленные Н.К.Рерихом, еще не переведены. Если будут переведены или переложены, Ученый Комитет сочтет своим долгом прислать вам нужное количество экземпляров. Для Музея посылаем книгу Грумм-Гржимайло Г.Е. на русском языке, книжку-учебник географии Монголии на монгольском языке и карты по одному экземпляру.

В предыдущем письме я говорил о кино. В настоящий момент нам желательно узнать, может ли ваш Музей помочь организовать киносъёмку нашей страны, исключительно географического и этнографического характера. Условия договора были бы приблизительно такого рода: 1) Все расходы берет на себя снимающий кинотрест; 2) что именно снимать, контролируется Ученым Комитетом; 3) сниматься должно всё интересное, но хорошее, не компрометирующее Монголию и монголов; 4) один экземпляр фильма остается у нас для пользования в Монголии, а другой экземпляр берет кинотрест, который под маркой «Mongolica» пускает его в обращение в Америке и в других странах; 5) прибыль от эксплуатации фильма «Mongolica» во всех странах, за исключением Монголии, делится пополам, а прибыль от эксплуатации фильма в самой Монголии поступает без раздела в доход Учкома; 6) контроль по расчетам с кинотрестом берет на себя ваш Музей; 7) расходы по контролю оплачивает кинотрест.

Съёмка видов природы, быта населения, культуры и религиозной жизни не потребует больших расходов, для этого нужно только прислать хорошего киносъёмщика с достаточным запасом лент и других принадлежностей. Вопрос относительно прибыли может быть разрешен и таким образом, что за получение однажды исключительного права на киносъёмку, например, в течение одного года, и за право свободной эксплуатации снятых фильмов во всех странах, за исключением Монголии, кинотрест выдаёт Ученому Комитету одновременно определенную сумму, близкую к половине предполагаемой прибыли.

Если бы такой договор был заключен между Ученым Комитетом и вашим Музеем, нас будет интересовать, какую приблизительно сумму Ученый Комитет может получить. Из Германии имеется приблизительно такое же предложение. Американские фильмы нам кажутся чистыми и интересными, германские – мы не знаем, но ближе сноситься с Германией, чем с вашей страной. Потом мы не знаем, кто может предложить наиболее выгодное для Учкома условие. Вы знаете из наших бесед, что для постройки Музея и дальнейшего его процветания нам нужны значительные суммы. Географические и этнографические съёмки могут быть сделаны сейчас, а сценарии из истории и сказок могут быть сделаны не скоро, и на это дело нужно положить большую сумму. А об этом мы знаем из бесед с Рерихом и вами.

Просим вас дать нам совет и ваши соображения.

Шлю большой привет, глубоко уважающий вас,

Ц.Жамцарано

ACRC(USA). Roerich Collection.

Box: Roerich Scrapbook Xeroxes. Авториз. машинопись, 2 л.

ПИСЬМО ЗИНАИДЫ ЛИХТМАН К ЦЫБЕНУ ЖАМЦАРАНО

14 октября 1933, Нью-Йорк

Высокочтимый Цыбен Жамцаранович!

Уже несколько лет прошло с тех пор, как я имела удовольствие слышать от Вас и знать подробности о Вашей высококультурной работе. Припоминаю с истинным удовольствием наше знакомство с Вами в Вашей прекрасной стране, выражающей столь прекрасно духовные идеалы, основанные на историческом прошлом страны. Уверена, что под руководством таких культурных лидеров, как Вы и Ваши просвещенные сотрудники, Ваша страна пошла вперед большими шагами по пути национального самосознания и культурного развития.

Много значительного произошло также за это время в связи с ростом нашего Музея. Великое имя нашего Лидера и Основателя всех наших научных и художественных Учреждений, профессора Николая Константиновича Рериха, не только признано Лидером мировой Культуры, но и теперь особенно облетает весь мир, благодаря его великому проекту – созданию Пакта и Знамени Мира для защиты сокровищ и памятников человеческого гения во всех областях науки, искусства и культуры. Уже две международные конференции в Брюгге, Бельгии, в 1931 и в 1932 году, посвященные Пакту и Знамени Мира Рериха, собрали делегатов со всего мира, которые с энтузиазмом утвердили этот Флаг – благородный символ защиты сокровищ духа всего человечества.

В этом году в ноябре собирается третья конвенция в Вашингтоне, также посвященная Пакту и Знамени Мира Рериха. Наша страна Америка, в лице своего министра земледелия, который будет Протектором этой конвенции, а также в целом ряде видных членов правительства, сенаторов и виднейших представителей страны и иностранных послов, представляющих все державы мира, активно поддерживает идею Знамени и Пакта для всемирного признания.

Международная музейная комиссия при Лиге Наций уже единогласно признала Пакт и Знамя Мира, а также целый ряд представителей иностранных держав и выдающихся мировых личностей. Прилагаю при этом письмо интересный материал, касающийся нашей конвенции, и надеюсь, что и Вы присоедините Ваш голос от имени Вашей прекрасной страны для признания великой мировой идеи Н.К.Рериха. Он искренно полюбил Вашу страну и всегда отзывался и пишет о ней в самых высоких выражениях.

Прилагаю также здесь статью-материал о Музее Рериха и его росте за последние годы.

Высылаю Вам отдельным пакетом «Маха Бодхи», журнал Маха Бод-хи Общества в Индии. Журнал этот посвящен памяти Анагарика Дхарма-пала, Основателя и Высокого Буддиста, недавно покинувшего этот мир. Вы в нем также найдете и Посвящение профессора Н.К.Рериха, а также воспоминания о нем буддистов со всего мира.

Надеюсь, что Вы откликнетесь на это письмо. В ожидании Вашего ответа, остаюсь с выражением глубокого уважения,

Ваша Зинаида Григорьевна Лихтман, вице-президент

Nicholas Roerich Museum, New York. Авторизованная машинопись, 1 л.

Н.К.Рерих. Вестник. 1922

«МИРОВАЯ СЛУЖБА» И НАЧАЛО СИБИРСКОГО ПУТИ

I

Иногда рамки первой Центральноазиатской экспедиции Н.К.Рериха ограничивают 1923-28 годами, хотя караван выступил из Дарджилинга только весной 1925 года. Такой периодизации придерживался сам Рерих и его американские сотрудники. Позже, в 30-е годы появились другие мнения, и до сих пор в этом вопросе нет единообразия. О чем же говорит такая изменчивость дат? Ведь вполне очевидные факты биографии – отъезд Рериха в Индию в ноябре 1923-го, краткая экскурсия из Бомбея в Агру, Дели, Бенарес и Калькутту и жительство в Сиккиме в 1924-25 годах – не могут формально причисляться к началу экспедиции. Несомненно, это дело вкуса, считать так или иначе. Если учитывать художественные задачи, стоящие перед участниками Трансгималайского похода (Николай Константинович и его сын Святослав создали в Дарджилинге каждый по большой серии полотен), то вступление на индийскую землю – это действительно начало целого этапа. И тем не менее, существуют крайне интригующие обстоятельства, связанные с неожиданным выездом Н.К.Рериха обратно на Запад уже вскоре после прибытия в Индию. В середине сентября 1924 года Рерих отправился в Америку и Европу и пробыл там около четырех месяцев. Это была деловая поездка чрезвычайной важности.

Цели Центральноазиатской экспедиции останутся до конца не ясными, если не заострить внимание на кардинальном мировоззренческом вопросе о религиозных, теософских исканиях всей семьи Рерихов. В светской среде Петербурга было распространено увлечение спиритизмом. Не обошел стороной такой интерес и Рерихов [1]. Духовные поиски в конце концов привели их к реальной встрече с Учителями, или Махатмами Востока, которая произошла в Лондоне, в Гайд-парке, 24 марта 1920 года. И здесь начинается та особая область для исследований, где переплетаются эзотерика и политика. Рано или поздно, настоящему искателю истины придется конструировать метаисторию.

Итак, Махатма Мория и Махатма Кут Хуми являются вполне реальными личностями. Они члены Майтрейя Сангхи, одной из буддийских общин, затерянных на тибетских нагорьях. Конечно, не среди безжизненных скал и пустынных гоби, а в цветущих оазисах, где сохраняются, по их собственным словам, островки жизни. Махатмы специально дважды приезжали в Лондон, чтобы встретиться с Рерихами, – осенью 1919-го и весной 1920 года. Они те самые Учителя, которые направляли в свое время Е.П.Блаватскую. При их покровительстве было основано Теософское общество и производились многочисленные психические феномены. В Британском музее хранятся подлинные письма Махатм (1880-84), адресованные руководителям теософского движения (Блаватской, Синнету, Хьюму). Неоднократно эти письма издавались на английском языке, а также и на других языках. Том переводов на русский был осуществлен Еленой Рерих. Книга под названием «Чаша Востока» вышла в издательстве «Алатас» при нью-йоркском Музее Рериха в 1925 году.

По приезде Рерихов в Лондон, на вторую родину теософского движения – после Америки и Индии теософия получила развитие в Англии, – их интерес к спиритизму возобновился. С весны 1920 года они всецело поглощены спиритическими сеансами. «Сидели за круглым столом, сняв с него белое покрывало» [2]. На встречах присутствуют большей частью соотечественники, хорошо знакомые по Петербургу. Осваивается метод «автоматического письма». Николай Константинович делает в трансе серию карандашных портретов, на которых изображены восточные Учителя – Будда, Лао-Цзы, Сестра Ориола и другие. Особенно удачным получается портрет Учителя Аллал-Минга (он повторяется трижды).

Конечно же, потусторонние впечатления это не самоцель. Увлечение «столоверчением» только этап в духовном, интуитивном прозрении. Все проходит на фоне напряженных творческих поисков – Н.К.Рерих продолжает театральные эксперименты, начатые в 1910-х. Он принимает предложение с. П.Дягилева изготовить эскизы декораций к постановкам

балета «Весна Священная» для Театра Елисейских полей в Париже и опер «Князь Игорь» и «Снегурочка» для лондонского Ковент-Гардена. А в апреле 1920-го в Лондоне открывается художественная выставка «Очарования России», на которой представлено 198 полотен Рериха. В центре выставки – огромная картина «Сокровище Ангелов», изображающая Небесных стражей и Камень Грааля.

В 1919 году происходит знакомство Рериха с Владимиром Анатольевичем Шибаевым, который служил в одном из лондонских издательств на Флит-Стрит. Туда однажды Николай Константинович зашел справиться, не найдется ли кого-нибудь, кто мог бы на русской машинке перепечатать стихи для его будущего сборника «Цветы Мории». «Тогда я еще не знал, что эта встреча изменит весь ход моей жизни!» – писал в мемуарах Шибаев [3]. Действительно, неожиданная встреча произошла под мистическими знаками приближения к Индии. Шибаев состоял членом лондонской секции Теософского общества (в личном архиве Владимира Анатольевича, оставленном в Риге, до сих пор хранится членский билет теософа) и был в близком контакте с его руководительницей, знаменитой Анни Безант. Он же содействовал знакомству Рериха с индийским поэтом Рабиндранатом Тагором. В июне 1920 года Рерихи и Шибаев решили все вместе ехать в Индию, в Адыар, где размещалась штаб-квартира Теософского общества. Даже были оформлены необходимые документы и куплены билеты на пароход. Рерих предложил Шибаеву сопровождать его по Индии в качестве личного секретаря. Однако поездка тогда не состоялась из-за непредвиденных финансовых осложнений.

Накануне предполагаемой поездки Шибаев посетил Рерихов на Квинс Гейт Террас, в доме № 25-А, расположенном поблизости с Гайд-парком. Там состоялся их первый совместный спиритический сеанс. Вот как описывает В.А.Шибаев свой визит.

«Я был приглашен к художнику академику Н.К.Рериху вечером 2 июня 1920 года и, как обыкновенно, сидел с его сыном в комнате последнего, разговаривая о разных научных темах. Я не знал, что рядом Николай Константинович и его супруга вместе с младшим сыном занимались спиритическими опытами. Я также не знал, что они спрашивали своих руководителей позволить мне вступить в кружок. Но заручившись положительным ответом, меня попросили войти и сесть за столик. В комнате был полный свет, и я ясно видел, что всякая возможность обмана была исключена. Столик нервно вздрагивал и подскакивал, и когда его спросили, кто это (был условный стук: раз – да; два раза – нет; три раза – усиленное да), не Учителя ли, – то столик подскочил и ударил раз. Потом было последовательное сообщение букв. А именно, один из присутствующих называл в непрерывном порядке алфавит и, когда буква была произнесена, то последовал стук. Так было собрано несколько фраз, не относившихся ко мне, пока вдруг мадам Рерих спросила, можно ли узнать имя моего Учителя. – "Да!" – Собрали буквы: "Сарти! Итальянец! Жил в Пезаро в 1350 году после Р.Х." И потом была фраза: "Мы послали его седьмым!" – "Кто? Учителя ли?" – "Да!" – "Тогда его можно пригласить на завтра вечером на физический сеанс?" – "Да!" – "Он медиум?". Сильный стук: "Да!" – "Можно ему показать вещи?" – "Да!" – "Можно попросить дать совет жизненный Владимиру Анатольевичу?" – "Да!" Потом по алфавиту собрали: "Пусть углубляется мыслью в строение мира!"...

Потом мы пошли в другую комнату, где мне показали монеты и талисманы, присланные во время последнего физического сеанса... Потом Николай Константинович показал мне нарисованные медиумистически портреты Учителей. Потом он сел в освещенной комнате, отвернул голову и, закрыв лицо левой рукой, как бы задремал, а в правой руке он держал карандаш над бумагой. Потом начинал рисовать... Мы все пошли опять консультировать маленький столик... Дело в том, что великими Учителями было посоветовано, чтобы семья Рерих во что бы то ни стало уехала прочь из этой страны. Куда? – В Сейлон» [4].

Н.К.Рерих. Аллал-Минг. 1920.

Рисунок, сделанный способом автоматического письма

На Цейлоне Рерихи действительно оказались, но это произошло позже, в 1923-м. Сначала их путь лежал в Америку. Оставшись в Лондоне снова один, Шibaев попытался организовать спиритический кружок, наподобие того, какой был при Рерихах. К нему присоединилась давняя знакомая Рерихов госпожа Жаринцова. Одновременно налаживаются тесные связи с другим русским спиритическим кружком «баваистов» (А.Н.Бергенгрюн, Д.П.Сысоев, супруги Лауниц). Это так называемый «кружок высоких целей», которым посмертно руководил в течение шести лет казанский учитель Б.В.Баваев. На сеансах он сообщал научное и религиозно-философское описание «того света», касался разнообразных тем по истории музыки и языкознания, а также этических принципов и законов жизни. Баваисты предполагали записать 100 томов своего учения и завершить работу к 1949 году.

У Шibaева появляется обостренное чувство «работать в области оккультного». Он поступает в Эзотерическую секцию Теософского общества в Лондоне, чтобы своей жизнью служить Мастеру Мории и «работать в пользу Его великих идей возрождения и прогресса вечного духа» (16.8.1921) [5]. Поскольку Шibaев к тому времени уже несколько лет хорошо знаком с руководителями теософского движения – А.Безант, К.Джинарадждасой и Б.П.Вадиа, он старается устроить протекцию Рериху, представив в Адьяр его проект «Пылающее Сердце» (Cor Ardens). В конце лета 1921-го Безант получает пакет документов (устав, список председателей и статью о Рерихе из журнала «Messenger») только что образованного в Чикаго объединения художников. Николай Константинович рассчитывает, что теософские круги поймут его миссию – привнести духовность в американское искусство, в частности, в живопись – и поддержат новое начинание. В своем июльском письме Рерих

пишет Шибаету:

«Вы уже знаете, что Аллал-Минг – это Мастер Мория. Он руководит мною и моей семьей. Теперь Его поручение мне – ввести духовность в искусстве Америки, основать школу искусств имени Учителей и основать общество "Кор Арденс". Общество уже основано» (25.7.1921) [6].

Рерих также доверительно сообщает Шибаету о том, что начинает реализовываться План Владык. «Мы должны будем ехать в Индию, в Адьяр» (25.7.1921). Для усиления лондонской линии Шибаету рекомендуется вступить в «Орден Звезды» (Order of the Star). Он незамедлительно это делает. «Несколько недель тому назад поступил в Орден Звезды на Востоке. Цель – подготовка к предстоящему приходу нового Мирового Учителя. Во главе Ордена – Кришнамурти» (11.7.1921) [5].

В решении Шибаета – стать членом Ордена – имелся некоторый умысел. Все прекрасно понимали, что любая связь с «Орденом Звезды» благожелательно скажется на отношениях с Адьяром. Президент теософов Анни Безант опекала юного Кришнамурти и направляла его в роли мессии. Рерих предложил для публикации в печатный орган Ордена «Вестник Звезды» несколько своих статей. Вскоре он получает лично от Кришнамурти приглашение посетить Адьяр. И в связи с этим берется написать картину (или несколько картин), которая станет достойным памятником великой соотечественнице Е.П.Блаватской. «Сейчас начал новую сюиту "Вестники", – пишет Рерих Шибаету. – Думаю, она ляжет в основу фресок в Адьяре» (30.4.1922) [6].

Прошло два года, прежде чем адьярская история получила продолжение. Будучи уже в Дарджилинге, в 1924-м, Николай Константинович завершает работу над картиной «Вестник» (написан окончательный вариант, первый был готов еще в Нью-Йорке). В конце марта он направляет Анни Безант письмо, в котором предлагает создать музей, посвященный Блаватской. В этом послании Рериха уже угадывается его беспокойство о строительстве «Грядущего Мира» и о «новых людях».

«Великая основательница Теософского общества Е.П.Блаватская в своей последней статье указывала на важность Искусства. Она предвидела будущее значение его творческой силы, которая поможет построить Грядущий Мир, так как искусство является самым прочным мостом, соединяющим разные нации. Нам хотелось бы всегда помнить о последней мысли, запечатленной на устах великой личности. И самый простой путь, чтобы удержать ее облик в своей памяти, – основать в Адьяре Музей искусств имени Е.П. Блаватской. Такое Учреждение привлечет сердца представителей всех ветвей искусства и соберет новых людей вокруг места, где зародилось столь много возвышенных идей. Если Общество проявит добрую волю и примет мое предложение, я готов буду передать в дар Музею Блаватской мою картину "Вестник", которая написана в память об этой необыкновенной женщине» [7].

Вскоре, в мае месяце 1924-го, американские газеты сообщили, что Теософским обществом «предложение было принято» [8]. Тогда еще Рерих надеялся на теософов и будущие сибирские планы связывал с Адьяром. (Напомним его письмо к Шибаету от 22 июня 1922 года, в котором сообщался Указ – «Ложу сохранить при Адьяре. Дам особое указание на Россию! Новые, новые, новые соберутся» [6]). Однако как раз в начале 20-х годов в Теософском обществе появились сильные внутренние разногласия. Руководство по-разному оценивало роль своего президента, полагая что Безант делает недопустимый крен в сторону политики и миссионерства. Рерих был готов к подвижности общего Плана и отверг первоначальную идею – по приезду в Индию продолжительное время жить и работать в штаб-квартире теософов. Тем не менее, в январе 1925 года он отправился вместе с Шибаетым в Адьяр. Там прошла церемония передачи картины «Вестник». Все присутствующие восприняли картину как высокий символ. На ней изображена фигура человека, входящего в буддийский храм ранним утром. «В этой фигуре выражена идея божественного вестника», – писала индийская газета «Мадрас Мейл» (The Madras Mail) (19.1.1925) [8]. Мысль о «божественном вестнике» далеко не случайна, и чуть ниже еще предстоит обратиться к другой поездке Н.К.Рериха, которая состоялась накануне адьярской. Художник-теософ, как окрестили его в Индии, встречался в Берлине с коммунистическими вождями.

Музей им. Е.П.Блаватской в Адьяре. 1925

Нет смысла убеждать кого бы то ни было, как идеи овладевают умами людей и со временем проникают во все жизненные поры. Пример В.А.Шибаяева очень показательный. «Прелести теософии» настолько сильны, что приходилось сражаться с материализмом собственного отца. Родители Шибаяева, проживавшие в Риге, настаивают на возвращении сына домой. Теософская работа в Лондоне в полном разгаре, но Владимир Анатольевич вынужден уступить. В ноябре 1921 года он переезжает на жительство в Латвию.

Накануне отъезда появляются спешные дела в связи с выходом в свет берлинского издания стихов Н.К.Рериха «Цветы Мории» (1921). В конце сборника автор поместил философско-мистическую поэму «Наставление ловцу, входящему в лес». Она производила на читателей сильное впечатление, и Рерих попросил Шибаяева организовать перевод «Ловца» на английский язык. В середине сентября из Лондона в Нью-Йорк пришло сообщение – перевод поэмы готов. И даже не один, а целых три варианта. Самым точным и действительно самым удачным из них оказался перевод лондонского теософа Роберта Гудлета (Goodlet). Буквально в последний день перед отъездом был получен еще перевод на английский редкого по красоте текста «Беседа с Наставником о Дверях премудрости» [9]. Его записал Юрий Рерих на одном из сеансов Кембриджского кружка в Америке.

Итак, мистическая атмосфера Лондона, которая постоянно подпитывалась выдающимися теософами (Шибаяев водил дружбу, например, с П.Д.Успенским, автором знаменитого труда «Tertium Organum»), сменилась на провинциальный дух Риги. Но унывать было некогда. Владимир Анатольевич привез из Англии всю свою литературу, включая «Тайную Доктрину» и более ста томов разных изданий по теософии и индийским религиозным учениям, и намеревался серьезно заняться «теософическими поисками». Не прошло и полугодия, в Риге была основана теософская ложа «Мастера Мории». В нее вошли, в конечном итоге, 9 человек – председателем избран англичанин Дж. Бирке (Birke), казначеем голландец Ван Виринген (Wieringen) и секретарем В.А.Шибаяев. Пять участников в прошлом являлись настоящими членами Теософского общества (ТО). И самой выдающейся деятельницей кружка стала Т.В.Синевиц, тоже одно время член Внутренней, или

Эзотерической секции ТО. К лету 1922-го произошли некоторые изменения, название сменилось на «Рижскую ложу». Прежнее не удалось согласовать с Адьяром, против включения высокого имени Учителя в официальное название выступила Безант. И особенно порицала рижан за дерзновение председательница Русского Теософского общества за границей госпожа Каменская.

Смелость Шибаева, конечно, была обусловлена указаниями, поступающими из Америки (Владимир Анатольевич даже получил духовное имя Яруя, «почитатель Бога»). К этому времени Н.К.Рерих также становится теософом, приняв членство сначала в Британском Теософском обществе (и Е.И.Рерих тоже), а затем и в Американской секции ТО. И в Индии его уже считали за своего. В мартовском номере «Теософиста» за 1922 год редакция поместила обзорный материал по статьям Рериха, опубликованным в «Геральд оф зе Стар» (Herald of the Star). Именно поэтому Николай Константинович и предложил тогда написать для Адьяра серию фресковых картин «Вестники». Первую из них художник назвал «Вестник пришел». А Шибаев вкладывал свой смысл, почерпнутый из общей канвы переписки с Рерихами, и дал сюите имя «Мессия пришел». Очень показательное замещение слов. И все это на фоне постоянного стремления оказаться в Красной России. «Как я жду работу в Р[оссии]» (12.2.1923), «Я весь в распоряжении для работы в России!» (7.4.1923) [5].

Собственно говоря, официальная служба Шибаева по приезду в Латвию оказалась уже связанной с его русской родиной (Шибаев родился в Петербурге). Он поступил на работу в «Международную Миссию помощи России» заместителем заведующего транспортным отделом. В 1921 и 1922 годах Поволжье поразил ужасающий голод, и Миссия занималась отправкой продовольствия из Европы. Приходилось работать без отдыха по 14 часов в сутки, посылать 20-25 железнодорожных вагонов с продуктами ежедневно. Кстати, книга стихов Н.К.Рериха «Цветы Мории» вышла в пользу голодающих России. С лета 1923-го в судьбе Шибаева происходят резкие перемены. Он оставляет службу в Миссии Красного Креста и, по предложению Рериха, начинает организацию в Латвии корпорации «Мировая Служба» (World Service, WS).

В конце июля 1923 года Шибаев встретился с Рерихами в Швейцарии, в Санкт-Морице. (Николай Константинович с семьей покинул США и задержался в Европе на пути в Индию). Альпийские горы как нельзя лучше соответствовали возвышенным разговорам. Речь шла о будущем сибирском плане. Впечатление было настолько сильным, что Владимир Анатольевич не мог скрыть своих чувств и дважды, сначала из Мюнхена, а затем уже из Риги, благодарил за «прекрасные возможности». Еще задолго до встречи, в апреле 1922-го Рерих писал в Латвию: «Подумайте, какая работа предстоит всем в России!.. Собирайте друзей, а главное, ищите среди молодежи, чтобы к 1931 году иметь новые кадры» (30.4.1922) [6]. Срок 27 сентября 1931 года связывался с обнародованием на Алтае «Ложы М.», образованной Рерихами и их сотрудниками. «Если бы только эта ложа усвоила, какую огромную работу ей предстоит выполнить. Если бы братья ложи поняли, как терпеливо и сосредоточенно нужно провести эти восемь с половиной лет» [там же]. Учреждение «Ложы имени Учителя» не афишировалось, хотя работа ее началась – было предпринято издание на русском языке книги «Листы Сада Мории» (1923), в которую вошли записи бесед с Учителем. Выпуск книги, подчеркивал Рерих, «это шаг к будущей России» (31.5.1922) [6]. До отбытия из Соединенных Штатов Н.К.Рерих официально оставался теософом. Но именно в Виши и Санкт-Морице по-настоящему уже выявился далеко не теософский «Великий План».

Л.Хорш, Н.К.Рерих, Н.Хорш, Ю.Н.Рерих, В.А.Шибаяев.
Санкт-Мориц, 1923

Е.И.Рерих, Н.Хорш, Н.К.Рерих, Ю.Н.Рерих.
Санкт-Мориц, 1923

Отъезд Рериха в Индию проходил при необычных обстоятельствах. В начале сентября Николай Константинович писал Шибаеву, что «дается легенда о Камне» (2.9.1923) [6]. Легенда о Сокровище Мира, или Чаше Грааля, с древних времен была известна как на Востоке, так и на Западе. Она повествует об упавшем со звезд Ориона небесном камне – метеорите, обладающем, в силу определенного химического сочетания элементов, необыкновенной силой и магнетическим влиянием. История сохранила предание о нахождении Камня в Индии, в XVII веке им владел император Акбар. Затем он попал в Рим и хранился в Ватикане. После чего следы его на время затерялись и в начале XIX века обнаружилось во Франции. Аэролитом владел Наполеон и подарил его своей жене Жозефине. Когда они расстались, Камень загадочно исчез. Полагают, что более столетия он хранился в Париже, в одном тайном обществе, специально созданном, чтобы оберегать сокровище. В 1920-е годы возглавлял это общество знаменитый французский режиссер Жан Кокто. Он хорошо был знаком с деятелями русского искусства, которые обосновались за рубежом, – Н.К.Рерихом, И.Ф.Стравинским, с. П.Дягилевым и др. По указанию Учителей и решению Совета тайного общества Камень должен был возвратиться в Индию. Для этой миссии избрали Рерихов.

Знаменательное событие произошло незадолго до отъезда из Франции. 6 октября 1923 года в дверь гостиничного номера отеля «Лорд Байрон», где остановились Рерихи, постучали. На пороге стоял служащий одного из парижских банков «Банкерс Траст». Он доставил посылку, которую принял Юрий Рерих. В обычный деревянный ящик был запакован ларец. На нем проступало изображение причудливых фигур – силуэты мужчины и женщины, священные зимородки и четыре готические буквы «М» по самому краю. А внутри находился черный аэролит. Уже через несколько дней Николай Константинович делился с Шибаевым большой радостью о «присланном Камне» (10.10.1923) [6]. В ответ из Риги пришло восторженное письмо. В нем сообщалось, что весть о Камне совпала с официальным открытием учреждения «Мировая Служба», практически день в день. Для Шибаева начался новый необычный этап в жизни.

«Радость моя не знает границы! Ваше письмо мне только что принесли и с ним Радость и Свет! И какое Счастье! Знаю, знаю, знаю, что в этом Камне опять лежит спасение мира. Слезы радости у меня на глазах. Чувствую близость необычайной Силы. Оболочка мешает выявлять словами все значение, но дух мой воистину знает всю глубину. Свет, Радость и Счастье Вы несете! А мы будем ждать и бережно все подготовим. И будем на страже, и как-будто все знакомо и не в первый раз... Неотступно Он будет хранить» (12.10.1923) [5].

В начале 1924 года Н.К.Рерих из Индии просит «подготовить Легенду к печати». Имелась в виду легенда о Камне. Через год предполагается опубликовать ее анонимно на английском в Америке и на русском языке в Латвии, как можно ближе к границам СССР. Осенью Шибаев попытался пристроить Легенду в газете «Рижский вестник», но публикация, кажется, не удалась. В следующем году Е.И.Рерих собрала из бесед Учителя книгу «Криптограммы Востока» (вышла она под псевдонимом Жозефина Сент-Илер в Париже). Отдельным разделом туда и была включена «Легенда о Камне».

Камень – не просто метеорит редкого химического состава. (Между прочим, в начале 2000 года в Канаде упал метеорит, составные элементы которого ученым пока не удалось идентифицировать, они отсутствуют в периодической системе Менделеева). Это высокий духовный символ. На Востоке – особенно в Тибете, Индии и Монголии – он почитается как Чинтамани, Сокровище Мира. Чинтамани еще и художественный символ. Священный ларец изображен на многих картинах Н.К.Рериха. Он также главный знаковый предмет и на портретах Николая Константиновича и Елены Ивановны, написанных их сыном Святославом. Вместе с Рерихами Камень пропутешествовал по всей Центральной Азии. Он предназначался для Алтая и должен был быть водворен в Храме Единой религии в Звенигороде, в будущей столице нового Сибирского государства.

II

В октябре 1923 года Юрий Рерих писал из Парижа Шибаеву, что он вместе с Джоном

Крейном и Вальтером Роджерсом основал «организацию для мирового сближения» [10]. Речь шла о «Международном информационном агентстве», которое входило в сношение с «Мировой Службой» и предназначалось для ее усиления. Фактически Балтийский отдел WS начал свою деятельность уже с лета, сразу же после встречи Рериха и Шibaева в Санкт-Морице. Он учреждался как торгово-транспортная контора (одно из семи учреждений при Музее Рериха в Нью-Йорке) для будущей работы в России. Планировалось, что «оборот всего дела может быть сразу очень крупный» (25.9.1923) [5]. Финансист Луис Хорш – «вечно верный друг» Логван – вложил в предприятие значительный капитал. И Шibaев сделал первые шаги для «регулирования транспортов в России», намереваясь провести переговоры с представителями Советского государства. Цель переговоров – получение концессий в Сибири.

В.А.Шibaев в офисе «Мировой Службы». Рига, 1923

Шibaев вдохновлен своей миссией. Едва приступив к работе, он с восторгом сообщал Николаю Константиновичу: «World Service растет... Каждый день несет новые возможности, и я уверен в росте по геометрической прогрессии» (сентябрь, 1923) [5]. Действительно, баланс на февраль 1924 года был уже положительным и валовая прибыль организации составила сотни американских долларов (сумма, по тем временам значительная). Общий оборот за полгода – 5 тысяч долларов. «Мировая Служба» начала импорт чая из голландской Индии и экспорт льна из Латвии. Кроме того, был взят курс на производство. В ноябре 1923-го начался монтаж мельницы с паровой машиной (побочно для получения электроэнергии). Предполагалось развернуть крахмальный и лесопильный заводы. Впоследствии – наладить книгопечатание. В декабре от латвийских властей контора получила разрешение на открытие бюро путешествий.

Деятельность «Мировой Службы» быстро расширялась. Появился круг сотрудников, которые работали по разным направлениям, – прежде всего, полковник Русской армии

Н.В.Кордашевский, обосновавшийся в Литве, и латышский врач Ф.Д.Лукин. Шibaев пытается наладить контакты с директором-издателем латвийского «Иллюстрированного журнала» Прандэ, директором Художественного музея Пурвитом, директором Рижской оперы Залитом, который также очень интересовался теософией. На первых порах усилия сотрудников направлялись на книготорговлю. При торгово-транспортной конторе в Риге открылось представительство издательства «Алатас». Начало было положено продажей книг Н.К.Рериха и его близкого сподвижника, сибирского писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова. К концу 1923 года выходит английское издание рериховского сборника «Адамант» и биографическая книга Надежды Селивановой «Рерих». Также появляется долгожданный том «Листы Сада Мории», или «Зов», – первый из серии Учения Живой Этики. А немного позже – книга очерков Рериха «Пути благословения» (1924). Шibaев ведет рассылку книг в Германию, Литву и Эстонию.

Книжному делу уделяется немалое внимание. «Наблюдаю лихорадочный интерес к эзотерической книге, – писал полковник Кордашевский в Индию. – Здесь доходят до того, что переписывают друг у друга случайные книги по духовным и оккультным вопросам» (11.7.1924) [11]. Действительно, во всей Прибалтике скопилось множество эмигрантов, а книги на русском языке отсутствовали. Лучшие издательства в Петрограде, Москве и Калуге были разгромлены революционной стихией. Требовалось издательство, которое перепечатало бы старые книги и занялось изданием новых. «Необходимы книги, открывающие эзотерическую сторону религии, через которые была бы видна связь религиозных учений в глубину веков и единство принципов, существующих в настоящее время» [там же].

Рижское учреждение становится своеобразным форпостом рериховских идей прямо на границе с Советской Россией. В ноябре 1923-го в Латвию приезжает широко известный журналист и коллекционер А.В.Руманов, тоже оказавшийся в эмиграции. У него сохранялись обширные связи с людьми искусства еще с дореволюционных времен. Руманов начинает сотрудничать с «Мировой Службой». «Он может быть особо полезен на Россию, – сообщает Рерих в письме Шibaеву. – Ибо все будущие помыслы – на Россию» (30.9.1923) [6].

Посылки с книгами переправляются в Ленинград двоюродному брату Е.И.Рерих, музыкальному деятелю с. С.Митусову, а последний привлекает к распространению книг студента Политехнического института Анатолия Гребенщикова, сына писателя. Расчет строился тем более верный, поскольку вместе с книгами Учения шли «Былина о Микуле Буяновиче» и «Чураевы» Г.Д.Гребенщикова. Именно с Георгием Дмитриевичем, новым сотрудником, который по предложению Рериха переехал из Европы в Америку и стал директором издательства «Алатас» при нью-йоркском Музее, налаживает Шibaев «тесную постоянную связь». Гребенщиков – один из братьев и получает духовное имя Тарухан. (Прадед писателя Тарлык-хан происходил из монголов). «Мне становится ясным, – делился Шibaев своими мыслями с Рерихом, – что работа будет иметь особенную связь с Таруханом и его работой» (18.2.1924) [5]. И дело здесь вовсе не в том, что «книги Тарухана прекрасно идут» (10.4.1924) и «его книги – источник красоты» (24.3.1924). Гребенщиков – это главная опора Великого Плана на Алтае. Он сам сибиряк и неоднократно предпринимал этнографические экспедиции в отдаленные горные районы, на границы с Монголией и Китаем. А Сибирь в будущих замыслах Рериха играет важнейшую роль. Деятельность всей «Мировой Службы» со временем планируется переориентировать на торговлю лесом и полезными ископаемыми из Сибири.

Наравне с Шibaевым в «Мировой Службе» активно сотрудничает Н.В.Кордашевский, который отвечает за литовское направление работы. Он разворачивает кампанию по продаже чая. Ведет переговоры с правительством Литвы и планирует развивать чайное дело. Затем «перебросить его на Эстонию, Латвию, может быть, Финляндию и завершить круг Россией по уходе большевиков» (11.7.1924) [11]. Налаживаются торговые связи с Дарджилингом. Святослав Рерих становится представителем по чаю в Сиккиме. В имении Кордашевского, недалеко от Ковно, засеивается пробный участок табака. Летом 1924 года уже собирают первый урожай, и на будущий год готовится плантация в один гектар. Масштаб деятельности продолжает неуклонно увеличиваться.

Фигура Николая Викторовича Кордашевского выдвигается в разряд ключевых. Он профессиональный военный, службу начал в лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества императрицы Марии Федоровны полку в Петербурге. Воевал в Первую мировую, прошел Месопотамию, Персию и Индию с британским экспедиционным корпусом, затем присоединился к миссии генерала Нокса в Сибири. Оказавшись в эмиграции на Дальнем Востоке, Кордашевский скитался в 1919 году по Монголии и Китаю и, наконец, вернулся домой в Прибалтику.

Кочевая жизнь на Востоке не прошла даром. Кровавая бессмыслица гражданской войны, в которую были вовлечены все русские люди, не могла не сказаться на мировоззрении. У Кордашевского пробуждается жажда духовного поиска, стремление найти истину, пусть даже облеченную в малопонятную буддийскую обрядность. Он всматривается в этот религиозный мир, что называется, не слезая с седла. И ламство в благодарность за почтение к Будде выказывает ему расположение. В Пекине Кордашевский встретился с Хутухтой, высоким буддийским священником (Богдо-гегеном, третьим лицом в буддийской иерархии), и получил от него охранную грамоту и ценную танку с изображением Зеленой Тары. На прощание Хутухта сказал: «Когда мы опять увидимся...» (16.11.1923) [11]. Это был залог новых странствий на просторах Азии, встреча, которая, возможно, изменила его судьбу.

По возвращении на Запад полковник Кордашевский не удовлетворился обывательской жизнью помещика. Из деревни, пусть на время, он бежит в Париж – учиться и приобрести оккультные знания у мэтра Гурджиева, который основал в парижском пригороде Фонтенбло Институт гармонического развития человека. Там Кордашевский узнает о Рерихе, сделавшем длительную остановку в Европе перед отъездом в Индию. Париж – столица русской эмиграции – всегда оставался местом, где скрещивались пути ищущих. В Париже Николай Константинович повстречался с писателями А.М.Ремизовым и Г.Д.Гребенщиковым, композитором В.В.Завадским (они составили парижский кружок Живой Этики) – теми, кто так или иначе стали сотрудниками рериховских учреждений. Полковник Кордашевский пришел к Рериху в августе 1923-го и сразу же влился в круг его преданных друзей и учеников. Е.И.Рерих 25 августа записала в свой дневник: «Воин, слушай, ты дошел до Источника, руку протяни натянуть лук во Имя Мое. Теперь прими знак Мой и отойди в лес ожиданий» [12]. Это был напутственный Указ полковнику Кордашевскому, который в лице Рерихов нашел то, что давно искал – близость к духовному источнику. Он был призван к труду на Общее Благо, который и стала олицетворять для него «Мировая Служба».

Накануне отъезда из Парижа, 30 августа 1923 года Кордашевский направил Рериху свое первое послание. В письме, помимо слов благодарности земному учителю, были слова о «духовной близости» и воинском долге.

«Дорогой Николай Константинович, уезжая, заочно хочу еще раз проститься с Вами. Я ухожу счастливый тем, что Учителю угодно было призвать меня. Ухожу, полный веры в духовную близость к Вам и к моим неведомым братьям, с которыми также создалась у меня незримая и неразрывная связь. Не знаю, за что дано всё это мне, ибо по делам и духовной слабости моим – не мог я быть отмечен. Но я постараюсь выполнить свой долг. Долг воина – возложенный на меня свыше. Жалею, что общение с Вами было так коротко, но надеюсь, что настанет время, когда оно возобновится... Душевно Ваш, Н.Кордашевский» [13].

Началась переписка с Рерихом. В письмах Кордашевского всегда замечается необычное. Полковник часто говорит о служении человечеству и об Учителе Аллал-Минге... Вопрос об Учителях трудно обойти стороной. Это именно та основа, на которой изначально строились отношения между Рерихом и Кордашевским. Понятие Учителя – нечто вроде закваски, брошенной в душу Чахембулы (таково ученическое, «тайное» имя Н.В.Кордашевского). Под лучом высоких покровителей жизнь становится как натянутая струна, отныне она посвящается «гармоническому развитию» и деятельной работе в миру.

Аллал-Минг – легендарная историческая фигура, предводитель воинов, казненный в Кашмире (III в. до Р.Х.). И в то же время Учитель Аллал-Минг, или Махатма Мория, – живая во плоти современная личность. Он спускается из своей горной обители Тибета и приходит в удушливые города Запада, чтобы поддержать близких учеников. Рерих – один из них, ему

надлежит особая миссия – пройти по неизведанным путям Центральной Азии, достичь Лхасы и затем основать на Алтае новую столицу буддийского мира. В этом Великом Плане участвует и полковник Кордашевский.

Николай Викторович давно уже прикипел сердцем к Востоку, с того самого 19-го года. Потому он и был встречен как долгожданный сотрудник. «Найден Чахембула», – сообщалось американским друзьям в письме из Парижа. Не только был найден, но и принят. Его дружеская связь с монгольским владыкой явилась событием неординарным даже в глазах многоопытного Рериха. Спустя и год, и два после первой встречи с Кордашевским Николай Константинович неоднократно напоминал полковнику: «Берегите бумагу от Хутухты» [14]. Эта грамота Хутухты становится как бы пропуском в экспедицию по Монголии и Тибету.

Несколько раз Рерих ставил на Кордашевского уже вскоре после парижской встречи, как бы угадывая ту роль, которую должен сыграть полковник в Великом плане. Первоначально в ноябре 1924-го планировалась «чрезвычайная военная миссия» в Ургу во главе с Ю.Н.Рерихом.

За месяц до этого в Нью-Йорке Николай Константинович корректировал сроки. Сотрудница Музея Зинаида Фосдик (Лихтман) описала в своем дневнике собрание у супругов Хоршей, где Рерих давал указания на будущее о «поездке Удраи, Яруи и Чахембулы в Монголию через Россию (Сибирь)» [15]. Ею упомянуты духовные имена Юрия Рериха, Шибаяева и Кордашевского. И сделана многообещающая оценка: «План непередаваемо грандиозен». Монголии отводилась роль авангарда в ожидаемом мировом переустройстве. В Урге для Юрия Рериха готовилась легенда – под именем монгольского полковника Нурухана ему предстояло собрать под свое начало боевые силы. При этом Кордашевский должен был войти в состав командного органа – «Совета пяти» – как военный эксперт. Все это предполагалось осуществить в 1926 году. Именно осенью 26-го Рерихи и прибыли в Монголию.

Двумя годами раньше, в сентябре 1924-го, полковнику Кордашевскому было послано из Сиккима «Слово к монголам». Текст, записанный Рерихами, имел особое значение и предназначался для Монгольского правительства. Его намеревались передать руководителям страны Юрий Рерих и Кордашевский во время своей миссии. Послание Махатмы Мории в Монголию:

«По вашей земле прошли великие вожди и посланные Благословенным. На вашей земле скрыты священные Бурханы и самая святая чаша ждет достойный срок. Молитвами святых Учителей сохранены места старых станов и не сравнены с землей основания священных монастырей. Молитвами заложены в земле металлы и соли. Кто подымет священную чашу и вложит в нее соль земли, тому дано сказать "Монголия, живи в богатстве!". От заката огни горят, поспешайте прославить Благословенное Учение. Луч мощи осветил становища ваши. Хутухта великой Монголии придет и упрочит наследие народа. Сказанное верно так же, как говорю из-за самой высокой горы» [16].

«Слово к монголам» стоит в одном ряду с другим важнейшим документом – Посланием Махатм московским коммунистам, которое в 1926 году было вручено Чичерину и Сталину (ему еще будет дана соответствующая оценка). Возможно, «Слово» тоже являлось историческим шансом для Монголии изменить свою будущую судьбу...

Осенью 1926-го в Литву пришла долгожданная весть из Монголии. Николай Константинович пригласил Кордашевского принять участие в Тибетской экспедиции, которая отправлялась из Урги в направлении Лхасы. Поход был намечен на середину апреля 1927 года. Однако часть маршрута полковнику предложили пройти самостоятельно – сформировать собственный малый караван в китайском Тяньцзине и двинуться навстречу экспедиционному отряду. Предполагалось первоначально, что встреча обоих караванов произойдет на озере Кукунор. В экспедиции Кордашевскому отводилась роль начальника вооруженной охраны. Обязанность, вполне достойная профессионального военного. Ведь мечта о «долге воина» не покидала его уже три года, со времени парижской встречи. «Имея крупицу знаний, я совершенно буду доволен работой кшатрия в великой эпопее», – писал он Рериху [11]. Так оно и вышло.

Полковник Н.В.Кордашевский. 1925

В феврале 1927 года Кордашевский выехал из Риги и в апреле прибыл в Китай. По приезде началось формирование каравана. Полковник отправился в Пекин за паспортами. Там предполагалась встреча с Юрием Рерихом. Был намечен план переговоров с Ташиламой. Но в 20-х числах апреля, когда Николай Викторович добрался до Пекина (со значительным запозданием из-за нестыковки графиков движения пароходов из Европы), экспедиция Рериха уже вышла на маршрут.

Официальная версия экспедиции Кордашевского, отправлявшейся из Тяньцзиня, выдвигалась как коммерческая. Полковник получил разрешение от китайских властей на закупку овечьей шерсти вдоль границы с Монголией по линии «Панкосмос корпорейшэн» – так называлась после окончательного преобразования «Уорлд Сервис». Это была последняя, пусть даже условная, акция Кордашевского как представителя «Мировой Службы». Путь лежал по труднодоступным окраинам пустыни Гоби на соединение с главным караваном Рериха. Однако драматические события похода в Лхасу еще впереди, Кордашевскому отводилась в нем особая роль... После завершения Тибетской экспедиции в 1928-м полковник Кордашевский больше не вернулся к своей службе в Прибалтике. А Шibaев осенью того же года прибыл в Индию. Он заступил в новую должность – личного секретаря Н.К.Рериха, а затем и секретаря Института Гималайских исследований «Урусвати», и пробыл в этой должности десять лет. Деятельность «Мировой Службы» пришлось свернуть. На время принимался другой грандиозный план – строительство Города Знаний в Гималаях.

III

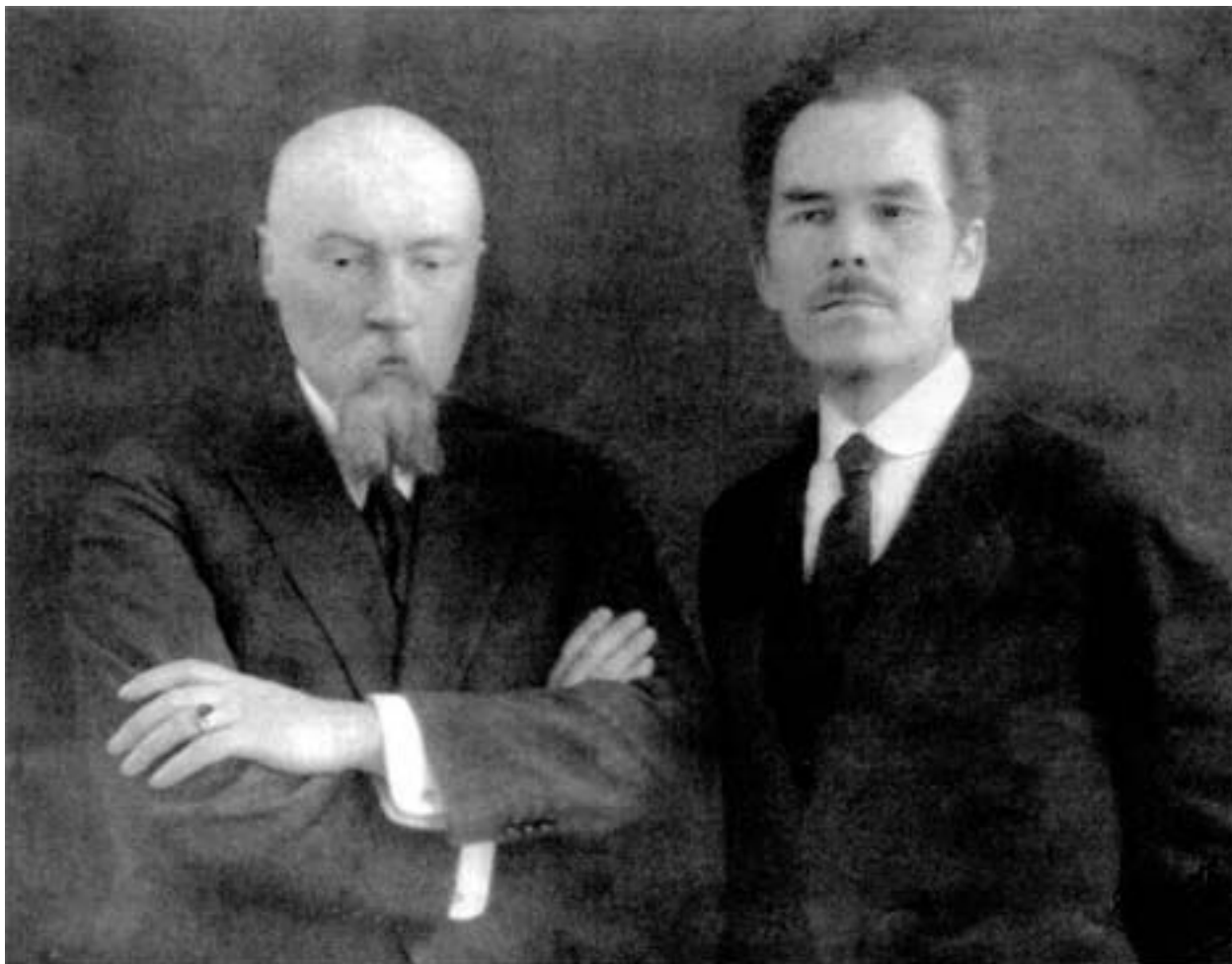
Создание «Мировой Службы» и объединение нужных людей вокруг корпорации, как и вся культурная деятельность Рерихов в Америке и Европе, имело одну единственную цель –

«учреждение центра в Азии» [17]. Этот азиатский центр связывался с Алтаем, где предполагалось развернуть строительство Звенигорода, новой столицы буддийского мира. У подножия самой высокой алтайской горы Белухи грезился Храм Единой религии. Полученный в Париже Камень предназначался в «основание Храма у Белой Горы». Перед отъездом в Индию сибирский план для Рерихов сделался очевидным и приобрел конкретные очертания. Возможно, решающую роль здесь сыграл именно Г.Д.Гребенщиков. Уже вскоре после знакомства сибирского писателя с Рерихами, в дневнике Елены Ивановны появилась запись: «Кроме вас двоих легче поймет размер событий Тарухан – сужденных в Моем Новом доме на Алтае» [18].

Само знакомство Гребенщикова с Рерихом произошло осенью 1923 года. Заочно Георгия Дмитриевича представила княгиня М.К.Тенишева. В июле он решил написать художнику из Висбадена (в долине Рейна у писателя имелся свой собственный дом). Самое удивительное – обращение к незнакомому человеку: «Дорогой и славный Учитель». И ниже сразу же строки откровения: «Я слышал, что Вы едете в Тибет. Эти края – почти моя родина, и я очень скорблю, что не могу сопровождать Вас» [19]. В письме Гребенщиков беспокоится не о себе, а просит Рериха о встрече с композитором В.В.Завадским, который написал три сюиты на стихи «Цветы Мории» и «мечтает повидать Николая Константиновича, чтобы проиграть их ему» (18.8.1923) [12]. Это оказалась целая симфония в трех частях, на стихотворения «Время», «Уводящий» и «Пора». Завадский готовился к турне по Америке и включил в программу свои сюиты, но предварительно хотел получить благословение от автора поэтического сборника. Долгожданную встречу, намеченную по счастливой случайности на 8 октября, день Преподобного Сергия Радонежского, устроили в доме М.К.Тенишевой. У хозяйки имелся хороший рояль. Помимо чарующей музыки, собрание было захвачено «мечтами о Сибири». Рерихи получили двух новых друзей и сотрудников.

В Париже складывается кружок Живой Этики. В него, кроме Гребенщикова и Завадского, входит писатель А.М.Ремизов. В ноябре 1923-го, в канун отъезда Рерихов, все трое встречаются «вместе во имя Учителя». Отныне кружок собирается по четвергам, поочередно на квартирах участников. (Правда, Ремизов очень скоро уходит в «затвор»). Главным остается Гребенщиков. Он получает от Н.К.Рериха портрет Махатмы Мории для собраний. И пожелание написать сибирскую легенду о Камне, хотя в тот момент еще не знает, кто владеет сокровищем. Символично, что Георгию Дмитриевичу досталась в подарок белая скатерть, та самая из дома Рерихов, которая всегда покрывала «магический» стол для бесед с Морией.

Рерих и Гребенщиков договариваются о создании книгоиздательства «Алатас» (в переводе с казахского «Белый камень»). Одновременно писатель был приглашен приехать на жительство в Соединенные Штаты, чтобы включиться там в деятельность культурных учреждений, основанных Рерихом. Он даже получил 3 тысячи франков на билет до Нью-Йорка. Переезд намечен весной 1924-го. Однако Америка – только промежуточный пункт на пути к России. Гребенщиков полон надежд на возвращение домой, на родной Алтай. Рерих вкладывает в издательство «Алатас» свою долю – 4 тысячи франков, а позже еще 400 долларов, и прочит Гребенщикову пост директора после слияния издательства с нью-йоркским Музеем. Тем не менее, издательство рождается уже в Париже. Начало Гребенщиков мечтает положить небольшим альманахом, в который предполагалось включить его повесть-пьесу «Белый Камень», венок сонетов Константина Бальмонта и очерки Н.К.Рериха под общим названием «Пути благословения». Но все же первой книгой стал знаменитый роман самого Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче» (Париж–Нью-Йорк: Алатас, 1924). С февраля 1924-го полным ходом идет подготовка к печати книги Ремизова «Звенигород Окликанный. Николины притчи». Целый раздел в ней писатель посвятил своим размышлениям о картинах Рериха. Николай Угодник и Николай Рерих оказались объединены под одной обложкой загадочным словом «Звенигород». Для русской публики это название ассоциировалось с подмосковным уездным городком. Около него, на горе Стороже, возник Саввино-Сторожевский монастырь, который строился Саввой Звенигородским, учеником Сергия Радонежского.

Н.К.Рерих и Г.Д.Гребенщиков. Париж, 1923

Чтобы поддержать своего нового сотрудника, Рерих принял участие в творческом вечере Георгия Гребенщикова, состоявшемся в Париже 30 октября 1923 года в отеле «Мажестик» на авеню Клебер. Он произнес приветственное слово, которое оказалось весомым дополнением к выступлениям А.И.Куприна и К.Д.Бальмонта. Артисты Московского Художественного театра сыграли первое действие из пьесы Гребенщикова «Сказка о кладах», написанной по мотивам «Былины». Через день после вечера, 1 ноября, Николай Константинович отправил американским сотрудникам письмо и фотографии Гребенщикова и его жены Татьяны Денисовны.

«Родные, опять шлю толстый пакет. Найдёте в нем лики Ваших новых братьев. Только подумайте: ведь Тарухан с того самого данного Алтая!! Я вижу, как он и Логван поговорят о серебряных горах. О реках, несущих в себе бесконечную водную энергию. Как все Вы прислушаетесь к сказке кладов Сибири. Храм Ориона...» [20].

За несколько дней до литературного вечера Гребенщиков серьезно обсуждает с Рерихом свой переезд в США. 27 октября 1923 года он передает документы на визу Николаю Константиновичу, который выступает ходатаем перед американскими властями. В анкете было указано, что писатель намерен читать в Америке лекции о Сибири, издавать свои труды на английском языке и вести курс литературы в Мастер Институте Объединенных искусств. К документам прилагалась аннотация и краткое содержание лекций Георгия Гребенщикова. Цикл состоял из шести лекций и назывался «Чудеса Сибири». (Название дал сам Рерих). Отдельные тезисы из конспекта лекций дают полное представление о направлении мысли их автора.

«Лекции объединены между собой общей основной идеей призыва молодых и крепких сил к радостному творческому обновлению жизни. Обрисовывая природу, эпос, людей, зверей и богатства Сибири, лектор зовет избранных творцов для созидательного действительного творчества в этой новой, девственной стране Великого Грядущего...

Пора строить новый мир, новую культуру духа в чистом светозарном и суровом месте,

о котором вы услышите правдивые слова как первую весть о существовании на земле настоящей, незакатной радости для объятых жаждой Танца...

Дороги и судьбы сибирской земли. Первые вожди и делатели нового быта. Протопоп Аввакум, казак Ермак, мореплаватель Железняк. Декабристы. Беловодье и Чураевская Русь. Переселение народов... Великий человек Потанин. От областного сепаратизма к идеалу вселенского отечества. Осязаемые пути Грядущего.

Священный сосуд первобытия. Где же сосуд Радости? Кто сохраняет его? Не сохраняется ли он где-то во льдах Севера или на горах Востока? Не заключается ли он в нетронутой цивилизацией чаше тысячелетнего эпоса северо-восточных народов? Мудрость изначальной благодати. Первобытные мистерии, сказания, былины, сказки и песни многочисленных народов дремлющей Сибири. Тяга к древнему эпосу великих людей. Светозарный престол Мира – Алтай. Таинство Камня и Рерих» [21].

Буквально за каждой строкой краткого конспекта лекций выступают знаковые понятия. Взять, к примеру, акцент на Н.Г.Потанине, которого Гребенщиков считал своим учителем. По наставлениям знаменитого путешественника и исследователя Азии молодой писатель совершил ряд этнографических экскурсий на Алтае. Написал о затерянных в тайге староверов труд «Река Уба и Убинские люди», получивший высокую оценку Русского Географического общества. После Октябрьской революции Потанин стал инициатором целого политического движения за свободную Сибирь. Это он выдвинул идею создания Сибирской Республики, провозглашенной летом 1918-го, и вошел в состав ее руководства. Через полгода власть захватил Колчак, а позже большевики довершили расправу с чудовищной крамолой. Только смерть спасла Потанина от позорного поругания. Его хотели провезти в железной клетке через всю Россию, подобно Степану Разину, и прилюдно расправиться с ним в Москве. Гребенщиков всецело разделял идеалы своего учителя и был готов прийти к нему на помощь в сибирском строительстве. Но, отрезанный фронтами на Карпатах, а затем Гражданской войной, не смог пробиться за Урал. Именно известие о разгроме Сибирской Республики окончательно отшатнуло Гребенщикова от Советской власти (одно время он был очень лоялен к Советам) и вынудило впоследствии принять решение об эмиграции. Произошел идейный разрыв с большевиками.

Крайне интересна по содержанию шестая лекция, полностью посвященная Н.К.Рериху. Ее тезисы дают яркую иллюстрацию будущего, которое Гребенщиков озвучил в полный голос. А возможно, что и сам Мировой план (или отдельные его части) стал приобретать для Рериха образную завершенность благодаря Гребенщикову. По крайней мере, в «Былине», которая была уже закончена к моменту встречи с Николаем Константиновичем, писатель выводит главного героя Микулу, созидającego вместе со всем народом грандиозный Храм на святых горах Алтая.

«Николай Рерих. Знамена и воплощения. Роковые и спасительные знаки. Избранные люди Северо-Востока. Миссия русского большевизма. Россия и Сибирь как мировой плацдарм для последней битвы за новую расу. Рерих – величайший из пророков современности. Знамена в его полотнах. Вехи и этапы творческого пути. Действенная сила его любви к Прекрасному. Рериховское копье, побеждающее змия. Рериховские небеса и рериховский камень. Лазурные врата из прошлого в прекрасное будущее. Почему у нас нет уныния? Радостное начало созидания близко. Танцующие! Приготовьтесь к приятию всевоскрешающего блага – к началу построения Храма Труда и Мира всего мира» [21].

Поразительно, но в тексте лекций (пусть даже столь кратком) обнаруживается семантика, присущая исключительно Рериху, – упоминание о Камне, о Храме и Новой Стране.

Гребенщиков своим появлением привнес настоящую творческую радость в жизнь Рерихов. После возвращения из Италии и Швейцарии осенью 1923-го Николай Константинович и Елена Ивановна читают в рукописи его «Былину о Микуле Буяновиче» и ненапечатанные главы «Василия Чураева». Роман «Чураевы» был задуман как многотомная эпопея еще до Первой мировой войны, его благословил Максим Горький в Петрограде, но первый том появился только в 1922 году, в Париже. По оценке Рерихов, такая литература, несомненно, самой высокой серебряной пробы. «Какая это сильная вещь. Тарухан идет

твердо и мыслит широко» [20]. Естественно, возникло предложение ознакомить американских читателей с самородным Алтаем и издать роман «Чураевы» в переводе на английский язык.

Из Парижа Н.К.Рерих пишет крупному меценату и своему другу Чарльзу Крейну, усилиями которого во многом поддерживался Мастер Институт и позже был открыт Рериховский музей в Нью-Йорке. В письме он представляет «знаменитого русского писателя Георгия Гребенщикова» [22]. Как правило, художник редко давал рекомендации кому бы то ни было. Случалось подобное в порядке исключения. Но это был тот самый уникальный случай. На чаше весов лежал Алтай. «Сокровища Сибири так близки Америке», – писал Рерих. Впервые начал вырисовываться замысел: связать два континента и использовать силовой рычаг – экономическую мощь Соединенных Штатов, чтобы выявить духовные богатства России. Другому влиятельному американцу, другу Музея Мерриту, Рерих посылает очерк Гребенщикова «Сибирь» [23].

Итак, 17 ноября 1923 года все четверо Рерихов покинули свою временную обитель на рю де Мессии в Париже и отправились в манящую Индию. Через две недели океанский лайнер «Македония» пришвартовался в Бомбее. Гребенщиконы же налегли на английский язык, ежедневно посещали курсы – они усиленно готовились к отбытию в США. Началась частая переписка с Рерихами, которые по приезде сразу отправились путешествовать. Георгий Дмитриевич и Татьяна Денисовна с азартом следят по настольному атласу за маршрутом своих учителей. «Вы с нами, и Америка с каждым днем все роднее и знакомее» [24]. Вся воля брошена на Америку.

Менее чем за два месяца Гребенщиков послал Джону Крейну (дипломату, сыну Чарльза Крейна) десять своих «сибирских очерков». Первые пошли в Прагу уже 25 ноября, они назывались «Жемчужные струны» и «Дремлющая Красота». Крейн обещал печатать статьи в разных журналах. По приглашению французского издателя Поля Буайе Гребенщиков приступил к чтению цикла лекций, тоже о Сибири, в парижском Институте восточных языков.

Всё существование писателя погружается в особую психофизическую атмосферу. Даже свою книгу «Микула Буянович» Гребенщиков выпускает в свет с «новым чувством служения Ему» [25]. Он переживает своеобразный духовный опыт. С Рерихом устанавливается какая-то глубокая, внутренняя связь. Сны, видения, мысли – одновременно вспыхивают и на Гималаях, и в Париже. Встречные письма Гребенщикова и Рериха совпадают, повествуют об одном и том же высшем предназначении. Георгий Дмитриевич пересказывает сон жены на 1 января 1924-го: «Семь воинов, все молодые, в доспехах, выстроились в ряд и ждут приказа отправиться в Сибирь» [26]. А Николай Константинович направляет Указ, идущий из высокого источника.

«3 января 1924 года. Родной Тарухан, 1 января была дана нам перед снегами Гималаев заповедь чрезвычайного значения.

"Христос сказал Будде: Негоже Самим храмы строить, Самим на колокольне звонить. Брат Будда, собери тех людей, которые могут третий глаз возжечь. Помоги им пустыню пройти. Надели их достатком строительным. Чистую звезду перед ними зажги. Воздай меру доверия – пусть Храм вознесется руками человеческими, чтобы было куда войти Нашему Собору. Удумаем, куда посадить строителей, какою мерою честь воздать тому, кто за Нас на весь мир позвонил. Быть тому на Звенигороде".

Записана заповедь Христова 1 января перед великою горою.

"Запись пошлите призванным каменщикам. Замечайте нити великой пряжи. Твердым сознанием горы перейдете. Указ явите Тарухану. Уже вижу, какой путь ему назначен, какой груз повезет на Алтай".

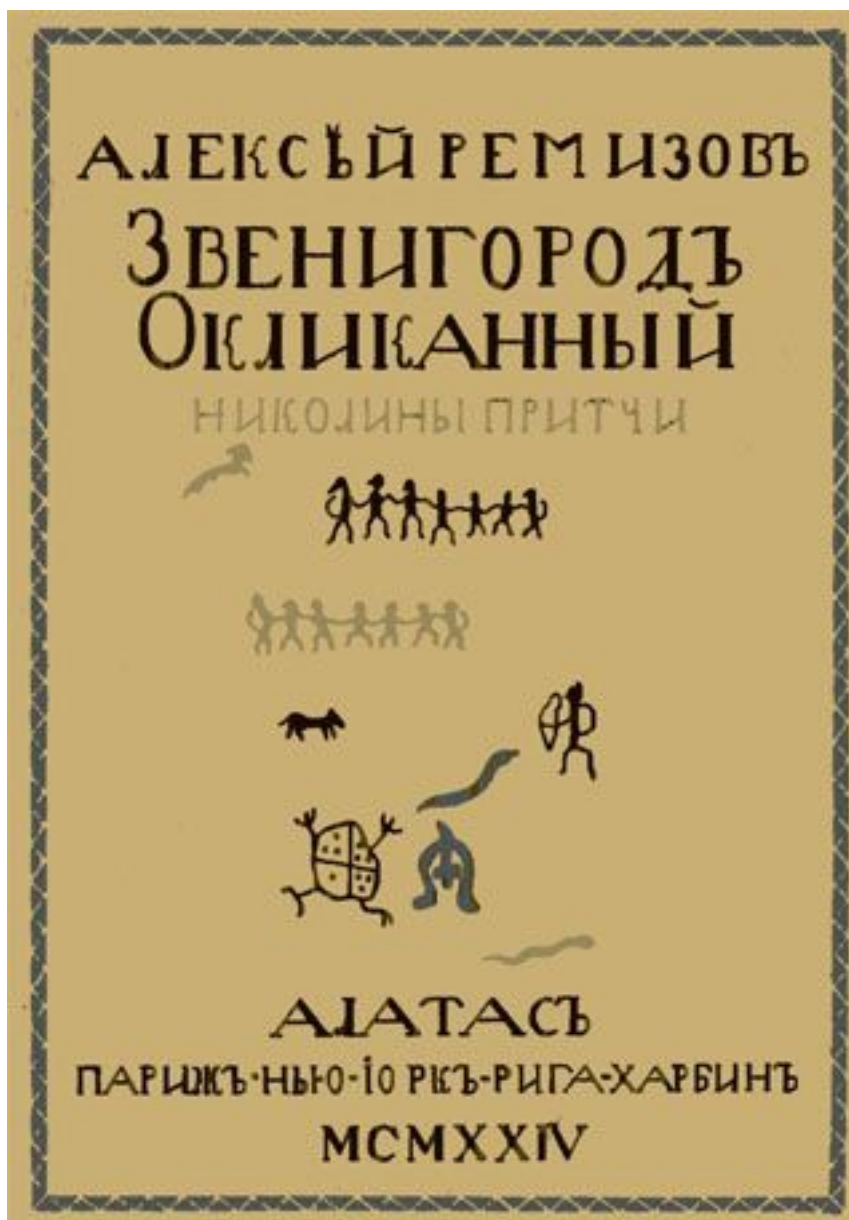
Знаем, как Вы будете радоваться этой вести. По настроению прочтите остальным. Перепишите и пошлите Яруе, а он – Чахембуле.

Сегодня яркий студёный день. Думаем сейчас, как Татьяна Денисовна будет полезна в столовой при Мастер Институте. Много благих знаков около нас. Целуем. Духом с Вами, Рерих» [27].

Под покровительством Рерихов Гребенщиков с женой направляется, наконец, в США.

Накануне отъезда, 20 апреля 1924 года, устраивается «Пасхальный вечер», на котором происходит прощание с Парижем. Завадский выступает со своими сюитами на «Цветы Мории», и Гребенщиков читает лекцию, посвященную Рериху. Заодно это еще и проба сил перед Америкой. Впервые пришлось публично говорить об Учителе Рерихе. Писатель верит, что в Новом Свете ему удастся «сделаться глашатаем идеи Братства».

Пароход «Левиафан» прибыл в Нью-Йорк 28 апреля, в 7 часов вечера. На пристани Гребенщиковых встречали духовные братья и сестры. На следующий день гостей вводят в Храм – так в обиходе круга сотрудников именовался Музей Рериха. И теперь к семерым американцам – финансисту Луису Хоршу и его жене Нетти, музыкантам Морису и Зинаиде Лихтманам, журналистке Фрэнсис Грант, Эстер Лихтман (сестре Мориса) и Софье Михайловне Шафран (матери Зинаиды Лихтман) – добавляются парижские переселенцы. Что называется, сон в руку – они оказались среди «семи воинов».

Обложка книги А.М.Ремизова «Звенигород Окликанный»

Сразу же Георгий Дмитриевич приступает к обязанностям директора книгоиздательства «Алатас», которое разместилось в здании Храма-Музея на Риверсайд, 310. Через десять дней после прибытия, 7 мая 1924-го, парижский «Алатас» слился с нью-йоркским Музеем, и была образована новая корпорация с тем же названием. Началась рутинная издательская работа. Летом Ремизов сообщил о выходе долгожданной книги «Звенигород Окликанный». Первые 20 экземпляров пришли из Парижа 18 июля, в день Преподобного Сергия. Такие детали для Круга в Америке имели большое значение.

Гребенщиков незамедлительно откликнулся рецензией на это творение Ремизова. Особо он выделил пророческие слова самобытного русского писателя, приведенные им в разделе «Жерлица Дружинная», который как раз и был посвящен картинам Рериха: «Новый город вы выстроите, и будет он краше и праведнее всех городов, новый город, Окликанный» [28]. Несомненно, это пророчество приобрело в устах писателя загадочное выражение, подразумевая под «новым городом» будущий алтайский Звенигород. Важен тот факт, что название книги предложил сам Рерих, когда рукопись находилась в работе в «Алатасе». И Ремизов, будучи приобщенным к учению Живой Этики, согласился добавить к «Николиным притчам» звучное «Звенигород Окликанный». Осенью Рерих даже «очень советовал» инсценировать «Николины притчи». (У Музея установились дружественные отношения с театральной группой Лазарева).

Гребенщиков готовит к изданию II том своей эпопеи «Чураевы», написанный еще во Франции. Он выходит в свет только весной 1925 года, хотя хотелось опубликовать к творческому вечеру по случаю приезда писателя в Америку, состоявшемуся 30 ноября 24-го в отеле «Плаза». (На этом вечере председательствовал Н.К.Рерих). Одновременно пишется III том эпопеи «Веления земли», с которым публика познакомится в 1926-м. А к 1931 году уже издан V том – «Сто племен с Единым». Прототип Василия Чураева, главного героя романа, – сам автор, пишущий «эпопею поисков всеобъединяющего Бога» [29]. Он выходец с Алтая, потому и характер его героя, и его чаяния связаны с родной сибирской землей. Роман «Чураевы» – больше чем литература, это клише жизненного устремления, духовного роста целой нации, заключенной в одной личности, – народа-храмостроителя. Последний, так и не написанный XII том эпопеи должен был называться «Построение Храма».

По прибытии в Соединенные Штаты Гребенщиков работает на благо Алтая. Собственно, с этой целью он и был «выписан» Рерихом из Парижа. Еще не прошло месяца, как писатель в Нью-Йорке, но руководители Музея уже разворачивают перед ним будущие планы. Президент Луис Хорш, вице-президент Морис Лихтман и директор «Алатаса» встречаются в «ресторане банкиров», в Даун-тауне. Там когда-то начиналась «Корона Мунди» с Н.К.Рерихом. «А теперь мы начинаем Алтай», – записывает в свою летопись Гребенщиков слова Хорша [30].

К концу 1924 года наметилась лекционная деятельность. 19 декабря Гребенщиков для русской эмиграции прочитал в центре Нью-Йорка, в зале Христианского Союза Молодых Людей, лекцию о Сибири. Присутствовало 400 человек. Писатель говорил один час, но публика «хотела слушать о Сибири еще час». Через три недели, 11 января 1925 года, его лекцию «Европа или Азия?», где он говорил о судьбах будущей России, слушали уже более 700 человек. А на следующий день прошел диспут по произведению «Былина о Микуле Буяновиче», тоже при почти тысячном стечении народа. Так состоялась первая проба Гребенщикова как оратора. Окрыленный успехом, Георгий Дмитриевич постепенно вытягивается в новую для себя роль глашатая, сибирского атамана. Несколько лет спустя Н.К.Рерих назовет его живым воплощением (или перевоплощением) Ермака Тимофеевича, завоевателя Сибири. Примечательно, что Ермак прославился своими походами за Урал при Иване Грозном. В 1582 году он принял решительный бой с татарским ханом Кучумом на реке Иртыш и победил.

К началу 30-х годов Гребенщиков становится настоящим профессиональным лектором. Он ездит по всей Америке, от восточного до западного, Калифорнийского побережья, читает лекции в колониях русских эмигрантов и в американских образовательных учреждениях. Темы говорят сами за себя: «Всемирная идея русской нации», «Сибирь – страна великого будущего», «Преподобный Сергей Радонежский как учитель Русской земли», «Рерих и Гималаи» и многие другие. Количество лекций исчисляется не десятками, а сотнями и, под конец лекторской карьеры, – тысячами.

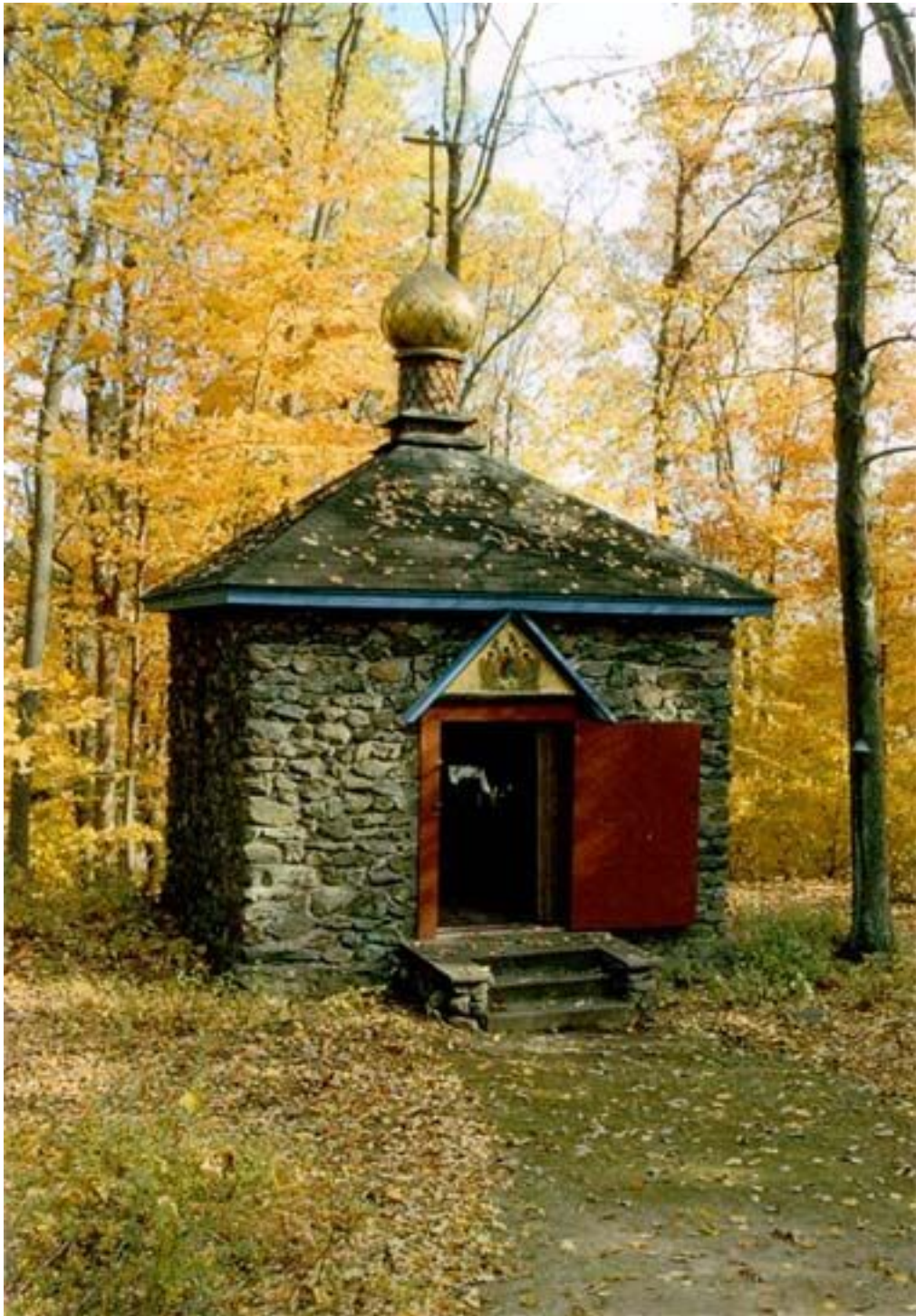
Весной 1925 года в жизни Гребенщикова произошли события, которые через несколько лет в корне изменили его судьбу. На Светлой пасхальной неделе он оказался в Салзбюри, в 75 милях от Нью-Йорка, в тихом укромном уголке природы у слияния древнеиндейских рек Хусатоник и Помпераг. Там он встретил Илью Толстого, сына великого классика, и приобрел у него участок земли. Уже летом в дачном имении появилось несколько дощатых

домов. Именно с них началось строительство русской деревни Чураевки. Первыми поселенцами считаются Илья Толстой, Георгий Гребенщиков и его жена Татьяна Денисовна. Позже, в 1927-м, туда было перенесено издательство «Алатас» и открылась типография. Очень быстро деревня сделалась обитаемой, и ее жителями стали русские знаменитости – изобретатель Игорь Сикорский, композитор Сергей Рахманинов, театральные режиссер Михаил Чехов и многие менее известные соотечественники.

Чураевка – имя вымышленное, плод литературной фантазии писателя. И в то же время вполне реальное – это название сибирского скита, расположенного где-то в горах Алтая. Там разворачиваются события романа «Чураевы». Каким-то образом жизнь тесно переплелась с литературой. Помимо издания книг, детской студии, общения творческой интеллигенции, в русской деревне была сделана попытка воплотить новую философию – Практическую Школу жизни, для помощи человеку «проходить свой жизненный путь бережно, полезно и красиво». Свое учение, выросшее на почве национальной православной культуры и идей, почерпнутых из Живой Этики, Гребенщиков изложил в книге «Гонец» (1928). Это философская публицистика в форме писем родным и близким в алтайскую глубинку. В одной из рецензий того времени, озаглавленной очень характерно «Русский гонец», автор задается вопросом: «Но где же писатель-вождь, где учитель жизни теперешнего поколения?» [31]. И следует однозначный ответ – учителем «новой жизни» указан Георгий Гребенщиков.

Как-то летом 1925 года в Салзбюри появилась «библейской красоты» странница Рахиль, исходившая пешком 43 штата Америки, – специально, чтобы встретиться с автором книг «Былина» и «Чураевы». Она сказала Гребенщикову: «Я чую какое-то мистическое влечение к Сибири» [29]. Случай этот очень показательный, он имеет отношение к последствию литературы, к тому идейному заряду, который заложил автор в свои произведения. Нечто подобное имела в виду и Елена Рерих, напутствуя первые шаги «Алатаса»: «Дело это начинается в Америке и расти будет на почве Сибири в Новой Стране» [32]. Книгоиздательская корпорация всей своей деятельностью была нацелена к будущему Сибири и Алтая. Даже стихи поэта Бальмонта, изданные в «Алатасе» много позже, так и назывались: «Голубая подкова. Стихи о Сибири, 1916-1934» (Чураевка, 1935). Теперь неизвестно, кто именно дал название сборнику, но в одном из своих писем в 1933-м Гребенщиков описывает «голубую подкову» – горизонт неба, как символ, скрывающий в себе грядущую перспективу за краем земли.

Самым знаменательным событием со дня основания Чураевки явилось строительство каменной часовни в честь Преподобного Сергия Радонежского. Создавалась она руками писателя, и что примечательно, по проекту Н.К.Рериха (отделка массивной двери сделана тоже по рисунку Николая Константиновича). Для этой часовни художник заказал в Париже хоругвь с изображением Св. Сергия и, на оборотной стороне, явления Божьей Матери Преподобному. Ее исполнила Т. Н.Родзянко, славившаяся в эмиграции своим мастерством золотого шитья и иконописи. Первый взнос на завершение строительства часовни сделали Н.К.Рерих и его сын Юрий в августе 1929-го. А 14 сентября 1930 года она была освящена при огромном стечении народа. По примеру Чураевки часовня Св. Сергия была также устроена в 1934-м при Музее Рериха в Нью-Йорке. Из американских лесов Гребенщиков начинает культурное строительство в Сибири. Одной из главных целей выдвигалось открытие в недалекой перспективе новой Чураевки и отделения «Алатаса» в горах Алтая, на которых, по выражению писателя, «пора строить что-нибудь огромное, из яшмы и гранита – на многие века» [33]. Часовня Сергия Радонежского – это первый замысел будущего Храма. В чураевском ските Радонега (по образу и подобию Радонежа) зарождается еще одно творческое начинание. Гребенщиков получает с Гималаев Указ – написать книгу об Алтае. Он принимается за свой труд весной 1925-го и напряженно работает почти целый год. Эту книгу писатель называет «Алтай – жемчужина Сибири». Откладываются даже спешные дела по «Алатасу», чтобы не упустить сроки. Источником его вдохновения является «Письмо Махатмы». Это некая тайна, известная только Гребенщикову и Рерихам, которые и переслали адресованное «певцу Алтая» послание.

Часовня Св. Сергия Радонежского в Чураевке

— Письмо Махатмы —

Мое письмо к Тарухану — Считаю книга об Алтае должна явиться событием. Только сам писатель лично ответственно может определить содержание. Именно Тарухан громовым голосом может сказать серебряно самоцветную мудрость Сибири. Эта земля оплот Северной Шамбалы, и ничто малое не прилично Алтаю. Не в одной физике была тайна Тарухана.

Пусть Тарухан ведет эпистола Краюв Грусвати и Фузни. Пусть посмотрит легко ли фи ветев ина? Не пизание и не наказание, но спрелег — ливость. Устивно болу подя арпона легендти, нефели слованду против сурденкиия сродова —

Знаю посилающего, Знаю издученидовла те — рафина, но визри братства разбивается иза тьбу.

Што благословение пьбу Алтаю —
Сказанное тада же верно, каде Грусвати видела
это письмо — .

Письмо Махатмы Георгию Гребенщикову. Автограф Е.И.Рерих

«Мое письмо к Тарухану. — Считаю, книга об Алтае должна явиться событием. Только сам писатель лично ответственно может определить содержание. Именно Тарухан громовым голосом может сказать серебряно самоцветную мудрость Сибири. Эта земля оплот Северной Шамбалы, и ничто малое не прилично Алтаю...» [34].

Прошло меньше месяца после получения письма, и Е.И.Рерих передала еще одно послание, дополнившее первое.

«Учитель хотел бы видеть Тарухана сибирским головою, для того пиши книгу об Алтае со всю красотой, знанием и восхищением духа. Книга Мне принадлежит, и хочу ее иметь в Башне» [35].

Основная работа над рукописью «Жемчужина Сибири» началась в июле 1925-го. Писатель специально удалился в свою лесную обитель подальше от шумного Нью-Йорка. Ему представлялось, книга будет построена необычно, вовсе не как набор статей и повестей. В романтическом ореоле грезился «цельный роман». «Еще до получения Его письма, — писал Гребенщиков в Индию, — я почувствовал, что в эту книгу должен вложить всё лучшее из моих чувствований и дум о Новой Стране...» [36]. Только к 1927 году книга была завершена. Одна из глав — «Хан-Алтай» — появилась в рижском журнале «Перезвоны» [37]. В Америке публиковались отдельные фрагменты на английском языке, сначала «Жемчужина Сибири», затем «Сибирь. Страна великого будущего» [38]. Последняя публикация была приурочена к избранию писателя почетным доктором философии университета в Андхре (Индия). Несколько глав также планировалось включить в Сибирский сборник, который Музей готовил к печати в конце 1934 года по распоряжению Рериха. В полном виде труд

Гребенщикова так и не увидел свет при его жизни. Последний вариант рукописи был назван автором «Моя Сибирь» [39].

Издательская работа в Чураевке становится самой главной. В начале 1931-го возводится под типографию «новый терем». Выпускаются книги Н.К.Рериха, И.И.Сикорского, Н.А.Умова и самого Гребенщикова. «Алатас» стал известен не только в Америке, но и в Западной Европе, Прибалтике и даже в русском Китае. «Мы, носители заветов нашего Учителя, – пишет Гребенщиков своим духовным братьям и сестрам в Музей, – остро чувствуем всю важность и ответственность нашей работы... когда в духе и в действии рождается Радонега и воистину строится Звенигород» [40].

В конце 20-х и начале 30-х Гребенщиков весь поглощен Чураевкой. По особому соглашению с Музеем Рериха от 17 марта 1927 года корпорация «Алатас» полностью переходит в его ведение. И это воспринимается кругом сотрудников как отход в сторону. Но сам писатель так не считает, он строит модель будущей алтайской жизни. Все сомнения рассеялись, когда в августе 1929-го русскую деревню посетил Н.К.Рерих. Художник выбирает для «художественно-просветительских целей» несколько участков земли, они закрепляются за Музеем. А чураевский отшельник получает благословение от Николая Константиновича – его давняя мечта, со времени приезда в США, – объединить в эмиграции «всех сколько-нибудь выдающихся сибиряков». В сентябре он обращается в Нью-Йорк с официальным письмом и предлагает организовать Сибирскую группу Общества друзей Музея Рериха. Главный посыл этого предложения – подготовка культурного взаимодействия между Америкой и Сибирью.

Первое собрание сибиряков и друзей Сибири прошло 27 сентября в Доме Учителя, новом 29-этажном здании Музея. Ядро Группы, помимо Г.Д.Гребенщикова, составили присутствовавшие там дирижер М.М.Фивейский, поэтесса Л.Я.Нелидова-Фивейская, оперный артист Я.С.Лукин, литературные деятели и журналисты Е.А.Москов, Е.И. Иванова-Фовицкая, М.Н.Колокольникова и др. Кроме того, в члены будущей Сибирской ассоциации предложены: художник Л.В.Тульпа (Бостон), директор Сибирского архива И.А.Якушев (Прага), журналист и писатель И.Г.Савченко (Париж), историк Б.Н.Волков (Сан-Франциско), священник Иннокентий Серышев (Сидней), известная певица М.М.Куренко (Нью-Йорк), поэт А.А.Ачаир (Харбин) с его литературным обществом «Молодая Чураевка». Это далеко не полный список сибиряков, разбросанных по всему миру и связанных нитями культурной работы во имя будущего Сибири.

На собрании вступительное слово сказал Гребенщиков, бесспорный лидер Группы, и с ответной речью выступил Рерих. Журнал «Москва» опубликовал приблизительный текст выступления Николая Константиновича: «Хорошо, что вы начинаете ваше дело небольшой группой; главное, что у вас имеется идея красивого устремления к созиданию и единению вокруг такого прекрасного символа, как страна великого будущего – Сибирь и как живое воплощение красоты – Алтай. Когда мы не так давно проходили через Алтайские высоты, то нам показывали пути и потаённые, ведомые лишь избранным, далекие тропинки к священным местам, именуемым Беловодье» [41]. На вопрос, заданный профессором Московым, о ближайших путях русского народа, Рерих ответил коротко: «Пути эти всё те же – в Беловодье». Разумеется, о Беловодье Мастер говорил не случайно. Эту линию он проводил в жизнь, начиная с Дарджилинга, – собирал древние тексты и легенды о Священной Шамбале. И открыл Западу это священное понятие в своей книге «Сердце Азии». Беловодье из алтайских преданий и есть Северная Шамбала.

Крещение сибиряков состоялось 17 октября, когда они приняли самое активное участие в юбилее творческой деятельности Н.К.Рериха, прошедшем в стенах Музея. В этот день посетителей было около пяти тысяч человек. Сибирская группа обратилась к юбиляру с письмом, которое зачитал Гребенщиков.

«15 октября 1929 г. Дорогой Николай Константинович!

Группа Сибиряков, сынов и дочерей необъятной страны великого будущего, объединенных искренней любовью к Вам и ко всем учреждениям Музея, воздвигнутого Вашим именем в легендарно-могучей Америке, поручила мне выразить Вам – по случаю 40-летия Вашей изумительной созидательной работы – чувства своего восхищения и горячей

благодарности за ту радость, которую Вы несете в Вашем творческом благовествовании.

Почитая за великую честь работать вместе с Вами для идеалов, Вами проводимых в жизнь, мы, помня заветы Ермака и Потанина о великом будущем Сибири, хотели бы под новыми знаменами труда и красоты вынести на широкий путь наш лозунг культурного и практического объединения Сибири и Америки. В этом объединении мы предвидим не только великую цель духовного и материального обогащения народов Азии и Америки, но и начало новой эры для водворения истинного мира на земле.

Вам, указующему «Пути Благословения» и открывающему для всех народов «Сердце Азии», несомненно ведомо, на каком великом перепутье человечества лежат великие и девственные материки Сибири. По нашему глубокому убеждению, только там, под дозором белоснежных высот Алтая и Гималаев, будет строиться новая Культура как новая ступень

для общечеловеческого восхождения по истинным Путям Благословения.

По поручению Сибирской группы Друзей Музея Рериха – Георгий Гребенщиков» [42].

Сибирская группа постепенно переросла в Ассоциацию. Ее деятельность – лекции, вечера, молебны, издания книг – особенно активизировалась к моменту последнего приезда Н.К.Рериха в США и началу Маньчжурской экспедиции.

К осени 1931 года, когда Рерихом было обещано грандиозное строительство на Алтае, Гребенщиков входит в зенит своей писательской славы. За ним – пять томов «Чураевых», роман «Былина о Микуле Буяновиче», публицистическая повесть «Гонец», даже целое книгоиздательство «Алатас», наконец, часовня Преподобного Сергия и сама Чураевка с ее обитателями и Общество сибиряков. Такие грандиозные достижения – всего лишь за семь лет жизни в Америке! Вся работа пропитана духом Сибири и Алтая. В прессе даже поговаривают о выдвижении писателя на Нобелевскую премию. 21 ноября 1931-го общественность Нью-Йорка устраивает юбилейный вечер Г.Д.Гребенщикова по случаю 25-летия его литературной деятельности. Организационный комитет включал более 40 членов со всех континентов (действительно, это не метафора, были представлены даже Африка и Австралия). Состоялся фейерверк успеха. Из Наггара пришла поздравительная телеграмма, и ее огласили под гром аплодисментов: «Шлем самые сердечные чувства к Вашему светлому литературному юбилею с пожеланиями восходящего будущего – Елена, Николай, Юрий, Святослав Рерих» [43]. На вечере был зачитан также адрес Н.К.Рериха «Привет Гребенщикову». От имени Музея выступила З.Г.Лихтман. Она приветствовала «сына Белухи», который «огласил сильным словом дары и чудесное будущее Сибири» [44].

В эти годы Гребенщиков полон свежих творческих замыслов. Он работает над новым романом «Всегда, ныне и присно». Прототипом главного героя является человек, возвращающийся с Востока с духовным богатством. И не просто из какой-нибудь абстрактной страны, но из азийского сердца – из Индии. Он намеревается «построить новую религию красоты духа и силы знаний». Новоявленный пророк чувствует себя частью Единого Бога, решая таким образом «задачи примирения Запада с Востоком» [45]. Несомненно в этом герое угадывается Н.К. Рерих. Себя же писатель помещает в другие свои романы – «Микула Буянович» и «Василий Чураев». На протяжении всей писательской биографии создаются варианты разных концовок. Вот один из них, «Финал Микулы»: «Да, Микулушка, на себя надейся. Надо раскачать М. Надо выпрямиться, знать. Надо строить всю жизнь заново. И в Новой Стране» [46].

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПИСЬМА Г.Д. И Т.Д. ГРЕБЕНЩИКОВЫХ КРУГУ В АМЕРИКЕ

1.

[Париж], 15 января 1924

Чудные Братья и Сестры мои!

Пока еще я не умею выразить своих сокровенных мыслей и переживаний на английском языке, хотя на этот раз рискнул нашему дивному Брату Логвану⁸ ответить по-английски, конечно, с грубыми ошибками. Но попутно, по повелению Духа мне хочется написать вам о прикосновении к священной вечной радости, которую мне дали Они, в Индии сущие, и которую поддерживаете Вы Вашей действенной любовью.

Прежде всего, порадитесь со мною. Все письма милого Брата я прочел сам, хотя и со словарем. Но Вы порадуется еще больше, когда я скажу Вам, что вообще от соприкосновения с Вами чудо растет на моих глазах и Красота всё разгорается. В разных незначительных фактах – сила Его, передаваемая через любовь Вашу к нам, становится все явственнее и благоднее. И письма приходят от Них и от Вас почти всегда в один и тот же день. Ровно 4-5 января, после долгих колебаний, мы решили печатать мою книгу «Микула

⁸ Луис Хорш, президент Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

Буянович», не имея от Вас одобрения, но чуя, что оно уже дано. И действительно: письмо Николая Константиновича от 23 декабря уже было в пути ко мне, а письмо милого Логвана от 4-го тоже было в океане. Значит, благословение дано в тот самый момент, как мы решились. Если же вспомнить своевременное появление мистера Крейна с его подкреплением в 100 долларов и еще не полученное известие о сроке нашего выезда отсюда – гармония событий так созвучна и красива, что не может быть никаких сомнений. И вот ваше вступление участниками в «Алатас» и чек на 300 долларов на печатание книги!.. Конечно же, не в долларах тут дело, а в самом письме родного и большого человека, настолько чуткого и тонкого и явно любящего, и в свете, который льется через Вас, что да!.., я пережил это со слезами, потому что «никакая фантазия не может сравниться с красотой самой жизни». Ведь это же не сочинение, а факт жизни: существуют в Индии, и за океаном, и в скромной Риге, и в грешном Париже люди – соединенные чудесным образом порывом к Духу-Благу. И мне, пишущему эпопею поисков всеобъединяющего Бога, – мне дается свет к этому благу, в поучение, меня ведет Ваша общая рука к наивысшей горе мира.

Милые мои! Я обещаю Вам быть достойным Вас в труде моем и порадовать дух Ваш образами, в создании которых Вы принимаете такое деятельное участие. Заметьте также, что вот сейчас я перерабатываю свою книгу для печати, и вся она усеяна теми новыми поправками – штрихами света Его, который льется на меня через Них – сущих в Индии, и через Вас, мои любимые! Поистине Вы присутствуете сейчас при явлении нового чуда – вот этого моего сознания, в котором я прозреваю Ваше дело и которое делает счастливейшей мою настоящую минуту, когда я говорю Вам это. И Вы, мой старший, милый и прекрасный Логван! – Вы не даром тратили столь малый досуг Ваш на все Ваши светлые и согревающие письма ко мне. Мне радостно быть у Вас в неоплатном долгу и радостно сознавать, что я расту, чтобы иметь духовное право быть с Вами рядом и нести чашу, мне порученную, не расплескивая, но преумножая ее содержимое.

Не хочется мне в этом письме касаться ничего житейского и делового. Пусть это будет небольшой литургиею моего сердца, полного любви к Ним, у подножия Гималаев творящим, и к Вам, несущим благодатный труд служения Единому.

Знаю, Вы поймете и всё то, что я не умел здесь выразить словами, и радость моя от этого еще более разгорается. Ибо слова становятся недостаточно сильными, чтобы выразить ту красоту переживания, которую Вы поднимаете со дна души моей – Вашей любовью. Пусть же эта весть, независимо от вопросов нашего отъезда в Америку, будет Им и Вам новым зерном новой радости, которую Вы так чудесно лелеете в сердцах Ваших и бросаете на свежеспаханное поле человеческих падений, страданий и поисков Лучшего.

В духе и служении с Вами,

Тарухан

2.

14 апреля 1924

Дорогие, Родные, Светлые! Круг Единый!

Беру перо и пишу эти строки с особенной нежностью и грустью. Вдалеке чаще всё бывает мило и в дымке поэзии. Вблизи часто поэзия переходит в прозу. С грустью допускаю, что, может быть, наш приезд не даст Вам того настроения, какое давали мы по письмам и ласковым отзывам Их, на Гималаях творящих. Но еще и еще раз примите нас, какие мы есть, учитывая больше недостатков, нежели достоинств. Знайте: говорю это не для кокетства, а побуждаемый какой-то ненасытной любовью к Вам. Не жду никаких манн небесных в Америке, но мускулисто готов к труду, сладостному действию любви моей к Вам и к Ним, Учителям нашим, ведомым всевластной рукой Верховного Вождя. Не рисую себе праздников, никаких наград не жду и искренно несу в сердце своем чистое бескорыстное желание быть всем Вам хоть чем-либо полезным. Строго думал и улыбался радостно тому, если бы пришлось служить в Школе или в Музее, например, сторожем. Не делайте поспешного вывода, не сочтите это за рисовку или излишнюю скромность, но почувствуйте всю силу готовности моего пострига Ордену, которому Вы служите. Так верю в Вас. Так укрепите веру мою.

Знаю: будут разрывы с людьми, мне ранее близкими. Знаю: будут хулы и клеветы на меня, обвинения в измене русскому народу, порицания за «жидо-масонство». Всего жду, на всё готов. Верю в веру Вашу и в пути Ваши ко благу всеобщему и в том числе к истинному благу и моего народа, в сторону которого, как бы ни был он грешен и плох в години его испытания, не обращу меча, не подниму руки сыновней. Знайте также – духовность моя шла своим путем почти с колыбели, и помню юные дни, и помню дни зрелые, когда один в поле становился на колени и молился Неведомому, к которому прихожу теперь вместе с Вами. Значит, не считайте меня новичком маловерным, но порадитесь, что мы дошли до перекрестка путей наших столь благовременно.

И еще хочу повторить Вам с этого берега, что через Вас вижу иным тот берег, благодаря Вам заранее люблю весь народ американский и всю страну Вашу и несу им в сердце своем лучшие цветы разума моего и чувств моих.

Письмо это, вероятно, последнее отсюда, так как остается 8 дней до выезда. Хочу немногими словами сказать в нем многое и чую, что оцените эти строгие строки по справедливости.

Не потому только пишу так, что только что принял многое из божественной мудрости Николая Константиновича и Елены Ивановны – из их невыразимо дивных писем с Гималаев, но и по велению сердца своего, и разума, и совести, и чувств – кричу Вам с этого берега: услышите любовь мою к Вам как к носителям святого устремления, как к апостолам гармонии и красоты, в Духе сущей и нетленной.

И будем трезво ждать всех испытаний, до смерти телесной включительно. Просьба жаркая: если бы мне не удалось почему-либо доехать до Вас благополучно, поручаю Вашим заботам труды мои, и сына – нетрепетно умру, веря в Вас. Но верю, что жив и здоров ровно через 15 дней буду всех Вас братски обнимать и удивляться чуду содеянному.

Ждем и мелких неприятностей на берегу, в таможне и т.д., но улыбаемся им, как ступеням ко Храму.

Знайте, как я мечтаю молиться в Храме-Музее Вашем. Знайте, что через поступки Ваши, через слова в письмах Ваших, через неуловимое и недосказанное вижу, чую, люблю восхищенно и строго-молчаливо жду утверждения своего в звене рядом с Вами. Слава и любовь Вам многая и радость неомрачимая! Оба мы благоговейно обнимаем всех Вас до скорого свидания!

Не найду больше слов для выражения моих настроений, сегодня особенно глубоких, в связи с думами о Вас и о Них – на Гималаях. От Них уже получена благословляющая в путь телеграмма, и уложены сундуки. Но еще не кончен труд во славу Его, и 20 апреля будет моя прощальная здесь проповедь, и сюита Морей, и чтение Ремизова, и радостные хлопоты сестер Ваших младших и новых. В этой последней строке всё напряжение воли и устремления к Вам.

В служении Ваш,

Тарухан

3.

30 апреля 1924

Милые, невыразимо дорогие Все!

Пользуюсь случаем письменно сказать Вам, что вчерашний вечер, проведенный вместе с Вами всеми под кровлею Храма, – был для меня этапом неизреченного причастия к духу Светлого Учителя, и отныне я чувствую себя частицей той общей Души, которую Вы все собою являете.

Я уже полон светлыми мыслями, которые должен выразить на бумаге. И уже считаю минуты, когда смогу быть утвержден на работу около Вас.

Матушка наша спешит, но я просил ее подождать, пока напишу это, ибо только после 2-х часов увижу вас, а увидевши не смогу сказать всего, что чувствую. А чувствую потребность просить Вас послать телеграмму Им, на Гималаи, приблизительно следующего содержания: «Тарухан радостно преклонил колени у ступеней Храма».

С Вами отныне и навсегда,

Тарухан

4.

2 августа 1925

Родные мои и любимые!

Хотя мы Вам обычно пишем вместе, но на этот раз мне хочется и самой еще прибавить, что все время живу мыслями с Вами.

Занята обычно целые дни, переписываю, готовлю, собираю грибы и ягоды, которые растут вокруг нашего домика, и постоянно радостно думаю о том, что какое счастье ждать встречи с Вами, собираться вместе и все чаще, чаще быть всем вместе. А там – при большом свете вечером иногда быть в нашем Храме на особых наших праздниках или же собираться в чайной и наскоро перекинуться ласковым словом. А потом слышать четкие шаги Радны и ее звучный голос – она идет к нам в офис и несет письма от Них...

Думаю и немножечко пугаюсь мысли, что, может быть, придется расстаться на целый год, если нам придется ехать в Европу. А потом, когда вспомню, что ведь поедем для общих дел, для практического укрепления нашей взаимной любви, – радуюсь всему, что надо делать для Сибири и Алтая.

А теперь расскажу Вам сон, который я видела в ночь на 27 июля. Радна⁹ куда-то нас всех торопила и одевалась. Софья Михайловна¹⁰ уже стояла одетая в светло-серое, с молочным оттенком платье и такое же пальто. И все мы, сестры, в таких же пальто и платьях, одинаковы. Потом мы очутились в небольшом храме и стали все молиться по случаю 500-летия со дня рождения дедушки Радны, и Радна молилась очень громко, как никогда прозрачно и напевно звучал ее голос, и произносила она имя своего деда: Авва-Мариа, с ударением на «а» в первых слогах, и «и» произносилось как мягкий знак и как «и» краткое, а последнее «а» именно не как «я», а как круглое, напевное «а».

И вдруг Тарухан встал на колени и также очень громко, как бы дуэтом с Радной, стал повторять:

– Да, да, да! Я Его вижу, я вижу лицо Его. Авва-Мариа!

От этого звучного дуэта я проснулась и как продолжение сна вижу видение: Софья Михайловна громко и быстро повторяет слово «поэмпинг» и восклицает еще более поспешно: «Скоро, скоро, скоро».

Слово «поэмпинг» мы не нашли в словаре, но соседский мальчик девяти лет объяснил нам, что это может быть «писать поэму». Слово «Авва» – по-древнегречески означает Учитель. Этим словом, между прочим, архимандрит Никон в своей книге о Св. Сергии часто называет Сергия. Так что Дедушка Радны оказывается сам Учитель. Слово же Марийа, быть может, то же имя Мории, немножко иначе произносившееся 500 лет назад.

Теперь вы можете себе представить, какая радость для меня написать вам это письмо и закончить: снова с Вами и навсегда.

Сестра Ваша,

Нару

5.

5 сентября 1925

Родные и любимые!

Только что кончили нашу беседу и чтение. Сегодня было все особенно значительно.

---

⁹ Зинаида Лихтман.

¹⁰ Софья Михайловна Шафран (мать Зинаиды Лихтман).

Еще вчера Нару¹¹ видела сразу три дивных сновидения, и во всех был Николай Константинович. А сегодня мы видели оба, что он приехал в Америку. Я видел Его и Елену Ивановну, и Порумочку¹². Сегодня мы как бы погрузились в купель радости от близости к Вам и к делам нашего Храма. И почувствовали себя воинами на бессменной страже. Как это красиво, когда чувствуешь в себе силу единения и крылья готовности, и истинное бесстрашие идти, куда Он прикажет.

Родные, мы пишем Вам это письмо как наш привет по случаю Вашего возвращения в Нью-Йорк, так как мы приедем чуточку позже. Мне так хочется побольше написать и отделать книги. Работаем мы непрерывно. Я даже заставляю себя немножко отрываться, так как мучает бессонница и головные боли. Все хочется сделать как можно сжатеe и лучше. Предисловие, например, переписывал буквально раз десять. Над предисловием к первому тому «Чураевых» работал, с перерывами, между делами, несколько недель и наконец из 3-х страниц сделал одну. К Вашему приезду посылаем Вам первые части книги для прочтения. Необходимо для прочтения и обсуждения привлечь Светика¹³. Я очень ценю его знания и чуткость. Он может сделать очень полезные замечания.

Вы помните, конечно же, это: «Ручьи радости наполняют океан мысли Создателя». Сегодня это с особой теплотой проникло в мое сознание. Действительно, Он черпает из этого океана, чтобы давать, ибо Его вся благодать в том, чтобы давать, лишь надо открыть сердца и помыслы. Он богат несметно, и нива Его безгранична, но мы должны принести на эту ниву только зернышко, чтобы участвовать в цветении Его радости. Мы принесем и посеем одно зерно, а Он возвращает его нам целой горстью колосьев. Поистине, какая радость приносить, и какое счастье, что, например, мне дана возможность в своей новой книге принести свое зерно на Его ниву.

Родные и милые! Вы, конечно, понимаете, как обрадовали меня новые глубокие и чуткие письма Порумочки и Радны по поводу моей книги. Мы с Нару горим и тревожимся, как бы не разочаровать всех Вас. Как бы вышло всё и просто, и убедительно, и красиво, и вместе с тем – деловито. Задача очень, очень трудная, но радостная и прекрасная.

Шлем Вам нашу братскую нежность, благословения и любовь.

С Вами всегда и навсегда,

Тарухан и Нару

Родные!

Прилагаю текст моего предисловия к первому тому, над которым работал очень долго. Если есть серьезные возражения – напишите мне, еще успею исправить.

Одновременно пишем Светику – не сделает ли он для первого тома с меня набросок углем. Это было бы и для нас, и для имени Светика очень хорошо. Поговорите с ним на эту тему.

6.

10 января 1931

Родной и любимый брат наш Авирах!¹⁴

Пишем Вам всем вместе, ибо не имеем никакой возможности написать отдельно каждому.

13 января вечером намечено у нас освещение почти законченного нового Терема для «Алатаса», и хотелось бы нам, чтобы все Вы в этот вечер были с нами. Ночью в этот вечер наступит Новый Русский 1931 год – год новой эры и год, который для всех нас с Вами означает очень многое. Мы, носители заветов нашего Учителя, остро чувствуем всю важность и ответственность нашей работы, и нам хотелось бы, чтоб кто-нибудь из Вас присутствовал на нашем скромном торжестве, когда в духе и в действии рождается Радонега и воистину строится Звенигород. Слишком много мелкой суеты отягощает нашу жизнь, и очень печально, что для важных встреч у нас мало времени. А так хочется почаще и

¹¹ Татьяна Денисовна Гребенщикова.

¹² Нетти Хорш, жена Луиса Хорша.

¹³ Святослав Рерих.

¹⁴ Морис Лихтман, первый муж Зинаиды Лихтман (Фосдик).

побольше быть вместе и вместе растить силу духа и радость света. Мы за эти месяцы превзошли в своем действенном напряжении многие годы труда, и нам хотелось бы, чтобы кто-нибудь из Вас посвидетельствовал нашему Отцу о нашем труде и устремлении. Может быть, мы слишком одержимые и юродивые, но мы неизменно верны нашим идеалам, и если всеми близкими и далекими будем брошены или забыты, мы все-таки пойдем туда же, по пути, единожды указанному Возлюбленным и Благословенным.

С любовью ко всем Вам,

Ваш брат Ермак

Зинаида Лихтман

АДРЕС Г.Д.ГРЕБЕНЩИКОВУ ПО СЛУЧАЮ 25-ЛЕТИЯ ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Великое сердце – это магнит, к которому тянутся светлые сердца путников, ищущих красоту и радость служения. Такое великое сердце творца нашего Музея Н.К.Рериха ответило на зов Георгия Дмитриевича Гребенщикова, и в 1923 году в Париже произошла их первая встреча. Эта встреча создала ряд чудесных вех, и о них именно мне хочется сказать несколько слов.

В 1924 году Георгий Дмитриевич приехал сюда по совету Николая Константиновича и присоединил свои помыслы и творчество к работе сотрудников нашего Музея. Вскоре последовало основание им «Алатаса». В ряду книг, вышедших из-под пера нашего любимого писателя, эпопея «Чураевы» – странствование духа человеческого в поисках наивысшего закона Красоты и Блага – нам всем известна и близка. Певец Алтая – Гребенщикова может мыслить и звучать лишь струнами наиболее прекрасными и победными. В 1929 году, в чудесную пору, когда Николай Константинович был с нами, приехал освятить теперешнее здание Музея, Георгий Дмитриевич при участии Рериха и друзей сибиряков и представителей русской культуры в Нью-Йорке основал Сибирское Общество при Музее. Он огласил сильным словом дары и чудесное будущее Сибири, взрастившей его, сына Белухи и великих рек и просторов. Построение им Часовни Преподобного Сергия, великого подвижника культуры ранней России, показало нам еще раз силу его духа и подвига на пути Света.

Сегодня, празднуя 25-летие его творческой деятельности, мы отдаем дань большому любимому писателю и нашему сотруднику по духу и мысли. Только сердце может говорить в такие моменты, ибо это голос всепроникающий. И не могу найти слов, более ярко выражающих дань юбиляру, нежели слова Н.К.Рериха, создателя этих учреждений, в стенах которых мы находимся, обращенные к Георгию Дмитриевичу в привет с Гималаев.

ПРИВЕТ ГРЕБЕНЩИКОВУ

Особо высока радость отмечать славные путевые вехи близких. Вы знаете доподлинно, как боролся он, как неустрашимо и неудержимо ковал он оружие своего подвига. Вы знаете, с какими, казалось бы, непобедимыми препятствиями встречался он и как одолевал он их растущей силою своего духа. Вы свидетельствуете, как от частных он обращался к благословенному синтезу. И вы убеждаетесь в том, какая благая сила, осветляющая и воздвигающая, вела его на гору.

Когда оборачиваешься на жизненную битву Георгия Гребенщикова, почему-то всегда вспоминается, что на стяге Богатыря Ермака был Георгий. Под этим всепобедным символом Ермак совершал подвиги, приводящие в изумление многие поколения. Вспоминается также и то, что рукоположенником этого строительства был Сам Преподобный Святой Сергий. Собственноручно Он в непреклонном знании дал первую часовню, которая выросла в светоносную Лавру и стала по всему миру могучей Твердыней, бесчисленные обители которой стоят на страже истинно духовной культуры. Не к уютному успокоению зовет суровое творчество Гребенщикова. В самом имени этом есть что-то твердое и возвышающее. Вы вспоминаете не о простом гребне, но о гребне океанской волны, в котором трепещут

даже могучие суда.

Многообразно творчество Гребенщикова, как многообразна сама Сибирь, верным сыном которой он пребудет в сердце своем. Величественны горы и дали Гребенщикова, и цветны они в искрах пера его, так же как многоцветны луга Алтая и самоцветны камни его высот.

Герои Гребенщикова всегда ищут и стремятся к строению. Большие их думы. Велика дума и самого создателя этих образов. Он тоже строит. Строит неустанно, упорно и, в конце концов, всегда успешно. Для него и для его верной спутницы Татьяны Денисовны каждая невзгода есть лишь гром в горах, после которого солнце светит особенно ярко.

И еще есть особая радость приветствовать Гребенщикова после четверти века творчества. Мы знаем, что он не остановится. А в этом поступательном творческом труде, в непрестанном строительстве отражается вечный завет нашего высокого Водителя и Хранителя Преподобного Сергия. Принявшие этот мудрый завет познают и свет. Радость есть особая мудрость. Мудрость светлых заветов ведет к истинной радости духа. Во имя этой радости, с белоснежных вершин Гималаев горячо обнимаю славного Георгия и шлю ему всю радость труда и успеха светлого строительства.

Николай Рерих

Гималаи, февраль 1931

Nicholas Roerich Museum, New York. Автограф. Машинопись.

Н.К.Рерих. Великий Всадник. 1927

ВЕЛИКИЙ ПЛАН: ВЕХИ ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

I

В день осеннего равноденствия, 22 сентября 1924 года, Н.К.Рерих покинул Дарджилинг и отправился морем в Европу. Глядя со стороны, эта внезапная поездка казалась странной. Вся семья девять месяцев как находилась в Индии, и предэкспедиционных дел было предостаточно. Только чрезвычайные обстоятельства могли толкнуть на срочный отъезд. Судя по дневнику З.Г.Фосдик (Лихтман), известие о скором свидании с Рерихом, полученное американскими сотрудниками в июле, стало полной неожиданностью для всех. Георгий Гребенщиков отмечал о прибытии Учителя в своей летописи: «В конце октября на короткое время и тайно будет здесь Сам» [1]. Хочется обратить внимание на слово «тайно». Значит, к такому решению располагали соответствующие обстоятельства.

Действительно, 24 октября Рерих прибыл в Нью-Йорк на «Аквитании». В первый же день по приезде Николай Константинович сообщил Кругу, что на обратном пути должен заехать в Берлин и Париж. Там он встретится с коммунистическими вождями – Л.Б.Красиным, Н.Н. Крестинским, Г.А.Астаховым. И кроме того, ему необходимо «достать концессии на земли в Алтае» [2, с. 129]. (Предполагалось начать разработку полезных ископаемых и освоение хозяйственных угодий). Все эти намерения имели свою внутреннюю правдивую логику. Ибо в той же самой беседе было заявлено о Плана будущего строительства в Сибири, в окрестностях горы Белухи. «7000 футов вышины будет построен Храм, а город – в долине. На 11000 футов вышины будет место Встречи» [там же].

Что же это за таинственные отметки высот и соответствующие им строения?.. В последние годы появились публикации, которые могут объяснить довольно скупые фразы дневника З.Г. Фосдик. Записи Е.И.Рерих содержат более подробные сведения об алтайском проекте [3]. Речь идет о Храме Единой религии у основания Белухи, недалеко от Ак-кемского озера, которое образовано потоками, стекающими с ледяной горы.

(Кстати, район озера Ак-кем и река с одноименным названием сегодня являются своеобразной меккой, местом паломничества для последователей учения Агни-йоги. К тому же и «Ак-кем» в обратном прочтении оборачивается как «мекка»). Город «Новой эпохи» – это тот самый Звенигород, упомянутый Рерихами еще до поездки в Индию. Однако точное место его будущего расположения тогда не было известно. Только после встречи Николая Константиновича с Гребенщиковым и долгих консультаций по картам Алтая выяснилось, что наиболее подходящей для поселения служит Усть-Коксинская долина и особенно местность около села Котанда, где река Ак-кем впадает в Катунь. А «место Встреч» связано с получением наставлений и с иеровдохновением, которым преисполняются служители Храма.

Постепенно стали проясняться некоторые детали Плана, имеющего отношение к «Новой Стране». Рерих ведет разговоры со своими сотрудниками в Музее. Самое важное, наравне с манифестацией идеи о приходе в Россию грядущего Мессии, убедить народные массы, что в будущем их ожидает хорошая жизнь в «Новой Стране при кооперативе». Поразительно и другое – высказана мировоззренческая установка, которая опрокидывала старые взгляды: «Дела должны быть с большевиками» [4, с. 206]. Николай Константинович находит политически верный мотив: «Будда строил коммунистические общежития, а Христос проповедовал коммунистический строй» [там же]. В несколько лет курс на поддержку белогвардейцев сменился на противоположный. Из откровенного врага Советов Рерих превратился в большого друга Москвы.

Биография Рерихов полна историческими метаморфозами. В 1919 году Николай Константинович состоял секретарем Комитета Скандинавского общества помощи Российскому воину. Этот Комитет финансировал Белую армию, точнее, русские армейские части, рассеянные в Финляндии. Его решением (за подписью Рериха) в мае 19-го была ассигнована сумма в 15 тысяч финских марок вождю антибольшевистского движения на

северо-западе генералу Юденичу [5], занятому подготовкой военного похода на Петроград. Оказавшись летом того же года в Лондоне, художник вступил в Русско-Британское Братство, созданное вскоре после Февральской революции 1917-го, почетным президентом которого являлся Ллойд Джордж. Н.К.Рерих значился в списках Братства под номером 36 (всего 150 членов). В течение полутора лет он жил в Англии, готовился к поездке в Индию и... «занимался пропагандистской деятельностью в поддержку интервенции» [6]. Так, 22 июля 1919 года состоялось его выступление с докладом «Русский вопрос в Финляндии и Швеции». На основе Братства образовался Русско-Британский Комитет помощи беженцам. При нем работала женская секция из жен членов Братства, которая сосредоточилась на благотворительной деятельности, на сборе пожертвований для русских эмигрантов и отсылке одежды и медикаментов солдатам Белых армий на севере России. Активной участницей женской секции являлась Е.И.Рерих [там же]. По-видимому, именно эти патриотические настроения подвинули Елену Ивановну (даже в конце 1921 года, когда последние рубежи белого сопротивления пали на Дальнем Востоке) к раздумьям, не принять ли ее сыну Юрию участие в Добровольческом движении [7]. По утверждению востоковеда Денисона Росса, учителя молодого Рериха по Кембриджу, в его «антибольшевистских настроениях не могло быть никаких сомнений» [8].

Сотрудники нью-йоркского Музея. Слева направо, стоят:
Л.Хорш, С.М.Шафран, С.Н.Рерих, М.М.Лихтман, Т.Д. и Г.Д.Гребенчиковы;
сидят: Э.Лихтман, З.Г.Лихтман, Н.К.Рерих, Н.Хорш, Ф.Грант

Яркая антибольшевистская страница в жизни Рериха-старшего вписана благодаря дружбе с Леонидом Андреевым. Николай Константинович оказался напрямую причастным к написанию знаменитой статьи Андреева «S.O.S.», опубликованной во многих странах Запада отдельной брошюрой. В ней содержался страстный призыв к бывшим союзникам России спасти ее от большевиков. Предшествовали этой статье встречи друзей, с осени 1918-го Рерих активно поощрял желание писателя «вернуться к творческой и публицистической

деятельности и, в частности, возобновить начатую им еще в 1917 статьями в "Русской Воле" пропагандистскую борьбу с большевиками» [9]. (В этот период Андреев работает также над романом «Дневник Сатаны», в котором отпечатался кровавый след русской революции). В феврале 1919-го Рерих сделал несколько эскизов к обложке брошюры. Художник предложил «Всадника помощи», что вполне соответствовало названию «S.O.S.» (Спасите наши души), и «Град обреченный», но писатель остановился на рисунке «Меч мужества». Скандинавский Комитет наметил, с подачи Рериха, 10 тысяч марок на «первое издание» андреевской книжки. Через два года Николай Константинович, оценивая посмертно роль Леонида Андреева как писателя, в статье, посвященной его памяти, подчеркивал, что он горел священной мыслью «раскрыть человечеству весь ужас большевизма» [10].

Казалось, такая неприязнь к Советской власти сохранится на века. Прошло еще несколько лет, и всё совершенно изменилось. В Дарджилинге в мае 1924-го Е.И.Рерих записала в свой дневник, что ее мужу и сыну Юрию предстоит отправиться в Москву на переговоры с коммунистами. Итак, Рерих поворачивается лицом к Красной Москве. Неожиданно для него самого большевики оказываются в разряде идеологических союзников. «Всё переменилось – с нами Ленин» [11].

Самое решающее событие после приезда Рериха в Америку произошло 29 октября 1924 года. Его значение для развития Мирового плана крайне велико. Рерих встретился с Дмитрием Николаевичем Бородиным-Полтавским. (Сотрудница Музея Фрэнсис Грант, в записях, сделанных на склоне лет, назвала Бородина, видимо, по ошибке или с сарказмом, Григорием). Человек незаурядный, Бородин имел явно пробольшевистские взгляды и «получал инструкции» из Москвы [2, с. 278]. Будучи агрономом-энтомологом, он в 1918 году прибыл в США «по заданию Советского правительства» и через несколько лет стал заведующим «Русским сельскохозяйственным бюро в Америке», открытым Наркомземом по рекомендации Н.И.Вавилова. Целью этого бюро, или агентства, являлось установление «постоянных сношений с американскими опытными учреждениями» [12]. Оно занималось сбором образцов растений и семян, а также научной литературы для российских опытных учреждений. Может быть, даже вело в Соединенных Штатах сбор сведений иного рода, о чем догадывались сотрудники Рериховского музея в Нью-Йорке. Руководитель бюро имел обильные политические контакты с правителями Советской России.

Встреча Бородина и Рериха была намечена специально, чтобы обсудить выбор мест на Алтае под концессию. Разговор состоялся обнадеживающий – подготовлены проекты писем в Москву. Фактически в этот день «заложен первый камень основания "Белухи"» [2, с. 141], то есть Рерих принял решение об учреждении акционерного общества. Сразу же пригласили юриста, и начались переговоры о подготовке учредительных документов и о процедуре выпуска акций. Через десять дней, 9 ноября Бородин нанес ответный визит в Музей. К его посещению был составлен список участников «Белухи», всего 17 человек. Свидание длилось больше часа, и гость напоследок сказал, что Николай Константинович «сделает важную работу в Азии» [4, с. 221]. Ставка на акционерное общество предполагалась большая. К 1927 году путем продажи акций надеялись собрать один миллион долларов. Такой капитал был бы вполне достаточным для начала изысканий на Алтае по разведке полезных ископаемых. Одновременно сотрудники Музея предприняли шаги, чтобы приблизиться к крупным магнатам Форду и Рокфеллеру (17 ноября 1924 года Рерих вместе с Хоршами даже посетил заводы Форда, когда ездил в Чикаго). Кроме того, искались подходы и к президенту Соединенных Штатов, так как по сведениям Бородина «Гувер интересуется Алтаем» [4, с. 234].

В ноябре контакты с Бородиным продолжились и даже усилились. От имени Рериха бумажные дела стал вести Морис Лихтман. Его Николай Константинович пригласил в поездку, как сопровождающего до самого Берлина, чтобы он лично мог привезти в Америку все сведения о переговорах и скорректированные планы на будущее. 23 ноября в Музее состоялось открытие «Зала Елены Рерих», в котором были представлены картины, привезенные из Дарджилинга. В Индии художник начал новую серию полотен «Его Страна». Это как бы утверждение идеи Великого плана в живописи. (А следующая серия, задуманная на подступах к Хотану в 1925-м, называлась «Майтрейя»). На торжественной церемонии

присутствовал Бородин и отметил «историческую важность» путешествия Рериха в Тибет. Через день в офисе у Бородина еще одна деловая встреча, на которой обсуждаются детали поездки в Париж и Берлин. А затем в начале декабря – снова беседа, где вопросы концессий вдруг отошли на второй план, причем сделано это было по инициативе эмиссара Москвы. Вперед выступила личность самого Рериха и проблема «единения Азии» [4, с. 240]. Большевики нуждались в «общем решении» политической ситуации на Востоке. И фигура русского художника, которого к тому времени уже поддержали тибетские ламы, была очень подходящей для экспорта «красных идей» и революционных сдвигов на азиатском континенте.

Перед самым отъездом Рериха в Европу, 7 декабря Бородин пришел прощаться в Музей и долго говорил, давая последние «указания». Он сказал Николаю Константиновичу, что «главное для них – это объединение Азии». Имелись в виду большевики. Состоялся крайне важный диалог Рериха и Бородина. Вот как передает этот диалог в своем дневнике З.Г.Фосдик: «Н.К. его спрашивает: а знает ли он, что объединение Азии может идти через религию? Он ответил, что знает. А знает ли он, что это можно осуществить именем Будды? Он согласился. А будут ли с этим согласны и в Париже? Б[ородин] ответил, что там они не глупы. И так пришли к полному взаимопониманию» [2, с. 219]. На прощание гость пообещал, что еще до отъезда Рериха он пришлет ему «особое письмо» [там же]. Остается только гадать, какое письмо может считаться особым. Разве что охранный грамота от большевиков...

Всё-таки, помимо глобальных вопросов, Рерих не упускал продвижения дел с концессиями. У него на этот счет имелись свои Указания. В канун отплытия, 9 декабря состоялось первое официальное заседание акционерного общества «Белуха». Кроме организационных забот, упор был сделан на деятельность книгоиздательства. «"Алатас" – для "Белухи"» [2, с. 192]. Решено, что Гребенщиков напишет книгу об Алтае «Жемчужина Сибири». Это укрепит идейную сторону всего проекта. В вопросе распределения акций не обошлось без казусов. Рерих предполагал часть акций «Белухи» передать А.М.Ремизову. Писатель как раз предложил издательству свою новую книгу «Клятвенный Камень», где по-своему оригинально излагал легенду о черном аэролите. Но в день заседания В.В.Завадский рассказал, что жена Ремизова в Париже ходит и повсюду передает, будто «Николай Константинович собирается строить Белый Храм на Алтае» [2, с. 224]. Акции Ремизову, конечно, были отставлены.

Официально корпорация «Белуха» утверждена 17 ноября 1924 года. В Музее Рериха в Нью-Йорке по сей день сохраняется учредительный сертификат, в котором отражены основные цели и задачи корпорации. В документе заложен очень широкий спектр деятельности – от научных изысканий, разработки полезных ископаемых, строительства, покупки недвижимости и земли до самых разнообразных форм бизнеса и операций с капиталом любого вида [13]. В общем «Белуха» охватывала всё шире широкого, но основная активность предполагалась в Сибири и на Алтае. Во главе ее стали семь директоров – помимо Н.К. и Е.И. Рерих, сотрудники Музея Ф.Р.Грант, супруги Хорши и Лихтманы. (Для знатока Алтая Гребенщикова директорского места не нашлось). Решено было сразу же пустить в оборот 30 тысяч акций, без указания номинальной стоимости, которые соответствовали бы размеру акционерного капитала и подтверждались бы ценными бумагами [14]. Совет директоров предложил распространение акций начать через издательство «Алатас».

10 декабря 1924 года Рерих отплыл в Европу и через две недели был в столице Германии. Берлин оказался узлом исторических событий. Отсюда начинает разворачиваться Мировой план и окончательно определяются пути экспедиции в Центральную Азию. 24 декабря художник обратился в советское представительство, и сразу же устроилась встреча с полпредом Н.Н.Крестинским. Рерих сообщил, что в Берлине проездом (это была тактическая хитрость), что спешит подготовить и осуществить свою экспедицию в Азию, по маршруту Лех–Хотан, и просит покровительства российских дипломатических представителей на Востоке, хотя сама экспедиция и организована американскими учреждениями. Он высказал готовность передать в распоряжение Советского государства все материалы, которые

соберет во время путешествия.

Рерих поделился с Крестинским опытом своего пребывания в Дарджилинге, на границе с Тибетом, контролируемой британскими колониальными войсками. Видимо, он хорошо усвоил уроки Бородина, поскольку сделал упор на расстановку политических сил в этом регионе и распространение «передовых идей» на Востоке. По просьбе самого Николая Константиновича была записана стенограмма его рассказа о методах проникновения англичан в Тибет. Для этого пригласили специального сотрудника полпредства.

«Оккупация Тибета англичанами продолжается непрерывно и систематически. Английские войска просачиваются небольшими кучками, отделяясь под каким-нибудь предлогом от проходящих вблизи границы частей, например, от экспедиционных отрядов, идущих на Эверест. Весь процесс оккупации производится с максимальной тактичностью и при учете настроения населения. В Тибете англичане ведут усиленную пропаганду против СССР, эксплуатируя невежество и раздувая нелепые слухи об антирелигиозной деятельности большевиков, о якобы жестоком преследовании ими национальных меньшинств в Туркестане» [15].

Также было сказано, что Тибет насыщен пророчествами о грядущих событиях, которые в ближайшие годы произведут коренной перелом в жизни Азии. «Спасение представляется идущим с севера, намечаются даже даты: 1928-1931 годы. Тибетские ламы и гималайские Махатмы проповедуют тождество идей коммунизма с учением Будды» [там же]. Крестинскому, весьма далекому от религиозных сентенций, оказалось сложно вести беседу на духовные темы. И он передал Рериха на попечение Г.А.Астахова, референта полпредства по восточным странам. Именно Астахов теперь выдвигается главным передаточным звеном в сотрудничестве с Советами. А представителем Рериха становится Шибаяев, который специально приехал из Риги на встречу в Берлин, прихватив с собой и полковника Кордашевского.

Н.К.Рерих и В.А.Шибаяев на пути в Индию. У египетских пирамид (на переднем плане, на верблюдах). 1925

В советском полпредстве Николай Константинович высказал пожелание, чтобы запись его сообщения о Тибете была направлена в Москву наркому иностранных дел Г.В.Чичерину. Расчет делался на то, что Рерих и Чичерин лично знали друг друга со времени учебы на юридическом факультете Петербургского университета. Крестинский сопроводил стенограмму следующим письмом:

«Тов. Чичерину. Берлин, 2 января 1925 г.

Многоуважаемый Георгий Васильевич, дней десять тому назад был у меня художник Рерих. С 18-го года¹⁵ он живет в Америке, а весь прошлый год прожил с семьей на границе Индии и Тибета, куда его командировала для писания картин одна американская художественная корпорация. Сейчас, пробыв недолго в Америке и Европе, Рерих снова на целый год уезжает на север Индии, уже в другое место. Настроен он совершенно советски и как-то буддийско-коммунистически. С индусами, и особенно с тибетцами, с которыми объясняется при помощи сына, знающего 28 азиатских наречий, у него, по его словам, очень хорошие отношения. Он осторожно агитирует там за Совроссию, обещает через своих американских корреспондентов (Лихтмана и Бородина) присылать нам оттуда информацию. Более подробно говорил с ним по моей просьбе тов. Астахов, так как мне было, конечно, трудно судить, насколько ценны и верны его азиатские впечатления. По просьбе Рериха сообщаю Вам об его посещении и пересылаю оставленные им мне, к сожалению, не азиатские, а американские книги о нем. С товарищеским приветом, Н.Крестинский» [16].

Таким образом отношения Н.К.Рериха с большевиками были установлены. Далее в Париже предполагались переговоры в Концессионном комитете, с полпредом Л.Б.Красиным. Состоялись встречи или нет, точно не известно. Но видимо, состоялись, так как позже указывалось на личное знакомство с Красиным. Во Франции Николай Константинович задержался недолго, график его передвижения был нарушен из-за опоздания нью-йоркского парохода вследствие плохих погодных условий.

28 декабря Рерих и Шибаев отплыли в Индию. По дороге в Сикким в январе 1925 года они посетили Теософское общество в Адьяре. И наконец добрались до Дарджилинга, где их поджидали Елена Ивановна с сыном Юрием. Шибаев пробыл в Британской Индии более месяца, гостил у Рерихов и устанавливал торговые связи по линии «Мировой Службы». На обратном пути Владимир Анатольевич уже был при исполнении особой миссии. Он получил от Рериха задание передать Астахову некоторые документы и личное письмо от Дордже. Интересно, что в обширной сохранившейся переписке Шибаева с Индией этого периода единственно берлинское письмо отсутствует, хотя доподлинно известно о его отправке. Здесь начинаются сплошные загадки и недоговоренности. Например, отныне Н.К.Рерих для советских представителей в Берлине и московских коммунистов фигурирует только под именами «Дордже» или «Ак-Дордже». Это даже не имя, а духовный статус, относящийся к последователям Будды.

Вообще история с именами сотрудников рериховских учреждений и коммунистических вождей довольно интригующая. Рерихи разработали целую систему кодовых обозначений, чтобы уберечься от цензуры и случайно любопытствующих глаз. Только благодаря «шифровальному» листку, чудом сохранившемуся в архиве советского консула А.Е.Быстрова, удалось понять, кто за кем стоит. С марта 1925-го, как уже упоминалось, Н.К.Рерих стал Дордже (Ак-Дордже) и Николай Белый, Бородин – дядя Боря, Красин – Епископ, Астахов – тетя Ганза, Крестинский – тетя Анна (позже «тетей Аней» стал также Бородин). А накануне приезда Рериха в Москву в 1926-м имена получила и советская партийная верхушка: Сталин – Крепышев, Рыков – Заикин, Луначарский – Лорме и т.д. Москва превратилась в Мичиган, Монголия – в Мексику, Тибет – в Тамбов, Алтай – в Аляску или просто в А. Позже, в 30-е годы появилось обескураживающее современных исследователей название «Канзас». И вслед за ним – Канзас Сити, Канзас Скул и пр. Во всяком случае, по кодам ясно, что Канзас это не Монголия, может быть, только часть Монголии.

---

¹⁵ Крестинский ошибся, Рерих приехал в США осенью 1920 года.

Этислон -	Красинов.	Он -	Будда.
Мейн Ганза -	Астанов.		
Мичиган -	Москва.	орта -	Урга
Седь Торгиз -	Тюфодин.	Занкин -	Ряков
Чемберс -	Чиченуов.		
Мексика -	Монголия.		
Казань -	Кобдо.		
Ташбов -	Тибет.		
Красное село -	Эрчи.		
Равингар -	Яновский.		
Аляска -	Антай.		
Куширия -	Китай.		
Лорие,	Лунь.		
Белый	Н.К. Рерих		
Генерал удрев.	И.И. Александр-Хануш-Б.И.		
Эгор Белый -	Ю.Н.		
Ковбой -	Урхай.		
Авирах	М.М. Лихтман.		
Радна	З.З. Лихтман.		
Логван -	Л.Л. Хорш.		
Модра -	Ф. Грант.		
Чахшбуца -	Кордашевский.		
Кай.	С.Митусов.		
Рай.	Индия.		
Крепшев -	Стайшк.		
Фрузь	Лашов		

Кодовое обозначение имен. Автограф Е.И.Рерих

Шибаяев прибыл в Берлин во второй половине марта 1925-го и провел там неделю. 27 марта он сообщил М.М.Лихтману, который вел дела в США, что «поручения все выполнил» [17]. А именно – передал Астахову письма и перевод тибетской грамоты из монастыря Гум, расположенного поблизости от Дарджилинга. Копии всех документов были посланы также Бороздину. Среди бумаг оказалось и письмо к Астахову самого Шибаяева.

«Посылаю Вам сообщения от Дордже. За время моего пребывания в Гималаях мне пришлось быть свидетелем исключительного положения Дордже, жены и его сына среди лам и буддистов. Часто я слышал от Дордже: "Где мы прошли, там русские интересы высоко почитаются". И на деле я видел, какое огромное влияние и уважение является следствием пребывания Дордже в доме, где раньше жил Далай-лама. Конечно, работать надо чрезвычайно осмотрительно, потому что подозрительность с двух сторон очень велика...» [18].

Весь тон письма выглядел несколько вызывающим, особенно последняя фраза, где речь

шла об англичанах и проанглийски настроенных тибетцах. Именно это впоследствии дало основание Чичерину высказать сомнение, не является ли Шибаев провокатором. И тем не менее, письмо достигло своего адресата. К нему был приложен подарок для Астахова – предмет из буддийского храмового обихода «дордже», что в переводе означает «молния». И несколько газетных вырезок из индийской «Форвард» (Forward) со статьей о пребывании Н.К.Рериха в Сиккиме. Их Шибаев просил переслать наркому Чичерину и полпреду Красину. Глава «Мировой Службы» в Прибалтике намекнул также о своем желании, чтобы Советы поставили его «в связь с полпредом в Риге». Как представитель чайных, красочных и машиностроительных фирм, он «хотел бы установить сношение и обмен с СССР» [там же].

Однако самым важным в пакете документов оказалось письмо Рериха. Оно было озаглавлено как «Сообщение от Дордже» и содержало именно то, о чем в Берлине Николай Константинович обещал Крестинскому и Астахову – по возможности регулярно передавать информацию.

Послание начиналось с главного, в нем говорилось о единении Азии и предлагалась схема соединения юга и севера. Пути осуществления такого единения базировались на очищении учения Будды от старых догм, на религиозной трансформации сознания верующих и на признании Советской России страной истинного буддизма, поскольку коммунистическое мировоззрение – мостик к обновленному Востоку. Это послание Дордже было адресовано Астахову.

«Идея Единой Азии является руководящей идеей, и очищенное учение буддизма дает возможность проводить сближение самым искренним путем. Скоро пришлю снимки, которые прошу передать Наркому Чичерину, полпреду Красину и для себя. Необходимо, чтобы имя Будды не было оскорбляемо в Советской России. Будда, как великая личность истинной общины, должен быть правдиво оценен. Также не должно быть оскорбляемо имя Майтрейи. Изображение Майтрейи символизирует для Востока приближение Новой Эры. Должно бережно отмечать, где это изображение почитается, т.к. там найдется наибольшая готовность усваивать новое...

Радостно и разумно встречается наше соображение о том, что буддизм самое научное учение. Легко соглашаются, что буддизм засорен позднейшими придатками и суевериями. Идея очищения учения очень свойственна населению. Но сейчас главное, чтобы имена Будды и Майтрейи не были оскорбляемы. Иначе вся работа, делаемая с юга, будет разрушаться с севера. Когда же найдем, что на юге известные идеи и устремления к России укрепились, то соединим те же нити с севера, о чем в срок сообщу. Пока же замечаем, что всё укрепляемое в умах лам о России и об очищенном учении Будды закрепляется на Востоке удачно и дает отличные результаты. Даем на память о России вклады монастырям и подарки ламам.

Когда по приезде было сказано ламам, что русские с уважением прислушиваются к основному учению Будды с его принципами общины, отречения от собственности, труда, трезвости и строго научным подходом к учению, и когда было сказано, что в России имя Будды не будет оскорбляемо, – то можно было видеть при этом радость искреннего союзника. Ламы говорят: "Да, только Россия может понять истинное учение". Известно, что при многолюдных монастырях имеются боевые священные дружины лам, стойко выступающие...» [19].

Случайно ли Рерих пишет о боевых дружинах лам? Или всё-таки в этом есть умысел – намекнуть Советам, что при необходимости объединение Азии может быть достигнуто вооруженным путем... Направляя свое сообщение в самые высокие советские инстанции – Г.В.Чичерину, Л.М.Карахану, Л.Б.Красину, наверное Николай Константинович отдавал себе отчет в каждом слове. Он предложил даже один из возможных методов работы с буддийским населением, основанный на распространении специальных монастырских грамот. Эти тибетские грамоты должны содержать исторические факты, подтверждая «непреложность скорого сознательного объединения с Россией» [там же]. Несомненно, Рерих вступил в «Большую игру».

Весной 1925 года, еще до отъезда Рерихов в предгорья Кашмира, был подготовлен проект письма, написанного от третьего лица, по всей вероятности, Чичерину (на одном из

листов машинописи есть несколько пометок рукой Елены Ивановны). Он сохранился в бумагах Мориса Лихтмана. От имени руководства американской группы уведомлялось о прибытии в середине июня 1926 года в Москву Дордже под именем Николай Белый (двойная конспирация!). Вполне понятно, «миссия исключительной важности» в Советскую Россию будет секретной. Так предполагалось вначале. Но что неизменно, так это то, что она будет связана с «истинным пониманием идеалов СССР» [20]. Тезисно обозначилась роль американской группы, т.е. сотрудников Музея в Нью-Йорке и его учреждений, которая своей поддержкой Дордже вбивала «клинок в интересы Англии, в особенности в Азии». (Английские интересы в Америке тоже были достаточно сильны). И сказано относительно «Союза Востока с СССР». Здесь впервые официально появился намек на Священный Союз Востока, хотя до настоящего ССВ еще долгая эволюция в десять лет. Изначальный Союз Востока опирался, прежде всего, на Тибет, поскольку Дордже, как было замечено, имеет широкую поддержку влиятельных тибетских кругов и встречался с «вождями Тибета» [там же].

В это самое время, перед началом Центральноазиатской экспедиции, Чичерин вспомнил о Рерихе. Ему в руки попали циркулярные донесения Крестинского и Астахова в связи с сообщениями, привезенными Шибаевым с Гималаев. Нарком иностранных дел направляет в Берлин письмо, в тоне которого чувствуется некоторая нервность и крайняя заинтересованность.

«Тов. Крестинскому. 31.III.1925 г.

Уважаемый Товарищ, пожалуйста, не упустите того полубуддиста-полукоммуниста, о котором Вы мне в свое время писали и который связан с тов. Астаховым. У нас до сих пор не было такого серьезного мостика в эти столь важные центры. Ни в каком случае не надо потерять эту возможность. Как именно мы ее используем, это требует весьма серьезного обсуждения и подготовки. Кто именно за отъездом тов. Астахова из Берлина будет этим заниматься? Надо это поручить кому-нибудь понимающему Восток и интересующемуся восточными делами. Но кто тот коммерсант, который вынырнул в последних материалах тов. Астахова? Не жулик ли и не провокатор ли?.. С товарищеским приветом, Чичерин» [21].

После отбытия Рериха из Америки, с конца 1924 года ведущую роль там начинает играть Бородин, конечно, в том что касалось алтайского проекта. Он специально посещает декабрьскую лекцию Гребенщикова «Сибирь–Америка». В свою очередь писатель получает от Бородина ряд «сибирских» книг, для окончательной разработки концепции «Белухи». Между ними образуется, кажется, некое подобие дружбы, по крайней мере, крепкая симпатия. Осенью 1925-го Гребенщиков раздобыл адреса всех советских представительств за границей для рассылки постеров и проспектов, издаваемых Музеем. Началось наступление на Москву. Он также обращается во Всесоюзное общество культурных связей с предложением об организации культурной работы в Америке и распространении в СССР тиражей книг, издаваемых «Алатасом» [22]. В эти годы Гребенщиков ратует за создание «истинного духовного коммунизма» [1]. Но иногда срывается и говорит, что вообще не верит «родственникам», то есть большевикам [2, с. 250].

Развитие дел по Алтаю идет в основном через М.М.Лихтмана. «С Бородиным всё время встречи» [2, с. 235]. К концу марта 1925-го в Музее готовится новый пакет документов, которые «должны быть переданы дяде Боре». Когда бумаги были подготовлены, Бородин распорядился ехать в Париж к полпреду Красину. В дневнике Фосдик эта информация полностью зашифрована: «Нуця (Морис Лихтман) и Логван (Луис Хорш) были у дяди Бори (Бородина) и дали ему пункты отчета. Он сказал, что придется им поехать лично повидать Епископа (Красина)» [2, с. 250]. Поездка наметилась на начало мая. Еще 30 апреля сотрудники Музея вместе с Бородиным правили документы по «Белухе», рисовали карты, а 2 мая Лихтман и Хорш отплыли на пароходе «Мажестик» во Францию. Первоначально договорились, что к ним присоединится и Бородин. Но в последний день перед отъездом он сообщил, что произошли изменения в политическом барометре и что за ним возможна слежка, на пароходе едет нежелательный большевик. Отправление Бородина запланировали одним из следующих рейсов. Остается не вполне ясным, был ли московский эмиссар искренним в своих решениях. Выехать в Европу до конца июля ему так и не удалось. В то же

время известно, что 1 мая он запросил телеграммой советское руководство об отпуске. В письме своему непосредственному начальнику Вавилову, направленном в день отплытия американцев, Бородин писал: «Может быть, удастся съездить за океан повидать кого следует» [23].

Предполагалось, что оба корреспондента – и Бородин, и Вавилов – прекрасно знали, о ком идет речь и кого именно следует повидать. Переписка середины 1920-х годов подтверждает их обоюдное знакомство с Красиным. К полпреду часто обращались за помощью в оформлении виз иностранным ученым для въезда в СССР. И хотя Бородин задержался в Америке, почва для переговоров с Красиным была подготовлена. «Дядя Боря получил от Епископа прекрасное письмо с благодарностью за присланные легенды о Дорджи» [24]. Это продвижение стало возможным, сообщил Морис Лихтман в Гималаи, вследствие большого интереса полпреда к «духовным легендам Востока». Конечно, не эфемерные легенды волновали советское руководство. За абстрактными словами стояли геополитические интересы.

В Париже выяснилось, что Красина срочно вызвали в Москву, где он собирался пробыть две или три недели. Пришлось американцам пожить вольной жизнью, ходить по музеям и выставкам. Практически каждый день в Нью-Йорк шли послания, информирующие о развитии дел. Все они носили конспиративный характер. Действующие лица всё те же – Бородин и полпред Красин. Для того чтобы лучше почувствовать атмосферу, в которой протекала парижская миссия Лихтмана и Хорша, приведем как образец одно из писем Кругу в Америке.

«Наши дорогие и возлюбленные, мы находимся здесь с 8 мая в ожидании дяди, который задерживается. Мы получили телеграмму, он советует ждать его. Несомненно, произошли некоторые изменения со времени нашего отъезда, и в настоящий момент нам пока невозможно их осознать. Тот неприятный родственник дяди был, по всей видимости, с нами на пароходе, но так как мы плохо представляем себе семью, то не смогли узнать его. Сейчас мы посещаем музеи и стараемся лучшим образом использовать возникшую ситуацию. Надеемся, что дядя вскоре приедет, так как очень важно, чтобы он увидел Епископа первым. Неприятный родственник дяди принадлежит к той же самой церкви, и как бы не случилось так, что мы попадем в руки этого человека. Вы ведь понимаете, в интересах нашей церкви мы нуждаемся в помощи именно Епископа» [25].

Ситуация сложилась непредвиденная и беспокойная. Она усугублялась известиями из Риги. Шибаяев сообщил телеграммой, что два письма, направленные им «тете Ане и Ганзе» (Бородину и Астахову), остались без ответа. Он пообещал в конце месяца приехать в Париж. И действительно приехал 30 мая. Ему крайне необходимо было личное свидание с Хоршем и Лихтманом, чтобы обсудить вопросы бизнеса по «Мировой Службе» и рассказать им все детали своей недавней поездки в Тибет. Как раз в день приезда Шибаяева состоялась долгожданная встреча в советском полпредстве.

Сначала посетили секретаря Красина. Беседа проходила в присутствии других технических сотрудников полпредства. Это очень поразило Хорша, надеявшегося на приватный разговор. После раздумий он принял такую открытость и откровенность как часть нового подхода, сложившегося в советском обществе. Наивному американцу трудно было вообразить, что мотив может лежать в диаметрально противоположной плоскости. Начинал раскручиваться маховик тотальной государственной машины. Секретарь предложил составить в ближайшее время краткое резюме проекта, в котором будут сформулированы предложения по алтайским концессиям. Конечно, заговорили о большой обоюдной выгоде проекта, с финансовой стороны и для «сближения двух стран». Лихтман и Хорш подготовили развернутые предложения (еще в Америке), и на следующий день почтой документы пошли Красину. Аудиенция у полпреда была впереди. «Всё, что нам нужно, – писал Хорш в Америку, – это шанс поговорить с большим человеком» [26]. Наконец американцев приняли в Концессионном комитете в Париже, и состоялся разговор о «плане храмового строительства» (Church Building Plan). Проект «Белуха» был отправлен на экспертизу в Москву, в Главный Концессионный Комитет ВСНХ, а также, по совету Бородина, еще в три адреса на Алтае. «В Мичиган тоже они послали бумаги, и еще в 3 места

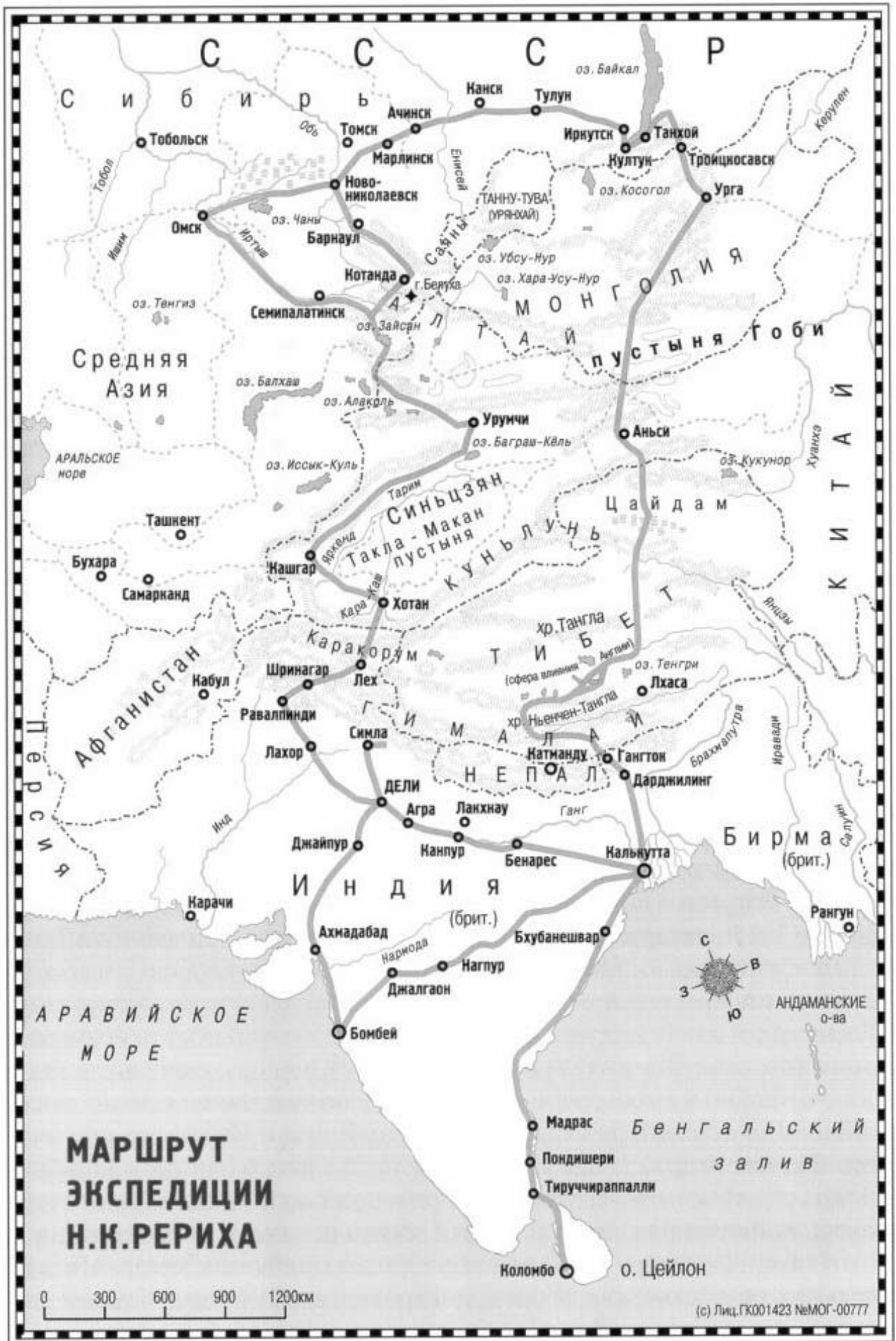
в Аляске, указанные дядей», – сообщали Рерихам из Нью-Йорка [27]. Для Мориса Лихтмана открылась перспектива поездки в Красную столицу в ближайшем будущем [28], предположительно осенью 1925 года.

Рерих и его американские учреждения оказались на гребне волны. К середине 1920-х годов вопросам концессионной политики Советский Союз отдавал бесспорный приоритет в международном сотрудничестве. На государственном уровне принимается ряд распоряжений о привлечении иностранного капитала и организации концессий. Так, начальник Главного управления горной промышленности В.М.Свердлов в письме от 14 апреля 1923 года уведомлял подотчетные ему Научно-технический Совет и Геологический комитет о том, что Главным Концессионным комитетом поставлена «срочная задача». Ее суть сводилась к составлению нормативных документов по вопросам «концессий иностранного капитала на эксплуатацию естественных и промышленных ресурсов России для широкого распространения в странах Европы и Америки» [29]. Сотрудничество с Азиатской Россией приобретало вполне реальные очертания.

8-го июля 1925 года Лихтман и Хорш возвратились в Нью-Йорк с чувством выполненного долга. По совету «дяди Бори» они побывали также и в Лондоне. Размах деятельности постоянно увеличивался. Бородин предложил начать проект в Киргизской республике. Он связался с видным партийным лидером Бахмельяновым и договорился, что экспедиция Рериха из Синьцзяна двинется в Киргизию. Бахмельянов ответил в Америку, что «Киргизия, как невеста, будет ожидать заокеанского жениха» [2, с. 267]. Такой план мог, с одной стороны, обеспечить Рерихам получение виз при пересечении границы с СССР, а с другой – возможность развернуть работу среди населения, которое являлось благодатной почвой для распространения буддизма.

II

Центральноазиатская экспедиция Н.К.Рериха стартовала в предгорьях Кашмира. В марте 1925 года глава каравана обратился в Шринагаре к политическому резиденту, представляющему интересы Британии в колониальной Индии. Нужно было разрешение на посещение Леха. Путешественники якобы намеревались провести там год, с сентября 1925-го по сентябрь 1926-го. Рерих заявил, что цель поездки чисто художественная, он хочет написать серию картин на индийские сюжеты, в частности, несколько полотен, изображающих буддийские окрестности и монастыри Леха. Однако в июне планы резко поменялись. Николай Константинович запросил официальные власти об изменении маршрута. Экспедиция собиралась отправиться из Леха в Китайский Туркестан в конце октября 1925 года и оттуда возвратиться в Соединенные Штаты через Китай и Японию. Это было только наполовину правдой, так как в Америку Рерих ехать вовсе не думал. Прокладывался тайно курс на Москву. Правительство Индии разрешило каравану пересечь кашмирскую границу. Хотя в Департаменте иностранных дел в Симле (летняя резиденция) хранилось полученное из Отдела паспортного контроля Нью-Йорка сообщение о том, что во время своего пребывания в США «профессор Рерих подозревался в коммунистических симпатиях» [8]. Встречи с Бородиным, видимо, не прошли даром. Кроме того, в январе 1925 года художник посетил в Калькутте Сумендранатха Тагора, чьи «бунтарские и коммунистические настроения хорошо известны» были английским властям. У британской разведки оказалось достаточно оснований для подозрения. Тогда ей не удалось установить истинных намерений визита к индийскому патриоту. Конечно, они могли быть исключительно художественными. Тайное ведомство не сумело также разгадать личность Шибоева, которого приняли в Индии за «племянника» Рериха [там же]. Этот факт говорит только об одном – или британские службы имели плохих информаторов, или после Берлина опустилась таинственная завеса и Рерихи вступили в полосу конспирации.

Итак, 14 октября 1925 года экспедиция прибыла в Хотан. На первых порах китайские власти оказали Рериху и его спутникам самый любезный прием. Глава каравана нанес визиты даотай, амбаню и военному губернатору. Но вскоре начались необъяснимые осложнения. Художнику было запрещено рисовать картины «вне дома». Он только-только приступил к написанию серии «Майтрейя». Власти заподозрили в Рерихе шпиона и стали чинить на его пути всяческие препятствия. Подозрения китайцев, вероятно, возбудил факт русской национальности Николая Константиновича, притом что экспедиция шла под американским флагом. Он не являлся гражданином США, а имел на руках паспорт, выданный Временным правительством России в 1917-м. Ничего не было удивительного в том, что на путешественников посыпались нападки. В 20-е годы Синьцзян кишел иностранными агентами. И Рерих, как русский эмигрант, в глазах властей стоял с ними в одном ряду. Пришлось обращаться с неотложным «призывом ко всем иностранным представителям в Кашгаре» [30]. Суть этого обращения сводилась к следующему: ходатайствовать перед вышестоящими китайскими властями о защите экспедиции от местных властей, которые насильно удерживали ее в Хотане (власти Хотана 1 января 1926 года арестовали всех членов экспедиции).

Видную роль в разрешении конфликта сыграл генеральный консул Британии в Кашгаре, майор Г.В.Б. Гиллан, ему Рерих направил письмо с просьбой о помощи. Англичанин, в свою очередь, обратился к генерал-губернатору Урумчи Ян Цзен-синю, чтобы тот разрешил экспедиции проследовать в Кашгар, как она того желает.

«Профессор Рерих, американский гражданин, находящийся в Хотане, просит меня ходатайствовать в его пользу, утверждая, что он и его спутники насильно задержаны даотаем Хотана... Им нужно срочно попасть в Кашгар, чтобы получить медицинскую помощь у местных докторов и денежный перевод из Америки. Памятуя о нашей дружбе, прошу Ваше Превосходительство дать указание хотанским властям немедленно разрешить экспедиции двигаться в Кашгар. Отказ может повлечь за собой недовольство правительства США, которое проявляет особое расположение к стране Вашего Превосходительства...» [31].

Кашгарский даотай Во-инь, не возражавший против прибытия каравана, также телеграфировал губернатору в поддержку заявления Гиллана. Круговые усилия возымели действие, и даотай Хотана Ма Да-жень дрогнул. Каравану было разрешено двигаться дальше и возвращено конфискованное оружие.

Майор Гиллан направил воззвание о содействии Рериху и своему коллеге, советскому консулу в Кашгаре М.Ф.Думпису. Но тот ответил, что «не может участвовать в разбирательстве, поскольку ему ничего не известно относительно права профессора на въезд в страну и целей его пребывания» [32]. Конечно, советский консул ничего не знал о встречах Рериха в Берлине и Париже с двумя полпредами, которые обещали ему содействие на Востоке. Точнее, он не был уведомлен об особой миссии, направляющейся из Индии, хотя руководство НКВД уже «приняло решение об оказании экспедиции Рериха посильной помощи» [15]. А если бы консул и знал что-то об этой миссии, то не подал бы виду англичанам. Кашгар являлся одной из самых горячих точек Центральной Азии.

Рерих самостоятельно действовал по всем направлениям. Немалую роль в освобождении художника и его спутников из хотанского плена сыграл всё-таки консул Думпис. Быть может, даже большую роль, чем Гиллан. Николай Константинович пишет дипломатическому представителю СССР в Кашгарии письмо.

«Уважаемый господин консул! Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана.

Экспедиция организована американскими художественными учреждениями с целью зафиксирования художественных сокровищ Азии, а между тем власти Хотана воспретили мне писать этюды. Мы уверены, что во имя культурных целей экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии.

Не найдете ли возможным сообщить соответственно и власти Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы по назначению, через Москву. Буду рад получить от Вас извещение и немедленно возместить стоимость телеграмм. Недавно Америка дружелюбно

устроила выставку художников СССР, и я знаю, что всякое культурное начинание, как наша экспедиция, вызовет Ваше дружеское участие.

Такая защита международных культурных интересов дает мне возможность выразить Вам благодарность от лица американских учреждений. С искренним приветом, Н.Рерих» [15].

Следом консулу Думпису пошло еще одно письмо, в трех одинаковых копиях. От общекультурных проблем художник перешел к насущным просьбам и мягко настаивал оказать ему «самое серьезное содействие» [там же]. Незамедлительно консульские сообщения были направлены в НКВД. Кашгарский представитель проинформировал свое руководство о тех злоключениях, которые претерпела экспедиция, и о ее безуспешных обращениях за помощью в Нью-Йорк, Лондон и Пекин. В Москву консул также переслал все письма Рериха. Думпис взял на себя нелегкую задачу – лично встретился с губернатором Воинем и добился от него твердого обещания освободить путешественников из-под стражи. Переговоры продлились более месяца, и 7 февраля 1926-го консул сообщил в НКВД, что они завершились успешно. Через неделю экспедиция Рериха прибыла в Кашгар. Таким образом спустя три месяца произошло высвобождение из хотанской ловушки, и в этой акции участвовали две противоборствующие стороны, политические противники Британия и Советы. И те и другие ничего не подозревали об истинных целях экспедиции (впоследствии, правда, Гиллан сокрушался – он был введен в заблуждение и не знал о том, что у Рериха нет американского гражданства).

Весь парадокс ситуации с задержанием каравана сделался очевидным еще в Хотане. Помимо китайцев, здесь приложили усилия и англичане. Что касается помощи Гиллана, то в данном случае только подтверждается известная поговорка – правая рука не знает, что творит левая. Британские представители в Кашмире и Хотане, очевидно, вели себя иначе, поскольку в самый разгар хотанских событий в путевом дневнике Николая Константиновича, и даже в дневнике Елены Ивановны Рерих, появляются нелестные мнения об английской короне. «Серьезно угадываем руку Англии в хотанских делах» [33]. «Вы много играете в гольф, но не играйте человеческой совестью» [34]. «О вреде Англии – не вчера, не сегодня, но до скончания. Именно в каждой пылинке узрите вред Англии... Хуже китайцев Англия» (10.1.1926) [11].

Основательны ли претензии к англичанам, имевшим повсюду неусыпное око? Ответить на этот вопрос помогает сам Рерих и вехи его деятельности в Ладаке, Лехе и Хотане. Прежде всего, обещание Советам распространять тибетские грамоты во время экспедиции было выполнено. Эти грамоты раздавал в Ладаке лама Рамзана, участник похода (он присоединился к каравану как раз в Ладаке). В одном только Спити роздано сто штук (2.9.1925) [11]. В основном грамоты были краткими и содержали всего два ёмких слова: «Майтрейя идет!». В Хотане подготовили пергаменты с пророчествами, написанными на трех языках: тибетском, монгольском и калмыцком. Разные по содержанию, они были объединены главной мыслью – Майтрейя и Шамбала. Вот несколько образцов, посланных в монастырь Ташилунпо.

«Так исполняются предсказания предков и писания мудрых. Найдите ум встретить назначенное, когда в пятом году (1928) появятся вестники воинов Северной Шамбалы. Найдите ум встретить их и принять новую славу Тибета и Монголии. Дам Мой знак молнии» (8.2.1925) [35].

«Пусть запомнят, где благословение Тары – там луч Майтрейи; где имя Акдорджи – там колесо справедливости; где имя Нурухана – там меч Будды. Шамбала проявит коня выходящего, пошлет стрелы всем верным сынам буддизма. Запомните и ждите» (16.10.1925) [11].

В последнем пророчестве, как видно, упоминаются имена всех троих Рерихов – Елены Ивановны, Николая Константиновича и их сына Юрия. Распространяемые через лам и местное буддийское население листовки должны были поднять статус экспедиции и ее главы. От имени некоего шанхайского корреспондента даже подготовили газетную статью о Мастере Ак-Дордже, который «появляется в разных местах, объединяя Восток» (19.10.1925) [11].

В художественном отношении вынужденная стоянка в Хотане оказалась крайне плодотворной. Картины – не менее значимая сторона деятельности Рериха, чем рассылка грамот и пророчеств. Способ насытить азийский мир образами грядущего Будды. Не случайно художник берется за создание серии «Майтрейя», которую заканчивает к 1 февраля 1926 года, перед самым отъездом из Хотана. Семь завораживающих полотен, пронизанных чувством ожидания Майтрейи. Повсюду стремительный красный всадник, несущийся с вестью по Азии. Названия картин очень показательны: «Шамбала идет», «Конь счастья», «Твердыни стен», «Знамя грядущего», «Мощь пещер», «Шепоты пустыни», «Майтрейя Победитель».

Понятия Шамбалы и Майтрейи Рерихи напрямую связали с коммунистическими идеалами. Майтрейя воплощает в себе коммунизм. «Шествие коммунизма нужно крепко сплести с именем Майтрейи, ибо это истина» (30.6.1925) [11]. Таким образом закладывалось начало нового религиозного движения в Азии. Оно основывалось на том, что лучшие умы Востока видели в учении коммунизма единственно возможную эволюцию человечества, так как коммунистическая община вполне согласуется с мировой общиной Будды.

Н.К.Рерих. Шамбала идет. 1926

Из Хотана Николай Константинович направил письмо Чичерину (по всей видимости, это было сделано через Думписа). Его текст кажется поразительно интересным по содержанию. И не только потому, что в нем говорится о связях Рериха с вождем русской революции В.И.Лениным, но приоткрывается один из вариантов Великого плана, согласно которому первым на переговоры в Москву должен был отправиться Юрий Николаевич. И только затем предполагалась его поездка во Внутреннюю Монголию. Кстати, о встрече Рериха с Лениным в Швейцарии упоминает в своем монгольском дневнике З.Г.Фосдик (Лихтман) [36]. Оставим этот факт без комментариев. Итак, письмо к Г.В.Чичерину:

«Вы, вероятно, уже знаете, что ряд лет по поручению Ильича занимаюсь применением религий к коммунизму После работ в Америке, с 23-го года полагаю все возможности на Восток. Жизнь в Индии, Сиккиме, Кашмире и Ладаке дала материал исключительного

значения. Совет и сочувствие Махатм и необыкновенное совпадение пророчеств дают совершенно новое решение эволюции Востока. Радуюсь, что мое положение как художника открыло мне доступ от Махатм и до вице-короля: получается заключение, не терпящее отлагательства. Необходимо принять немедленные меры. Пока остаюсь в узловом пункте наблюдения в Хотане, сохраняя сношения с Ладаком и Махатмами. Прошу Вас принять сына моего. Прошу выслушать всё ему доверенное и назначить его состоящим при Таши-ламе. Как Вы увидите из его доклада, это назначение и чин монгольский совершенно необходимы. Если найдете нужным придать ему лицо, опытное в вопросах современного коммунизма, прошу дать кого-либо с широким пониманием, вроде Астахова, которого направил ко мне в Берлине Крестинский. Если бы Вам захотелось иметь еще сведения о моей работе, то Красин и Бородин могут снабдить Вас. Очень важное время не должно быть упущено. Все Ваши указания будут приняты бережно, ибо в нашей семье Ваше имя живет окруженное искренним почитанием. Вы поймете сущность посылаемого плана и всестороннее образование моего сына по Востоку, бегло говорящего по-тибетски, знающего санскрит, персидский и китайский и другие языки Единой Азии. Мой сын будет принят Вами как незаменимый работник. Всё остальное будет передано на словах» [37].

Серьезность намерений молодого востоковеда Ю.Н.Рериха подкреплялась тщательной подготовкой к поездке в Красную столицу. Например, еще в Кашмире летом 1925-го ему был сшит желтый атласный наряд ламы, необходимый, прежде всего, на встрече с Чичериным и затем – с Таши-ламой. Такие же ламские одежды заказаны и для отца. Николай Константинович тоже должен был предстать в них перед наркомом иностранных дел в Москве. Конечно, не в первую встречу, но после того как объяснит ему символический смысл переодевания.

В Кашгаре экспедиция пробыла всего неделю. Ее усиленно опекали консулы Гиллан и Думпис, каждый в согласии со своими профессиональными интересами. Все путешественники, проезжавшие через Кашгарию, подвергались тщательному контролю на благонадежность. Одновременно с Рерихом прибыла английская экспедиция Стюарта Пиггота, и вот-вот ожидалась американская экспедиция братьев Рузвельтов. Обе они считались «охотничьими», но на деле, по утверждению советского консула, имели «характер разведывательный, как в области политики, так и в области экономики» [38]. Предстояло более подробно выяснить и задачи рериховской экспедиции.

Первым, кому нанес визит Николай Константинович, был Думпис. Говорили о разных вещах и в особенности о том безграничном уважении, которое питает к имени Ленина и советский, и тибетский народ. Поводом к разговору послужило чтение Рерихами газет «Известия», предложенных консулом. Из Кашгара Елена Ивановна писала друзьям в Америку о Советском Союзе: «Прекрасно строительство там, и особенно тронуло нас почитание, которым окружено имя учителя Ленина... Воистину – это новая страна, и ярко горит заря учителя над нею» [39].

Строки письма являются очень важными для наших представлений о генезисе «Новой Страны». Здесь впервые это понятие соотносится с Красной Россией. До Хотана Рерихи шли как бы на ошупь, но в Кашгаре напрямую связали СССР с новым государством. Забегая вперед, необходимо заметить, что Рерихи всегда следовали текущему моменту и учитывали жизненные обстоятельства как главенствующие в развитии Плана. Когда такие обстоятельства поменялись на противоположные, например после того как Московская миссия была отвергнута советским правительством, то и идея Новой Страны уже связалась с независимой Сибирью и «свободными» территориями в Азии. А в 40-е и 50-е годы, после победы Советского Союза в мировой войне, русский народ снова выступил единственной надеждой и авангардом в будущем строительстве. (Е.И.Рерих вместе со старшим сыном подала в Верховный Совет СССР документы на возвращение из эмиграции).

Н.К.Рерих с сыном Юрием в ламских одеждах. 1925

Поездка на переговоры в Москву окончательно оформилась еще в Хотане. Из местечка Бурхан Булат (так называл его Рерих) художник повез письмо Махатм московским коммунистам и ларец с землей, взятой с могил великих индийских мудрецов. Эту землю он предполагал возложить на гробницу вождя мирового пролетариата. Гималайские Махатмы приветствовали дело Ленина, общину и кооперацию в России. Именно в Хотане утверждаются ленинские идеалы. В начале октября 1925 года караванная стоянка расположилась перед горным хребтом Патос, или Ак-Таг. Место оказалось примечательным, здесь проповедовал, согласно преданиям, Благословенный Будда. Самый большой пик хребта Рерих назвал «Гора Ленина». Об этом упоминается в первом варианте рукописи экспедиционного дневника «Алтай-Гималаи», сохранившемся в архиве Внешней политики РФ (Москва). В свое время художник передал хотанскую часть дневника А.Е.Быстрову, советскому консулу в Синьцзяне. Ни в одно из трех русских изданий дневника (1974, 1992, 1999) эпизод с Лениным не вошел. Этот уникальный фрагмент нельзя оставить без внимания. «В морозном солнце утра перед стоянкой четко вырисовывалась снеговая гора Ленина. Так назвал высший пик хребта Патос Махатма Ак-Дордже, проходя здесь из Тибета. Гора Ленина стоит над разветвлением дороги на Карагалык–Яркенд и Каракаш–Хотан... Гора Ленина высится конусом между двух крыльев белого хребта. Лама шепчет: "Ленин не был против истинного буддизма"» (2.10.1925) [40]. Следует напомнить, что Махатма Ак-Дордже и есть Н.К.Рерих. Он действительно шел из Малого Тибета. В том же октябре 1925 года

художник сам написал о себе статью «Махатма Ак-Дордже». Перед хребтом Ак-Таг 5 октября 25-го Рерих задумал картину «Гора Ленина», которая должна была стать «мостовой» к предстоящей поездке в Москву.

Из Кашгара караван отправился 25 февраля 1926 года. Невзирая на краткость остановки, удалось все-таки наладить хороший контакт с советским консульством. Чего нельзя сказать о китайских властях. Рериху, так же как и в Хотане, было запрещено что-либо делать. К тому же китайцы и англичане окружили его «двойным шпионажем». Зато, при содействии Думписа, Николай Константинович телеграфировал в Париж полпреду Красину об успехе экспедиции. «Благополучно приближаюсь к Москве. Материал исключительный. Сообщите наркому Чичерину. Могу быть в Москве в мае. Шлю привет вашей семье. – Дордже» [41]. Ближайший путь лежал на Урумчи.

В столицу Синьцзяна экспедиция прибыла через полтора месяца, 11 апреля. На следующее утро Рерих нанес визиты губернатору Ян Цзен-синю и комиссару иностранных дел Фань Яо-наню, которые заверили гостя, что ему нечего опасаться каких-либо репрессий со стороны китайских властей, подобно тому как случилось в Хотане и по дороге из Кашгара в Урумчи. Пока официальные лица давали заверения, в квартире Рерихов был произведен обыск и перерыто буквально всё имущество. В тот же день, 12 апреля, Николай Константинович посетил советское генконсульство, где познакомился с консулом Александром Ефимовичем Быстровым-Запольским, вскоре ставшим близким его сотрудником на долгие годы. Рерих сразу же сообщил, что везет дар Махатм – землю на могилу Ленина. Упоминание об Учителяхнисколько не удивило Быстрова. Эти слова он воспринял естественно, без малейшего колебания. В консульском дневнике им оставлена запись: «Махатмы – ученые люди, достигшие нравственного совершенства и живущие в глубине гор Гималаев» (12.4.1926) [42]. Постоянные встречи в стенах генконсульства и даже вне его стен (все вместе, например, ездили за город на пикник к Цю Да-хэну, секретарю губернатора Урумчи) убедили Быстрова в большой важности экспедиции, которая собрала массу интересного материала в Индии и Малом Тибете. Разговоры неизменно сводились к одному. Рерих подчеркивал мысль об объединении буддийского мира с Советской Россией. В этом он обещал помощь тех самых Махатм. Очень показательная страница из дневника консула:

«Сегодня приходили ко мне Рерих с женой и сыном. Рассказывали много интересного из своих путешествий. По их рассказам, они изучают буддизм, связаны с Махатмами, очень часто получают от Махатм директивы, что нужно делать. Между прочим, они заявили, что везут письма Махатм на имя товарищей Чичерина и Сталина. Задачей Махатм будто бы является объединение буддизма с коммунизмом и создание великого восточного союза Республик. Среди тибетцев и индусов-буддистов ходит поверье (пророчество) о том, что освобождение их от иностранного ига придет именно из России, от красных (Северная красная Шамбала). Рерихи везут в Москву несколько пророчеств такого рода. Везут также индусские и тибетские картины, написанные в этом же роде. Из слов Рериха можно понять, что их поездки по Индии, Тибету и Западному Китаю – выполнение задач Махатм, и для выполнения задания Махатм они должны направиться в СССР, а потом якобы в Монголию, где они должны связаться с бежавшим из Тибета в Китай Таши-ламой (помощником Далай-ламы по духовной части) и вытащить его в Монголию, а уже оттуда двинуться духовным шествием для освобождения Тибета от ига англичан» (19.4.1926) [42].

Пребывание Рериха в Урумчи удивительным образом совпало с подготовкой к открытию памятника Ленину на территории советского генконсульства. Медный бюст вождя был заказан и отлит в Москве на деньги, собранные по подписке сотрудниками советских учреждений в Синьцзяне. 21 апреля, как раз в момент получения бюста, у Быстрова оказался Рерих, и тот попросил художника набросать несколько эскизов для пьедестала. Николай Константинович с удовольствием отозвался на просьбу консула, и уже на следующее утро рисунки были готовы, хороший подарок ко дню рождения Ленина. По проекту Рериха пьедесталом должна была служить усеченная пирамида из красного камня (в основании квадрат), что придавало бы всему сооружению массивный вид и красивые очертания. На пьедестале – символы Советов (серп и молот) и тибетские знаки. На лицевой стороне

предполагалось выбить надпись «Ленин – великий Учитель» на семи языках. В тот же день во дворе, напротив здания генконсульства, разбили небольшой сквер и цветник и произвели закладку памятника. Правда, установить его к 1 мая – дню международной солидарности трудящихся – не удалось. Этому воспрепятствовал комиссар Фань, указав консулу на незаконность подобного прецедента. На территорию Китайской республики не может быть ввезен «бюст коммунистического революционного вождя чужого государства» и выставляться в обозримом для всех месте. Местные власти пытались сунуть нос даже в ограду неподвластного им советского консульства.

Ю.Н.Рерих, Н.К.Рерих и А.Е.Быстров в фотостудии. Урумчи, 1926

Рерих в лице консула Быстрова сразу же нашел верного сотрудника. Причем отношения у них стали на редкость доверительными и откровенными. Строились они на признании коммунистических идеалов как самой прочной духовной основы. Но пожалуй, духовности особого рода, поскольку на передний план для консула выступил образ не вождя Ленина, а того Махатмы, который являлся руководителем семьи Рерихов. И в этом не было никакого противоречия. Учителя Востока приветствовали учение коммунизма.

В последних числах апреля Рерих показал Быстрову танки с изображением Шамбалы, портрет Махатмы Мории и предложил консулу задать три любых вопроса (по их качеству оценивался кандидат в ученики). Он обещал свое посредничество и скорый ответ. Первый вопрос Быстрова: «Почему именно я избран Учителем?». Ответ Махатмы: «Еще при Акбаре был отмечен мой подданный». Воин по имени Равинчар служил в охране императора Акбара и спас его от укуса черной кобры. Второй вопрос: «Как завершатся советско-китайские переговоры?» – «Эти переговоры нужны как стоптанные лапти». Речь шла об экономических переговорах по Синьцзяну, которые закончились безрезультатно. И третий вопрос, случай с воином: «Почему всадник с отсеченной головой иногда продолжает скакать на коне?» – «Астрал не успевает выйти из тела, и оно еще некоторое время представляется живым». Такую версию вопросов и ответов изложил сам А.Е.Быстров в 1970-х годах, незадолго до

смерти. Если она даже и отличается от настоящей, то очень незначительно, в самых мелких деталях. Тогда, в 1926-м, консул успешно прошел испытание и ему было вручено кольцо ученика. Качество вопросов оказалось превосходным – личный, общественный и познавательный.

Дружественные отношения с Быстровым позволили Рериху беспрепятственно направить послания в Москву, Берлин и Нью-Йорк консульской почтой. Он отослал телеграммы Чичерину, Крестинскому и Бородину, ходатайствуя о въезде в Советский Союз. К середине апреля ответы пришли от Астахова и Бородина, а 6 мая – от Чичерина. Нарком разрешил выдать визы членам экспедиции. Стали срочно готовиться к отбытию из Урумчи. Чтобы окончательно скрепить установившуюся дружбу, Рерих сделал щедрые подарки консульству и персонально консулу. Быстров получил этюд с видом тибетского замка, граммофон и собаку. Его жена – лошадь и дорогую шубу. В общее пользование сотрудников генконсульства были переданы фотоаппараты и пластинки. Кроме того, Николай Константинович оставил на хранение консулу свой хотанский дневник и личные вещи, среди которых архивные документы, рукописи и письма, а также иконы и книги.

8-го мая, перед отъездом из Синьцзяна, Рерих составил завещание, которое очевидно, он рассчитывал, станет доказательством его политической благонадежности. Оно должно было попасть в Москву по дипломатическим каналам. Расчет оказался верным – Быстров послал копию документа Сталину, как только караван тронулся в путь. Согласно завещанию, художник передавал все свое имущество, картины, литературные права, пай и шеры американских корпораций в пожизненное пользование жене Е.И.Рерих. А после нее – Всесоюзной Коммунистической партии. Единственная просьба состояла в том, чтобы «предметам искусства было дано должное место, соответствующее высоким задачам коммунизма» [43]. Распорядителями завещания назначались Г.В.Чичерин, И.В.Сталин и А.Е.Быстров. Почти год спустя в Монголии Рерих сделал новое завещание. Но в нем компартии отводилась только второстепенная роль, ей вверялись картины, хранящиеся в государственных фондах СССР (хотя они и без того уже являлись собственностью государства, и при существовавшей форме власти и всеобщей национализации не могли быть отданы за границу или в частные руки). Особо выделялась серия «Майтрейя», с которой художник просил обойтись достойно, как подобает истинным просвещенным коммунистам «по завету Ленина». На этот раз Сталин из душеприказчиков был вычеркнут. И самое главное, исполнение воли Рериха, даже в случае его гибели, отсрочивалось до 1936 года (!). При успехе Мирового плана и образовании Новой Страны надобность в завещании просто-напросто отпадала. Карта Сибири, и даже всей Азии, к этому сроку, надеялись, будет перекроена.

На первых порах переписка Рериха и советского генконсула успешно поддерживалась с двух сторон. Николай Константинович все еще сохранял роль посредника в духовном образовании Быстрова. Его письмо, посланное из Улан-Батора (Урги) 24 марта 1927-го, незадолго до выхода экспедиции в Тибет, содержит нравственные поучения и указания на будущее.

«Родной Равинчар, пересылаем Вам данное для Вас Письмо. Будете иметь случай применить и цитировать его Вашим друзьям коммунистам. В Вашем первом кратком письме Вы говорили о посылке длинного письма, но мы ничего более от Вас не получили. Пропало в пути? Вы имели случаи думать о нас. И мы вспоминали Вас в Ваших трудностях. Не теряйте связь с нами. Спишитесь с Америкой.

Кроме книг и икон, все вещи наши ликвидируйте в Урумчах. Деньги сохраните впредь до указания. Мы будем долго вне почтовых сообщений. Вам придется побыть одному. Такое кажущееся одиночество – необходимо. В нем растет сознание, нужное для новых действий. Получите книги «Основы буддизма», «Община» и «Алтай–Гималаи». Прочтите и примените. Сложите прочные, достойные слова: о коммунизме, об Общине, о буддизме, о знании, о красоте, о нас. Умейте хранить великое понятие Учителя. Будете встречать случаи необычной ненависти, зависти, лжи и невежества. Имейте, имейте достойные слова отразить вражеские нападки старого мира. И в бодрости, и в знании, и в труде умножайте Вашу полезность делу истинной Мировой Общины.

По приложенному отпечатку дайте вырезать надпись на бирюзе и носите в кольце, подобном данному Вам. Санскритская надпись значит – «Майтрейя Община» и является символом Мировой Общины. Встретите носителей подобных колец. Можете носить кольцо всегда. Первое, данное Вам, оставьте для внутреннего смысла. Скажите наш привет всем Вашим, думайте, помните о нас так же, как и мы вспоминаем Вас. Р[ерих]» [44].

Улан-Батор. Хото
Апреля 10. 1927.

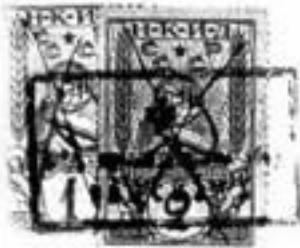
Настоящим моим завещанием, во избежание недоразумений по прошлым завещаниям устанавливаю последнюю мою волю. Прошу Правление Музея Рериха в Нью-Йорке обойтись самым достойным образом со всем тем, что при жизни моей передано в фонд или на постоянную выставку Музея Рериха. Картины мои - серия Майтрейя, находящиеся в Москве, а также все мои произведения, находящиеся на эфранки в Госфонде завещают Всесоюзной Коммунистической Партии, которую прошу обойтись с художественными произведениями как истинный просвещенный коммунист по завету Ленина. Собрание старинных мастеров, находящиеся на эфранки в Эрмитаже (Ленинград), а также принадлежавшие мне предметы, находящиеся по описи на эфранки музея Общества Поощрения Художеств в Ленинграде завещают жене моей Е. Рерих, а в случае ее смерти моим сыновьям Юрию и Святославу Рериху в равной части. Ввиду возможности возникновения ложных

слухов о гибели моей во время длитель-
ных путешествий прошу вынести указание,
чтобы исполнить после 1936 года. Прошу
за исполнением сказанного наблюдать
от Музея Рериха в Нью Йорке Мистер
Люис Хорш (Louis Horch) и Мистер
М. М. Митман и от Всесоюзной Ком-
мунистической Партии Александра
Ефимовича Быстрова-Запольского и
Наркома А. В. Луначарского. Академик
Николай Константинович Рерих.

*Про написании настоящего волеизъявления и при свидетелем
ком подписании присутствовал свидетель Петр Васильевич
Ворожбитский Монашеского Тува-Алтайского Кургана
Смешев Исаевский.*

Тысяча девятьсот двадцать седьмого года апреля двенад-
цатого дня. Город Улан-батор-хото (Монголия).
Консульский Отдел Полномочного Представительства СССР
в Монголии удостоверяет что являясь Академиком Нико-
лаем Константиновичем РЕРИХА на настоящем документе учине
на собственноручно и присутствии свидетеля Петра Ва-
сильевича ВОРОЖБИТСКОГО, лично известного Консульскому
Отделу и представившим паспорте первым выданным Пол-
предством СССР в Монголии за № 4716 от 20/IX-26 года,
вторым - загранпаспорт выданный I-м Отделением
НАВА СССР в г. Москве за № 40971, проживавшими в
Улан-баторе.

По реестру № 14.

Владимир

Завещание Н.К.Рериха. Автограф, 1927.
Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

Пожелание Рериха насчет Америки было выполнено. Незадолго до того, в январе 1927-го, Александр Ефимович получил письмо из Нью-Йорка от Сиднея Ньюбергера, секретаря Общества друзей Музея Рериха, который заверял, что хотел бы видеть консула в числе сотрудников американского учреждения. Ньюбергер не сомневался, его новый адресат приложит «все свои силы для преуспевания общего дела» [45]. Быстров, действительно, заинтересовался деятельностью Общества и его целями и принял звание члена-корреспондента.

После Синьцзяна для экспедиции Рериха наступил самый ответственный этап. Караван покинул Урумчи 16 мая 1926 года, направился к советской границе и пересек ее в районе озера Зайсан. Помимо Н.К.Рериха, его жены Елены Ивановны и сына Юрия, в состав экспедиционного отряда входили два ламы, Рамзана и Церинг. Все они двинулись в

Московию (так в 1920-е еще называли столицу, как бы совсем отдельное государство). Быстров подвел итоги пребывания Рериха в Урумчи, сообщив в НКВД: «Главное – это его связь с Махатмами... от сказанных людей он имеет директивы для разговоров в Москве» (6.5.1926) [42].

Консул не ошибся – руководитель миссии заготовил целую программу из девяти пунктов, которую он предполагал вынести на суд советских руководителей. К 10 июня Рерих был уже в Москве и сразу же встретился с Г.В.Чичериным, а вскоре и с А.В.Луначарским. Основные положения этой программы таковы:

1) Учение Будды есть революционное движение; 2) Майтрейя является символом коммунизма; 3) Миллионы буддистов в Азии немедленно могут быть привлечены к мировому движению в поддержку идеалов Общины; 4) Основным законом, или простым учением Гаутамы, должно легко проникнуть в народ; 5) Европа будет потрясена союзом буддизма с ленинизмом; 6) Монголы, тибетцы и калмыки признают сроки пророчеств о Майтрейе и готовы приложить их к текущей эволюции; 7) Отъезд Таши-ламы из Тибета дает небывалый повод к выступлению на Востоке; 8) Буддизм объясняет причину отрицания Бога как закономерное явление; 9) Требуется предпринять немедленные действия согласованно с Советским правительством, полностью учитывая местные условия и пророчества Азии [46].

На встрече с наркомом Николай Константинович вручил им письмо Махатм московским коммунистам и ларец с землей из Бурхан Булата. В послании приветствовались те социальные изменения, которые произошли в России со времени прихода к власти большевиков, – упразднение продажной церкви, частной собственности и власти капитала. Признавалась своевременность революции, открывшей пути к «Единению Азии» [47]. Было и второе письмо Махатм, которое адресовалось лично Чичерину. До сих пор о его существовании вообще ничего не известно. Даже от глаз исследователей оно оказалось надежно упрятым в хранилищах МИДа. В тоне письма явно чувствуется озабоченность текущим моментом и указана необходимость руководству страны обратиться к «новому обстоятельству». Это откровенный намек на то, что русская революция переживает кризис и может зайти в тупик. Опыт социалистического строительства показал – слои крестьянства не способны вместить идею коммунизма (насильственная коллективизация). Поэтому Махатмы Востока открыто протянули молодой стране Советов руку помощи.

«Если Советский Союз признает буддизм учением коммунизма, то наши Общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности... нужны меры для введения мирового коммунизма как ступени неотложной эволюции» [48].

Оба письма были написаны по-тибетски. Под текстами посланий стояли имена Гулаб Дал Сингха и Д.М. На дне ларца, в котором хранилась упакованная в материю земля, также оказалась тибетская надпись: «Махатмы – на могилу русского Махатмы». Сам ларец представлял собой коробку из слоновой кости времен Акбара.

Рерих приехал в Москву как посол Махатм Востока. Главная задача, поставленная им на переговорах, состояла в том, чтобы подготовить правительство страны через конкретных его представителей Чичерина и Луначарского к приятию Махатм. Открытым текстом предлагалось наставничество Гималайских руководителей, именем которых были подписаны послания. Кстати, задолго до приезда в Москву Рерих распорядился переслать туда книгу «Чаша Востока». В ней публиковались на русском языке письма Махатм лидерам теософского движения в Индии, представляющие собой опыт непосредственного руководства. Тираж книги был отпечатан в издательстве «Алатас» в начале 1926 года, и в марте 32 экземпляра В.А.Шибаяев послал из Риги в Москву, в Книжную Палату. Он просил распределить их «согласно установленным правилам» [49], нисколько не сомневаясь, что книги попадут в Кремль, на столы высшим чиновникам государства. Примечательна судьба изданной книги. Хотя «Чаша Востока» вышла в свет к весне 1926 года, но весь тираж полтора года пролежал на складе и поступил в продажу только в ноябре 1927-го. Именно тогда стало очевидным, что переговоры с Далай-ламой в Лхасе оказались сорванными. Видимо, книга предназначалась для Новой Страны, для более заинтересованных и подготовленных читателей.

Сразу же после встречи с Рерихом Чичерин проинформировал о происшедшем секретаря ЦК ВКП(б) В.М.Молотова. Копии своего письма он направил членам Политбюро и Коллегии НКВД, а также крупным начальникам И.С.Уншлихту (Реввоенсовет), М.А.Трилиссеру (ОГПУ), К.Б.Радеку (Коминтерн). Невзирая на то что письмо Чичерина содержало гриф «чрезвычайно секретно», оно было отпечатано в секретариате наркома в количестве 29 экземпляров (согласно протоколу).

«Тов. Молотову. 13 июня 1926 года.

Уважаемый Товарищ, приехавший в Москву художник Рерих, большой знаток буддизма, только что объехал значительную часть Тибета и Китайского Туркестана. Он проник также в некоторые области северной Индии. Там имеются буддийские общины, отвергающие официальный ламаизм и стоящие на точке зрения первоначального учения Будды с его примитивным потребительским коммунизмом. Это способствует их симпатии к коммунистической программе и к СССР. Это обстоятельство связывается с их борьбой против поддерживающих ламаизм официальных верхов буддийских государств.

Эти буддийские общины поручили Рериху возложить на гробницу Владимира Ильича небольшой ящик с землей того места, откуда происходил Будда. Рерих привез этот ящик и спрашивает, что с ним делать. Он предлагает передать его в Институт Ленина. Кроме того, эти буддийские общины прислали письма с приветствиями Советскому государству. В этих приветствиях они выдвигают мысль о всемирном союзе между буддизмом и коммунизмом. Рерих предлагает передать эти письма точно так же в Институт Ленина. Прилагаю переводы этих двух писем. Если бы с нашей точки зрения было признано допустимым опубликование этих писем, то нужно будет еще выяснить у Рериха, возможно ли это с конспиративной точки зрения, ввиду крайне деспотических методов английских властей в этих местах. С коммунистическим приветом, Чичерин» [50].

Художник преподнес в дар советскому народу восемь своих полотен (по другим данным – девять), написанных в ходе экспедиции. Это были, в основном, картины из серии «Майтрейя» (одна из них, «Шамбала идет», затерялась, ее местонахождение до сих пор неизвестно) и две примыкающие к серии – «Красные кони» и «Явление срока». Последняя особенно примечательна. Рерих изобразил огромного размера голову богатыря, парящую в облаках над горами. В этой голове, которая обращена на восток, безошибочно угадывается Владимир Ильич Ленин, его характерный легкий прищур и устремленный вдаль взгляд.

Картина «Явление срока» задумана в 1925 году в Хотане. Самое поразительное, что первоначальное название картины и есть «Гора Ленина». В Москве она фигурировала еще под своим настоящим именем, в дарственной Рерих собственной рукой написал: «Гора Ленина» [51]. Идея картины выражена в короткой, ёмкой рериховской фразе: «Настал срок восточным народам пробудиться от векового сна, сбросить цепи рабства» [15]. Интересно, что сюжетный рисунок повторяет более раннее произведение «Сон Востока» (1920). На картине такая же ленинская голова, но с закрытыми, спящими глазами. В этом ярком образе еще присутствует заряд антибольшевистских настроений Рериха. В 1926 году художник уже повернулся лицом к Советам и глаза Ленина открылись.

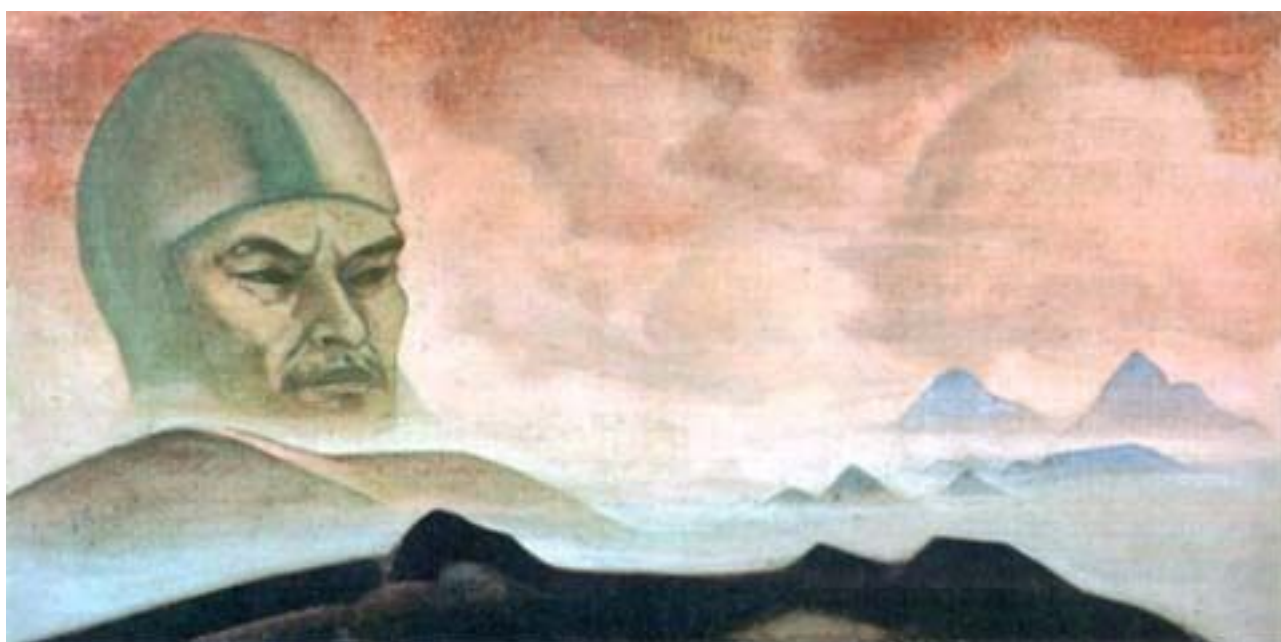
Серия «Майтрейя» подарена была не случайно. Она высокий символ той идеологии, с которой приехал Рерих на переговоры в Советский Союз. Николай Константинович сказал Чичерину на встрече: «Майтрейя символизирует для Востока приближение Новой эры» [15]. Эти слова вмещали в себя всё – и Новую Страну, и Новую Россию. Картина «Майтрейя Победитель», завершающая серию, досталась персонально Луначарскому в знак глубокого уважения.

С наркомом образования Рерихи давно уже наладили контакт через двоюродного брата Елены Ивановны – Степана Степановича Митусова. Это произошло после посещения художником Берлина, указания шли Шибаеву в Ригу, а оттуда – в Ленинград. Митусов, будучи талантливым музыкантом, работал в сфере музыкального образования, хорошо знал Луначарского и даже одно время жил с ним в Петербурге по соседству. Позже, в 1920-е годы, когда нарком наезжал из Москвы в северную столицу, чтобы навестить родственников, Степан Степанович посещал его дома, на улице Некрасова. Об этом свидетельствует ныне здравствующая дочь С.С.Митусова, Людмила Степановна. Этот же факт подтверждают и

письма самого Степы Митусова на Гималаи. «Почему Ты не хочешь послать Луначарскому "Листы Сада Мории"?» – спрашивает он Николая Константиновича (22.7.1924) [52]. Не прошло и полгода, Митусов снова пишет Рериху, уведомляя, что получены известия от Ляли, то есть Елены Ивановны. «Письмо и записку от Ляли получил. Записку сообщил заказным письмом Наркому Луначарскому» (4.12.1924) [52]. Что же это за записка? Оказалось, краткое послание без обращения и без подписи было отправлено Рерихом из Парижа (через Ригу).

Н.К.Рерих. Сон Востока. 1920

Н.К.Рерих. Явление срока (Гора Ленина). 1926

«Сердце планеты бьется в Азии. Счастлива Русская страна принадлежать к этой части света. Спешно создается новый общий дом. Около двух с половиной лет пройдет, пока получатся новые возможности. Нужно деятельно ждать, зная, что спешим. Наши посланные

сами постучатся и скажут одно слово – Дорджи. Значит молния блеснула и пора слушать... Прекрасно будущее, и сказанное верно так же, как говорю из-за самой высокой горы» (18.9.1924) [35].

Из Кашгара нарком просвещения, еще раньше, чем Чичерин, тоже получил письмо от «Махатмы Индийского» (19.1.1926). Он уже хорошо был осведомлен о «великом Союзе Востока» и о том, что «превосходство Азии является космическим течением».

В личной библиотеке Луначарского, которая частично хранится в настоящий момент в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), оказались рериховские издания, вышедшие в 1920-х годах, в том числе редкая книга «Община» (напечатана во Внешней Монголии). В этой монгольской «Общине» воздается хвала Новой Стране и ее великому вождю Ленину. В начале 1927 года – книга как раз была издана в Урге – Рерихи еще питали надежды на сотрудничество с коммунистами. Они верили, что Мировой план осуществится при поддержке Советов. Но со временем надвинулась очевидность провала миссии в Москву, ее полная безрезультатность, и в 1930-е годы появилось новое, рижское издание «Общины». В ней уже не было ни единого слова о «русском Махатме». Там же, в Риге, вышла большая иллюстрированная монография «Рерих» (1939), в которой воспроизведены, наравне с лучшими полотнами художника, все семь картин серии «Майтрейя». Однако среди репродукций не оказалось знаменитого «Явления срока». Рерих заменил ее на картину «Сон Востока». Ленин снова закрыл глаза – все сроки были безвозвратно упущены, и богатырь уснул крепким непробудным сном.

III

Приближение экспедиции Рериха к сердцу Центральной Азии – это новая глава Великого плана. Из Москвы путь лежал через Алтай на просторы Монголии (алтайской поездке будет уделено особое место). Небольшой отряд остановился в Урге в сентябре 1926 года, и его руководитель предпринял длительную подготовку к Тибетской экспедиции. Она намечалась на весну 1927-го. Именно к этому времени истекало два с половиной года, о которых сообщалось в записке Луначарскому. Видимо, поход на Лхасу и таил в себе «новые возможности».

8-го марта 1927 года Николай Константинович подал поверенному в делах СССР в Монголии Л.Е.Берлину список участников «художественно-археологической» экспедиции в Тибет (в дополнение к письму от 28 февраля) [53]. В состав каравана входили: начальник экспедиции Н.К.Рерих и его жена Е.И.Рерих, помощник начальника Ю.Н.Рерих, врач К.Н.Рябинин, заведующий транспортом П.К.Портнягин, заведующая хозяйством Л.М.Богданова (потом присоединилась ее сестра И.М.Богданова) и конвой экспедиции, тибетец Кончоги и бурят Дава Цыримпилов. Позже были включены еще восемь человек технического состава.

Полпредство СССР направило «вербальную ноту» в Министерство иностранных дел МНР и просило «не отказать в любезности в выдаче охранной грамоты академику Рериху» и его спутникам на беспрепятственный переход монгольской границы в пункте Юм-Бейсэ и провоз имущества экспедиции, в том числе валюты и оружия [54]. Что касается вооружения, то и здесь не обошлось без советских представителей. Рериху была отдана часть оружия и снаряжения, оставленная в Урге экспедиционным отрядом П.К.Козлова.

Участники Тибетской экспедиции. Улан-Батор, 1927.
Слева направо: К.Н.Рябинин, Ю.Н.Рерих, Н.К.Рерих, П.К.Портнягин
и американские сотрудники З.Г. и М.М. Лихтманы

Началось формирование нового каравана. Будучи в Монголии, Рерих поддерживал связь со своим братом, архитектором Борисом Константиновичем, проживавшим в Ленинграде, и через него вызвал в экспедицию доктора Константина Николаевича Рябинина. Его Рерихи хорошо знали еще до революции, короткий период он лечил Елену Ивановну. Доктор был известен как специалист, который использовал, помимо традиционных, восточные методы лечения. Он прославился тем, что вылечил японского императора. Другой член экспедиции Павел Константинович Портнягин тоже был приглашен Рерихом принять участие в путешествии через Тибетское нагорье. В то время еще совершенно молодой человек 23-х лет, он проживал в Нижнеудинске. Увлекался теософией, йогой и восточной философией. Это увлечение, вероятно, и привело Портнягина в Тибетскую экспедицию. Гораздо позже, в одном из послеекспедиционных писем к Е.И.Рерих, он называл себя наивным романтиком, поскольку «представляя Махатм святыми отшельниками, мечтал остаться в Тибете, чтобы вести жизнь, подобную им» [55]. К каравану присоединились также бывалые паломники, буряты и монголы, которые хотели попасть в Лхасу на поклонение святыням Поталы (главной святыней был, конечно, Его Святейшество Далай-лама). Они считались и солдатами, и помощниками по всем статьям. Перед самым началом экспедиции Юрий Рерих безрезультатно обучал их основам воинского искусства.

В самый разгар подготовки к тибетскому походу Рерих посетил правительственные апартаменты Монгольской Республики. 11 марта 1927 года состоялось заседание правительства, и перед открытием собрания художник вручил в дар монгольскому народу свою картину «Великий Всадник». Это монументальное полотно было задумано еще на пути к Москве, в Хотане, оно предназначалось специально для монголов, охваченных религиозным чувством ожидания светлого будущего и прихода царя Ригден Джапо, или Владыки Шамбалы. Его прототипом стала танка «Красный Всадник», купленная в Ладаке. В одном из ургинских писем Е.И.Рерих сообщала в Америку, что «Н[иколай]

К[онстантинович] пишет картину в дар Монг[ольскому] Прав[ительству] от СССР» [56]. В то же время Зинаида Лихтман утверждала, что сделать такой подарок вынудил советский полпред Никифоров, в результате чего и обнаружилось пребывание Рериха в Монголии. На некоторое время после Москвы Николай Константинович как-то исчез с политического горизонта, и где он находился, за рубежом никто не знал. Его «потеряла» даже британская разведка. Перед отъездом экспедиции из Красной столицы советская пресса опубликовала сообщение о том, что художник отправляется в новое путешествие в Африку, в Абиссинию.

Н.К.Рерих. Красный Всадник. 1926

Картина «Великий Всадник» (1927) написана как синтез двух других картин. Первая, о которой уже шла речь, это «Шамбала идет» из серии «Майтрейя». На фоне темно-синего неба, в клубах огня и молний стремительно несется на красном коне всадник с красным знаменем. Владыка Шамбалы возглашает своим приходом Новую эру Майтрейи. Вторая картина «Красный Всадник» (1926) сходна с первой своим наездником, скачущим с высоко поднятым красным знаменем. Одет он в монгольские одежды, но очень похож на красноармейца в шинели и буденовке, а в его вытянутой левой руке сверкает пятиконечная звезда. Все элементы откровенно большевистской символики в «Великом Всаднике» были опущены. В то же время в нее перешел монгольский колорит – в нижней части картины зеленеющие поля с шатрами и голубые высоты хребтов Богдо-Улы. В круге собрался Великий Хурулдан, слагающий решения новой жизни. Оседланные кони готовы нести вестников во все концы монгольской земли. На холсте с обратной стороны картины написано по-тибетски ее название: «Царь Ригден – Владыка Северной Шамбалы».

Репортаж о передаче картины правительству Монголии был опубликован в русскоязычной газете «Известия» (Улан-Батор Хото), в выпуске от 18 марта. Там же помещено письмо Н.К.Рериха: «Монгольский народ строит свое светлое будущее под знаменем нового века».

Праздник культуры.

Передача Монгольскому Правительству картины Академика Н. К. Рериха.

В пятницу 11-го марта, перед обычным заседанием Правительства состоялась передача картины Н. К. Рериха: «Великий Всадник».

Совершенно неожиданный в жизни Монгольской Народной Республики культурно-художественный праздник. Впервые Правительство Республики получает дар исключительной ценности—картину, написанную рукой большого мастера, всемирно-известного русского художника Н. К. Рериха.

Яркие тона картины и экспрессия характерно восточной трактовки сюжета оставляют глубокое впечатление. На темно-синем небе ярко горит алая звезда. В клубах огня и молнии в стремительном полете несется красный всадник с красным знаменем в руке. Внизу зелено-эмалевой грядой залегли знакомые высоты Богдо-Ула. Перед юртой собрался в круге Великий Хурадан, и оседланные кони готовы нести вестников с новыми вестями.

В особой рамке будет помещено глубоко значительное следующее письмо Н. Рериха:

«Привет Правительству Монгольской Народной Республики.

Монгольский народ строит свое светлое будущее под знаменем нового века. Великий Всадник освобождения несется над просторами Монголии. На нем весь доспех и знамена заповеданных сроков. В нем все великие

бывшие жизни претворились в строительство общечеловеческой радости широкого будущего. Стоит средоточия жизни и общины. Тучнеют стада коней и скота. И зазеленела степь и покрылась высоты Богдо-Ула свежей невиданной травой. Пришло время и пришли сроки. И на юртах выступили начертания самые счастливые. И Великий Хурадан в деятельном совещании слагает решения новой народной жизни. И громовно звучит зов красного прекрасного Владычного Всадника. Во время расцвета Азии считалось лучшим подарком произведение искусства или книга. Пришли опять лучшие времена Азии. Прошу Правительство Монгольской Народной Республики принять от меня картину: «Великий Всадник».

Председатель Правительства, Цырен Дорджи, принимая картину, закончил свою речь следующими словами: «Пусть идея нашего общего Учителя Ленина распространится по всему миру, подобно пламени, изображенному на этой картине, и пусть мужи, следующие этому учению, будут продолжать свою работу с той же решимостью, с какой несется изображенный Великий Всадник».

Надо пожелать, чтобы этот дар явился лучшим украшением вновь создаваемого Национального Музея при Ученом Комитете Монголии.

**Помогая узникам капитала,
мы укрепляем тыл мировой революции.
Товарищ, ты состоишь членом Мопра?**

Из газеты «Известия» (Улан-Батор).
18 марта 1927

Великий Всадник освобождения несется над просторами Монголии. На нем весь доспех и знамена заповеданных сроков... Пришли опять лучшие времена Азии. Прошу Правительство Монгольской Народной Республики принять от меня картину "Великий Всадник"» [57]. Принимая «дар исключительной ценности», председатель правительства Цырен Дорджи произнес ответную речь. Он закончил ее словами: «Пусть идея нашего

общего Учителя Ленина распространится по всему миру, подобно пламени, изображенному на этой картине, и пусть мужи, следующие этому учению, будут продолжать свою работу с той же решимостью, с какой несется изображенный Великий Всадник» [там же]. Передача рериховской картины явилась совершенно неожиданным праздником культуры. Вскоре художника посетил уполномоченный Монгольского правительства Цыбен Жамцарано и попросил нарисовать эскиз здания Национального музея, создаваемого при Ученом комитете Монголии. В этом храме-хранилище, по выражению Рериха, и должна была быть установлена его картина, которую в своем дневнике «Алтай–Гималаи» он переименовал и назвал очень точно «Владыка Шамбалы». Храм предполагалось соорудить из порфира и яшмы. «Что удивительно, – сказал Жамцарано, – так это понимание великого времени» [58]. Уполномоченный вручил художнику благодарственное письмо Правительства МНР на монгольском языке.

«В кратком прозрении созидательной работы светлого будущего монгольского народа наш друг Николай Рерих написал великолепную картину, видя Великого Мужа, несущегося в пространстве со знаменем свободы для народов обширной страны Монголии. И эту свою картину вместе с текстом на русском и монгольском языках поднес в подарок Правительству. О том как Правительство с благодарностью приняло этот подарок, будет напечатано в нашей официальной газете.

Товарищ Николай Рерих увидел и осознал возрождение нашего монгольского народа и поднес подарок – картину «Великий Всадник». Это является великопамятным событием, поэтому Правительство считает своим долгом глубоко благодарить Николая Рериха. 17-го года 4-й луны 6-го дня (6 апреля). Секретарь Правительства Бальджи Нима» [59].

Особенное почитание монголов, выказанное художнику, обусловлено было событием, случившимся накануне приезда экспедиции в Ургу. Жамцарано рассказал, что в августе 1926 года один видный лама имел видение: «Все монголы, обратившись к западу, молились. Вдруг появился Великий Всадник и повернул их головы на юго-восток» [4, с. 276]. Жамцарано подчеркнул, что Рерихи приехали в сентябре, и потому монголы «придают огромное значение» картине «Великий Всадник». Причем прибыли они в Ургу именно с запада, из Москвы, и должны были отправиться в Тибет. Уважительное отношение к Николаю Константиновичу выказали не только ламы, но и партийные лидеры. Помимо письма от Правительства МНР, Рерих получил предложение от главы ЦК перевести на монгольский язык книги «Основы буддизма» и «Общину», третью книгу из серии Учения «Живой Этики».

Пребывание экспедиции в Монголии оставляет множество неразрешенных вопросов. Например, до конца так и не ясно, чем занимались ее члены сразу же по приезде в Ургу. Можно предположить, что после полугодового странствия по Азии нужен был отдых. Рерихи действительно писали картины и книги. Однако трудно представить полное бездействие – имеется в виду внешняя, социальная (и политическая!) активность, с таким успехом начатая в Москве. Разве способна умолкнуть деятельная натура Рериха?.. Тем не менее, факт налицо, в путевом дневнике Николая Константиновича монгольский период отсутствует. (Отсутствует он и в дневнике Юрия Рериха, есть только описание Урги и ее истории). Всего несколько страниц относятся к Монголии, с того самого момента, когда приезжают Б.К.Рерих, доктор Рябинин и американские сотрудники Лихтманы и начинаются последние сборы перед выходом каравана в Тибет. За бортом оказывается дружба Рериха с секретарем Учкома Монголии Ц.Ж.Жамцарано, с которым можно «побеседовать о самых сокровенных преданиях» (по выражению Николая Константиновича). Кроме того, научные контакты со знаменитым путешественником П.К.Козловым (осталась только памятная фотография, групповой снимок участников Монголо-Тибетской экспедиции Козлова с Рерихом). И наконец, деловые встречи с полпредом П.М.Никифоровым и другими сотрудниками генконсульства – П. В. Всесвятским, Я.Г.Блюмкиным, Л.Е.Берлиным, фигурами, достаточно выдающимися в политической жизни. Всё это как-то выпадает из общей картины экспедиции. Ведь Рерих надеялся по возвращении из Тибета, завершив «коммунистическое задание», получить назначение на пост «начальника экспедиционного отряда для защиты интересов Союза Советских республик» в Центральной Азии. Так

записала в своем дневнике Е.И.Рерих (15.11.1924) [35]. Несомненно, так и планировали в самом конце 1924-го.

Оставим без комментариев другие дневниковые записи: о намерениях открыть в Урге военную школу для монгольских и калмыцких детей (5.8.1924) и отделение Пекинской медицинской школы Рокфеллера (потенциальные санитары для войск), о поставках Хоршем оружия в Монголию (1.8.1924). В то время Рерихи всецело учитывали американские интересы. Соединенные Штаты, возможно, готовы были сбывать часть своего оружия, чтобы получить влияние в Монголии. Но после провозглашения МНР (1924) там всё больше и больше стало укрепляться присутствие Советов, и к 1927 году вряд ли можно было говорить о каких бы то ни было военных приготовлениях. Разве только воздействовать на религиозные чувства монголов, собирая их под знамена Майтрейи. Есть основания полагать, что в Монголии Рерихи всё-таки вели «религиозную» работу. В архиве нью-йоркского Музея сохраняются следы такой деятельности. К примеру, для публикации в местной прессе анонимно было подготовлено «Восточное сказание о Ленине». В нем повествуется об Учителе-герое, Батур-Бакше Ленине, который пришел сказать народам «слово истины». Эта компиляция материалов впоследствии была включена в известную книгу легенд и сказаний «Криптограммы Востока» (составила Е.И.Рерих). Правда, ни в одном из многочисленных изданий так и не прояснилось, кто этот безымянный Учитель-герой, которого призывает Воитель Шамбалы, указывая на копья воинов и «пыль великую» от степных скакунов. Везде он назван просто Батур-Бакша. Совсем другие смыслы обнажаются, когда знаешь, что за всем стоит образ революционного вождя. «Батур-Бакша Ленин не умер, но ищет новых товарищей, не боящихся слова Истины» [60]. В таком свете жизнь Рерихов в Монголии выглядит тоже иначе.

13-го апреля 1927 года Тибетская экспедиция выступила из Урги в направлении Лхасы. За этот день у Е.И.Рерих в дневник вписана одна-единственная фраза: «Отъезд Посольства в Тибет» [61]. Дальнейшие записи позволяют расширить наши представления, поменять акценты и увидеть в художественно-археологической экспедиции совсем иное явление. За миссией в Москву последовало другое – Буддийское посольство в Лхасу. Как представитель Союза Западных буддистов Рерих направился на переговоры с Далай-ламой XIII.

У тибетского полпреда в Монголии, доньера Лобзанга Чолдена были получены паспорта на посещение заоблачной столицы Тибета. Первым крупным пунктом, где предполагалось сменить транспорт, обозначился Юм-Бейсэ. Почти 750 миль караван шел на грузовиках, предоставленных в аренду торгпредством СССР. Далее пришлось нанять сотню верблюдов и десяток лошадей, чтобы пересечь Центральную Гоби и болотистую равнину Цайдама. Это единственное надежное средство для передвижения в труднодоступных районах. В пути решено было устроить остановку на отдых в пустынной местности Шарагольджи. Она продлилась полтора месяца.

В долине реки Шарагол, где разбили лагерь, в самый разгар лета, 28 июля произошла встреча основного каравана и отряда полковника Кордашевского. Теперь все члены экспедиции окончательно объединились для выполнения главной задачи. Продолжительная стоянка была использована для строительства субургана в честь Шамбалы. Его освящение состоялось 7 августа при стечении большого числа монголов и местных лам. Субурган выбелили известью и разукрасили колесами учения Благословенного и изображением Чинтамани. А на следующий день приехал со своей свитой верховный лама Цайдама и также устроил службу, посвященную Владыке Будде. На вопрос цайдамского священника о целях путешествия по Тибету, обращенный к руководителю экспедиции, «последовал ответ, что мы американцы и едем посольством от Западных буддистов и что близко наступление времени Шамбалы» [62]. Десять дней спустя экспедиция выступила через Цайдам по направлению к хребту Гумбольдта и далее в глубь тибетских гор.

Субурган Шамбалы на Шараголе. 1927

Посольство в Лхасу готовилось основательно. За полгода до выхода экспедиции, осенью 1926-го американским сотрудникам было направлено задание изготовить орден «Будды Всепобеждающего». Этот «буддийский знак» Рерих просил заказать в лучшей ювелирной мастерской Тиффани. Он специально нарисовал в виде образца целых три эскиза. На фоне давидовой звезды (в другом варианте – двойной ваджры) выделялась рельефная золоченая фигура Манджушри – «воинственного» бодхисаттвы с огненным мечом. У его лotosовых стоп красовалась еще одна звезда – пятиконечная. Для того чтобы придать изображению вид драгоценности, было предложено применить сложную технику: сделать ярко-червонную позолоту и синюю и зеленую эмаль в ауре Благословенного.

Н.К.Рерих. Эскиз ордена «Будды Всепобеждающего»
(в натуральную величину). Акварель. 1926.
Архив Русского культурного центра, Амхерст колледж, США

Елена Ивановна предупреждала, что орден в виде подвески предназначается «большому буддийскому лицу». Она писала в Америку 28 ноября 1926 года:

«Весною знак должен быть привезен нам. Силуэт должен быть спокойным. Рельеф фигуры должен быть значительным. Гравировка пламени и лучей должна быть значительна по углублению. Солидно и ценно. Закажите три таких знака. Родные, приложите все усилия, чтобы сделать как можно лучше. Совершенно необходимо, чтоб знак этот имел вид драгоценности» [56].

Кому же предназначалась такая драгоценность?.. И притом, три экземпляра. Стоимость одного массивного, изготовленного из серебра ордена составила 700 американских долларов (!). Это три месячных экспедиционных жалованья Рериха или четырнадцать профессорских зарплат Гребенщикова. На оборотной стороне рериховского эскиза Елена Ивановна написала имена будущих владельцев. Первый орден предназначался Далай-ламе, второй – Таши-ламе, третий... Последним награжденным мог оказаться, по крайней мере, тоже лама, рангом не ниже, чем первые два. Быть может, Западный Далай-лама?..

Н.К.Рерих с танкой Майтрейи перед началом Тибетской экспедиции.
Улан-Батор, 1927

Миссия Западных буддистов в ходе экспедиции сделалась очевидным фактом. Она утверждалась открыто, без оглядки на Москву. Вначале Рерих надеялся на какие-то взаимоотношения с Советами, но в пути он все больше стал понимать, что опираться надо на собственные, «буддийские» силы. Еще в Урге Николай Константинович сказал Зинаиде

Лихтман о Луначарском: «Сам по себе он не представляет большого интереса» [36]. А в дневнике Е.И.Рерих появилась довольно резкая запись: «Явление Трилиссера позорит Москву» (6.4.1927) [61]. Когда вышли на маршрут, то суждения стали более определенными, относительно невозможности сотрудничества с Советским правительством. Будущее Азиатской России должно быть самостоятельным. «Кроме Ленина, не видим на Московии общинников. [Иваны] Сотысячные на Московии не живут, потому делим Сибирь от Москвы» (24.4.1927). «В последний раз обернемся на Москву, на историческое событие ультиматума... Москва гниёт» (4.8.1927) [61]. Однако какой-то шанс для большевиков оставался.

Совершенно очевидно, Рерих повернулся в сторону Америки. Над палаткой руководителя экспедиции вскинулся звездчатый американский флаг. Вслух высказывались мысли о создании объединенных «Штатов Азии» (возникает мгновенная ассоциация со Штатами Америки). После Шарагольчи были предприняты меры безопасности. Даже между своими запретили произносить слова «большевик» и «Москва» и вообще вести какие-либо разговоры, касающиеся Европы, – только Азия. Теперь только Союз Азии имел значение. Само собой разумеется, не стало упоминаний о военных делах, и у членов экспедиции были изъяты и уничтожены русские фуражки. Прилюдно все называли себя исключительно «западными буддистами».

5-го сентября 1927 года показались тибетские горы, и через 20 дней пересекли границу Тибета. В начале октября проводники заговорили о первом населенном пункте Нагчу, до этого дзонга оставалось шесть переходов, то есть всего шесть дней пути. Перед Нагчу развернули знамя Майтрейи. Его сшили четверо бурятских лам, которые присоединились к каравану в Урге. Оно представляло собой старую танку с изображением грядущего Владыки, отороченную со всех сторон широкой полосой шелка. К навершию древка прикрепили бронзовый акдордже. Также были приспособлены в виде знамен изображения Шамбалы и Будды Побеждающего. Для того чтобы придать всему посольству значительный характер в глазах тибетцев, экспедиция получила тибетское название «Рита Ригден», по имени ее главы. Рерих предпринял конкретные шаги к закреплению Всемирного Союза Западных буддистов. После Нагчу он планировал отправить весь экспедиционный груз на яках, налегке заходить в монастыри и «сеять весть о возрождении буддизма». Этим намерениям не суждено было осуществиться. Нагорье недалеко от Нагчу оказалось роковым местом. Тибетские власти остановили караван на берегу реки Чунарген, и экспедиции пришлось зимовать на высотах Чантанга. Это был беспрецедентный случай в истории путешествий, когда люди надолго оказались в ледяном плену, в страшном холоде и голоде, неизбежным следствием которых являются цинга и смерть. Рерих оставил летопись погибающего каравана в своем путевом дневнике «Алтай–Гималаи».

«Ласковые два дня превращаются в свирепые пять месяцев нашего стояния в летних палатках при морозах свыше 60° С, при ураганных вихрях на высоте 15000 футов. Оставлен с нами всегда пьяный майор и дикие оборванцы солдаты. Запрещено говорить с проходящими караванами. Запрещено покупать пищу от населения. Медленно погибает караван. Каждый день у палаток новые трупы, и стаи диких псов шумно делят свою новую трапезу. Из 104 караванных животных погибает 90. Умерло пять человек: три монгольских ламы и два тибетца... Грифы и орлы спорят со стаями собак о добыче» [34].

В чем же причина столь нечеловеческих мучений? В основе лежат скрытые пружины событий, до конца еще не разгаданных. Уже упоминалось, что Рерих направился в Тибет как представитель Всемирного Союза буддистов (с центром в Нью-Йорке) на встречу с Далай-ламой. Его миссия должна была завершиться переговорами о реформировании буддийского учения и официальным признанием параллельной ветви Западных буддистов. Причем не важно, каким будет решение Его Святейшества. Если даже отрицательным, то неизбежным исходом переговоров станет самопровозглашение. Рерих тогда сам мог бы «определить отношение к Ламе Тибета – или временно признать его, или начать самостоятельное очищение религии» (24.10.1927) [61]. Дело в том, что некий «Союз Западных буддистов» – он нигде не был заявлен как религиозное или социальное движение – поручил Рериху осуществить связь буддистов Запада с буддистами Востока. На повестке дня действительно

стояла реформа буддизма в Тибете и в других странах распространения Махаяны. Часть западных буддистов якобы поддерживала Далай-ламу. «Тогда как другая часть буддистов Запада, – писал участник экспедиции Портнягин, – считала положение буддийского Учения на Востоке безнадежным в силу его вырождения в пустую обрядность и невежественный шаманизм» [63].

Эскиз панно на буддийский сюжет для Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. 1927

Грандиозный План Рериха был нацелен на то, чтобы образовать новый мощный центр буддизма в Сибири со своей независимой столицей на Алтае. Фактически речь шла об избрании русского Далай-ламы. И такой Далай-лама был утвержден... Кем и на каких полномочиях – об этом сообщает в своем дневнике полковник Кордашевский. Если Буддийский центр в Нью-Йорке не получит к 24-му ноября из Лхасы уведомления о завершении миссии Рериха, то день в день в Америке состоятся выборы главы Западных буддистов. И в случае избрания Западом «другого Далай-ламы» необходимость в переговорах с Его Святейшеством отпадает [64]. Неизвестно, проводились ли официальные выборы – по некоторым сведениям, Собор буддистов состоялся 27 ноября, – но Буддийский центр действительно существовал при Рериховском музее. Много лет спустя тот же Портнягин свидетельствовал на допросе в НКВД, что Рерих «организовал буддийское общество, в которое вошли ряд богатых американцев» [65]. В Мастер Билдинге, или Доме Учителя (его строительство началось в 1927 году), согласно проекту должен был помещаться храм в честь Будды и Шамбалы. Для проведения храмовой службы в Нью-Йорк предполагалось вызвать ученого ламу из Тибета. В небоскребе размещались все рериховские учреждения, включая Музей. На вершине 24-этажного здания (позже добавилось еще пять

этажей) и возводился этот буддийский храм в виде ступы. В последний момент проект был несколько изменен – ступа приобрела стилизованную форму, а большое панно на буддийский сюжет при входе, в главной гостиной Дома, заменили картиной Рериха «Сокровище Ангелов». Все эти изменения, вероятно, явились результатом трагических событий в Тибете.

Итак, тибетские власти отказались принять посольство Всемирного Союза, и Далай-ламой на Западе был избран Н.К.Рерих (согласно дневнику Е.И.Рерих). А заместителем Далай-ламы в Америке – младший сын Святослав. С Николаем Константиновичем всё понятно. Что же касается Святослава Рериха, то в подтверждение его статуса можно вспомнить, что в письмах Елена Ивановна неоднократно называла своего сына «Махатма Люмоу» [66]. Сам по себе такой План вещь невероятная. Его осуществление всецело зависело от решения лхасского Владыки и от жестких сроков, в которые это решение принималось. Можно только констатировать факт. Оценивать подобные явления объективно невозможно. Никаких документов о проведении Собора буддистов пока нет.

Единственное, что говорит в пользу реформаторов, – незадолго до Тибетской экспедиции в Урге была опубликована книга Е.И.Рерих «Основы буддизма» (1927) на русском и, позже, английском языках. Она появилась буквально вслед выступившему каравану. Этот труд написан с отступлением от общепринятых представлений о буддизме, он является своего рода программой реформации буддизма. «Основы» открывались предисловием, в котором уже самые первые слова опрокидывали устоявшиеся буддийские каноны: «Великий Готама дал миру законченное учение коммунизма». И далее: «Современное понимание общины дает прекрасный мост от Будды Готамы до Ленина» [67]. Кстати, в начале книги была помещена вклейка с изображением того самого Манджушри с мечом, который являлся главным элементом изготовленного Рерихами ордена «Будды Всепобеждающего».

Обложка книги Е.И.Рерих «Основы буддизма»

Великий Ботата дал миру законченное учение
Коммуниста. Всякая попытка сделать из великого
революционера Бота приводеит к неслепоте.
Конечно до Ботата был целый ряд подвижников
обязано блага, но учение их расплылось сотнями
веков, потому учение Ботатае должно быть при-
нято, как первое учение знаний законов великой ма-
терии и эволюции мира.

Современные поклонники Общины дают предвзятый
мнение от Будды Ботатае до Ленина. Крайности
эту формулу не для возвышения, не для утешения
но как факт очевидный и неопровержимый.

Закон безстрашия, Закон отбоя от собственности,
закон ценности труда, закон достоинства челове-
ческой личности для классов и внешних отличий,
Закон реально знания, закон любви на основе само-
сознания делают заветы Учителей непрерывной раду-
сой радости человечества.

Знает, как ценит Ленин великий Буддизм.

Построит основы Буддизма в его эволюционных заветах.
Учение простое, равное красоте Восхода, удалит без-
дней наем на удача, незастойный великого Учителя
карода. Знает что ведущий тропой великого Учителя
лей, Знает что позволит познать в великом учении
свободу, физически, как реально сама великая ма-
терия. Не будет вводить позднейшие способности,
франко сфарит о тех ешвах, которые не могут
быть отрицаны. —

Радость всем народам! Радость всем трудящимся!

Предисловие к книге «Основы буддизма» Автограф Е.И.Рерих

По представлению властям Тибета, американская буддийская экспедиция имела «мирные цели». Рерих, как глава первого в истории посольства Западных буддистов, намеревался передать Далай-ламе Грамоту, упомянутый орден и «радостное сообщение о предуказанном пророчествами развитии Учения Благословенного на Западе» [68]. Кроме того, от «буддистов Америки» были приготовлены значительные средства для пожертвований трем крупнейшим монастырям — Ганден, Де-пунг и Сера — в размере 500 тысяч нарсангов, а также лично буддийскому Владыке 2 тысячи американских долларов. Лхасскому правительству сообщалось в ходе экспедиции, что само посольство является «Чрезвычайной Миссией» и имеет «поручения по буддийскому Учению». Глава этой миссии должен лично изложить их Далай-ламе. После задержания каравана в двух днях пути от

Нагчу, Рерих предпринимал многочисленные попытки связаться с Поталой, с комиссаром области Хор и местными губернаторами. Он направлял телеграммы в Америку сенатору Бора и в Сикким британскому резиденту Бейли, но все усилия установить связь с внешним миром оказывались безрезультатными. Только одному Далай-ламе Рерих написал три письма. Все они не были доставлены по назначению во дворец Его Святейшества в Лхасе, а оказались выброшенными в придорожную канаву. Тибетские власти фактически задумали умерщвить иностранное посольство.

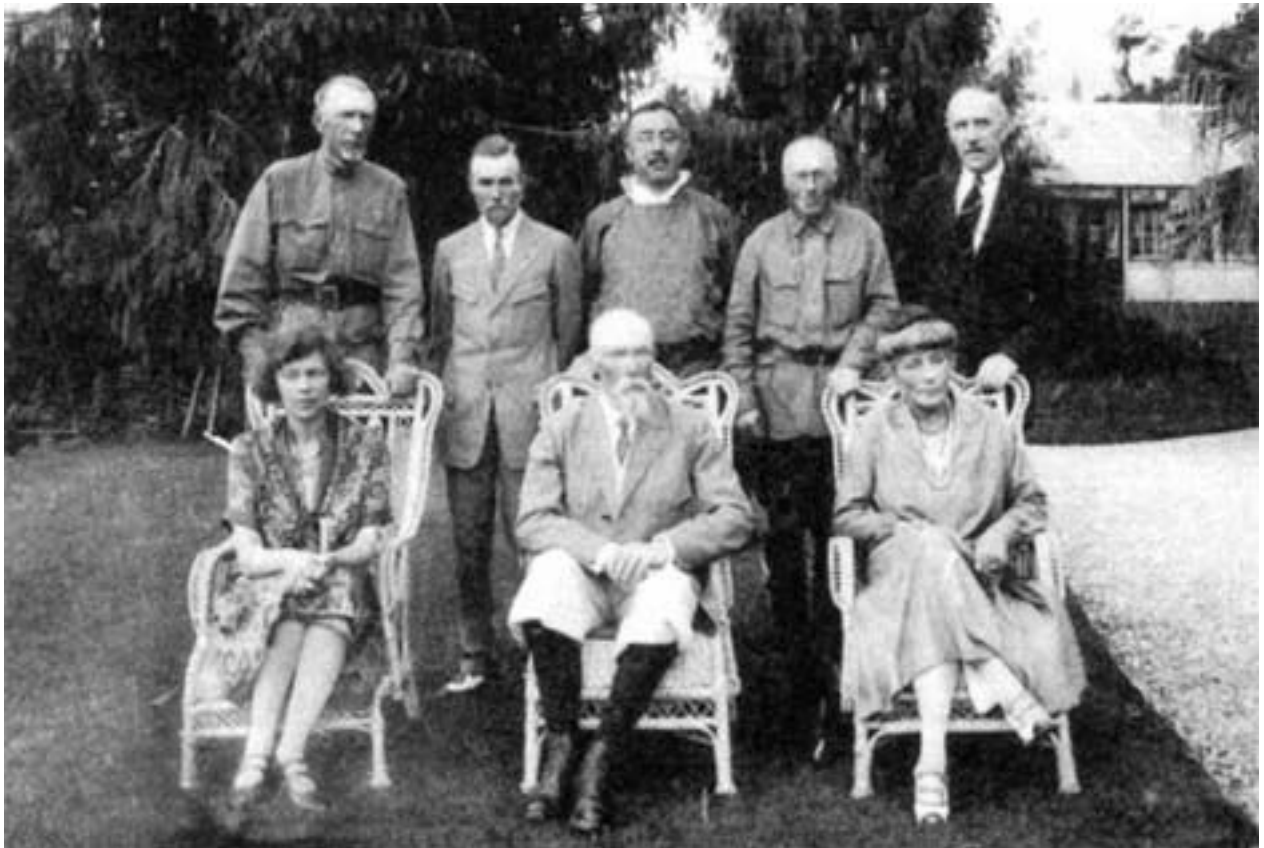
Возможно, правители Тибета смогли разузнать о «тайных» намерениях экспедиции. В дело открыто вмешались англичане. Они как раз и направляли ход событий, оказывая влияние на тибетские группировки и их борьбу в лхасском правительстве. Политический агент в Гангтоке полковник Ф.М.Бейли, считавшийся другом семьи Рерихов, «неоднократно настоятельно просил тибетское правительство по телеграфу помешать группе двигаться» не только по Тибету, но и к Сиккиму или Индии [69]. По наущению англичан Далай-лама задержал экспедицию Рериха, видя в буддийской миссии «руку Москвы». Положение осложнялось тем, что в это самое время из Лхасы была выдворена «красная экспедиция» Чапчаева, направленная в Тибет Чичериным по линии Наркоминдела. А.Ч.Чапчаев под именем Цапаг Доржи действительно возглавлял большевистскую миссию и являлся настоящим большевиком. Тибетские власти использовали этот инцидент, заявив, что если они разрешат группе профессора Рериха пройти в Лхасу, то вслед за ним туда устремятся другие «группы большевиков с европейской части России» [70]. К тому же в Потале стало известно от того самого доньера из Урги, выдавшего Рерихам тибетские паспорта, будто экспедиция «состоит из большевиков или, по крайней мере, имеет загадочное и мощное влияние на красных русских» [70]. В частном письме представитель привел случай, как его слуга, не имевший разрешения на ношение оружия, нарвался на неприятности с ургинскими властями, но был немедленно отпущен по записке Н.К.Рериха.

Главной причиной трагедии в Чантанге несомненно служила позиция британских властей, выразителем которой являлся Бейли. Он подталкивал к принятию нужных ему решений департамент иностранных дел правительства Индии и предупредил министров Тибета о большевистских настроениях Рериха. Полковник Бейли просил тибетское правительство воспрепятствовать продвижению экспедиции, и оно исполнило инструкции англичан. Британский резидент вел двойную игру. Выдавая себя за друга Рериха, он находился с ним на связи по всему маршруту экспедиции и собирал информацию о ее передвижении. Если художник и подозревал его в неискренности, то всё равно именно к полковнику Бейли вынужден был обратиться в самый критический момент. Письмо, в котором сообщалось о крайне бедственном положении, удалось отправить через Кушо Капшопа, верховного комиссара Хора. «Без преувеличения – настоящий S.O.S.!» [71]. Уже в середине ноября 1927-го Рерих просил содействия у властей Индии, чтобы караван мог без промедления покинуть «невежественную страну» и проследовать в Сикким. В конце концов разрешение уйти из Нагчу было получено, и буддийское посольство, минуя Лхасу, направилось в Индию. Претерпев новые лишения, оно достигло Гангтока 24 мая 1928 года. В столице Сиккима с распростертыми объятиями Рериха встретил полковник Бейли. Тибетская экспедиция завершилась.

Еще через несколько дней караван прибыл в Дарджилинг. После изнурительного путешествия у всех было единственное желание – поскорее расположиться на отдых. В имении «Хиллсайд» члены экспедиции жили целых полгода. Рерих решил сразу же провести расследование. От имени американских учреждений он обратился к Его Святейшеству с петицией, настоятельно требуя дать разъяснения по поводу действий тибетских властей. В воздухе запахло международным скандалом. Чтобы придать вес начатой кампании, летом 1928-го в Сикким вызвали двух американок, сотрудниц нью-йоркского Музея Зинаиду Лихтман и Фрэнсис Грант. Последняя из них была известна в общественных кругах Соединенных Штатов как талантливая журналистка. Рерих выдвинул в своем письме к Далай-ламе и Государственному совету Тибета пять пунктов обвинения. Письмо начиналось традиционным обращением, имевшим в данном контексте оттенок легкого сарказма, – «Несравненному Бесценному Защитнику всех живых существ Далай-ламе...» [72]. Тибетское

правительство принуждалось к ответу:

1) По какой причине после задержания каравана не был послан представитель от властей Тибета на встречу с главой экспедиции, чтобы обсудить дальнейший маршрут; как случилось, что официальные письма, направленные от имени посольства Западных буддистов (через комиссара Хора) остались без ответа; 2) Почему Его Святейшество не принял дары и крупные денежные пожертвования монастырям от Буддийского центра в Нью-Йорке; 3) Почему после Нагчу экспедиции было предписано следовать в Сага-дзонг северным трудным путем вместо южного, что привело к новым неоправданным потерям; 4) По какой причине власти Лхасы не признали тибетские паспорта экспедиции, выданные в Урге, а также проигнорировали три обращения, поданных Далай-ламе; 5) Каков умысел в пренебрежительном обхождении, противном нормам и традициям цивилизованных стран, прежде всего, с главой экспедиции, имя которого почитаемо во всем мире и который пришел в Тибет ради процветания буддийского учения [там же].

После окончания Тибетской экспедиции. Гангток, 1928.
Слева направо, сидят: мадам Бейли (?), Н.К.Рерих, Е.И.Рерих;
стоят: Н.В.Кордашевский, Ю.Н.Рерих, (?), К.Н.Рябинин, Ф.М.Бейли

Ответы тибетских властей Рерих намеревался сообщить «высокому правительству Соединенных Штатов Америки». Однако этому не суждено было случиться. Напуганные министры начали срочные консультации с полковником Бейли, ссылаясь на собственные оценки британского резидента, который представил Рериха как «красного русского» [73]. Англичане рекомендовали не давать письменного ответа, а сообщить обтекаемое мнение по телефону. Лхаса последовала этому совету. Такой исход стал вполне закономерным, ибо Тибет связывал свои надежды с британским правительством.

Петицию, адресованную Владыке Поталы, Рерих составил достаточно лаконично, без лишних эмоций. Чего нельзя сказать о проекте того же письма, подготовленном по свежему следу после экспедиции, где перечислены все безобразия «гостеприимного» Тибета. Этот неосуществленный вариант письма полезен как факт исторического анализа. Он подводит черту под прежними оценками «художественно-археологической» экспедиции Рериха, бытующими по сей день в научной и популярной литературе. Николай Константинович сам ставит точку и проясняет вопрос: «Я приехал в Тибет с самой высокой религиозной целью»

[74]. Великий план объединения буддистов и создания единой Азии не вызывает сомнения.

Остается неразрешенным еще один вопрос, касающийся методов борьбы за Новую Страну. Мирные они, или это вооруженные завоевания? А может быть, налицо соединение тех и других, некий буддийско-коммунистический синтез... На событийном горизонте тех лет, периода двух миссий – Московской и Лхасской, появляется фигура Н.В.Кордашевского [75]. Во всей тибетской истории, по замыслу Рериха, важное место отводилось именно ему: «Доверенный Чахембула около Тибета» [76]. Еще Указ: «Чахембула подымет знамя в Монголии. Гуру явится на пути, и Х[утухта] на соборе провозгласит начало новой кальпы» [там же]. Так творилась легенда. Новая Страна, помимо Сибири, Тибета, Китайского Туркестана, базировалась на своей старой вотчине – Монголии. Она должна была объединить кочевые народы некогда необъятной, но впоследствии исчезнувшей империи Чингисхана. Призвать своих воинов на священную борьбу за истинную буддийскую веру. Главнокомандующим Тибетской армии назначался полковник Кордашевский.

«Вторжение в Тибет полезно. Течение событий затронет религию... Удар над пустынею прогремит... Правильный путь приведет к бескровной победе. Не Наш план из пушек стрелять. Один выстрел в Будду равен целому бою... Германия может дать самолеты, родина – остальное. Америка моторы и лазареты для больных эпидемиями. Командование затем мобилизует лазареты ввиду военных действий на перевалах. Россия, тебе посылаем сотрудников по всему миру. Подыдем старые шатры, по-новому ткем знамена» (5.9.1924) [35].

Дневниковые записи Елены Ивановны ошеломляют, но они вполне укладываются в общую схему действий, предпринятых Рерихами в Азии. Постоянное балансирование между мирными путями и вооруженными конфликтами. Пожалуй, даже еще большее потрясение вызывают заметки из дневника З.Г.Фосдик (Лихтман), которые относятся к 1923-24 годам. Это переложение рериховских планов, составленных на пять лет вперед, то есть на 1928-29 годы. Речь идет о формировании одного из выпусков газеты «Томский Вестник» от 18 июня 1929-го (Алтай, согласно административному делению того времени, входил в Томскую губернию). В газетных колонках, разделенных на рубрики «от редакции», «телеграммы» и т.п., помещены корреспонденции о съезде «легатов Буддийской церкви», о занятии «дружественными войсками Северо-Восточного Тибета», а также сообщение с приисков кооперативного общества «Белуха» о прокладке «новой моторной дороги до станций уездного управления кооператива» [77]. Образец телеграммы процитируем полностью. В ней говорится об экспедиционном отряде Юрия Рериха и его научном докладе: «Кяхта, 10 июня. Ожидается прибытие командующего экспедиционным отрядом Монголии. В связи с этим Кяхтинское отделение Географического общества устроит доклад о новых исследованиях в Цайдаме» [78]. Помимо того, в рубриках даются заголовки материалов, которые, вероятно, в будущем намеревались опубликовать в газете. Понятно, они носят достаточно условный характер. К примеру, название статьи «Стремление Соединенных Штатов помочь в Алтае поднять производительность края (Беседа нашего корреспондента с мистером Л.Л.Хоршем)». Добавим, что в Сибири Хоршу отводилась роль полномочного представителя США.

Поддается ли всё это какому-либо разумному объяснению? Разве что такие записи являются проработкой вероятных ситуаций и тем социального звучания. Их необходимость определяется общей схемой предполагаемого мироустройства. Из тех же записей Зинаиды Лихтман можно сделать выводы о существовании целого ряда рисунков, принадлежащих не только Н.К.Рериху, но и его жене и сыну Юрию. Это «автоматические» зарисовки на темы азиатского будущего. Та грань, где дневниковые заметки сменяются на карандаш, иллюстрацию и внутреннее видение. Для наглядности приведем несколько описаний:

«Рисунок Будды и знамен, несомых ламами». «Рисунок выходящих из здания солдат и одного всадника, стоящего около». «Рисунок массы знамен. Алые стяги вздымаются над горой». «Рисунок палатки, войска». «Рисунок пароходов "Радонег", "Борис и Глеб"». «Автомобильные грузовики с надписью "Белуха", с. Х.О.Б.». «Рисунок коня и человека, лежащего на земле. Слушает гул движения. Пески пустыни глаголят о новом наступающем времени» [78].

Замыслы преобразований в Тибете, и шире – во всей Азии, намеченных Рерихами на 1928-31 годы, казалось бы, потерпели неудачу. Срыв переговоров в Лхасе действительно наложил отпечаток на эти замыслы. Но не настолько сильно, чтобы говорить о кардинальных переменах. Здесь проявились совершенно другие причины. Стечение обстоятельств сложило новый узор событий. План единения народов Азии получил развитие в начале сентября 1927-го, еще до задержания каравана к северу от Нагчу. И определяющим фактором стал, скорее, отход Москвы и нежелание Советского правительства изменить политический курс. (На пагубность этого курса и указал Рерих, передав московским коммунистам волю Махатм). Было решено временно законсервировать Алтай и направить все усилия на Индию. За несколько лет утвердиться на Гималаях и уже оттуда «править Звенигородом» (7.9.1927) [61]. Очень трудное и в сложившейся ситуации самое необычное решение.

Вначале пройти Тибет и избрать Западного Далай-ламу, а затем установить духовную столицу в индийском Пенджабе, в долине Кулу. Место будущего Города Знаний станет именоваться Урусвати. Таким образом было решено передвинуть План на семь лет. К этому времени будет положено основание центра в Гималаях и, кроме того, «за 36-й год оформится Новая Страна» (17.11.1927) [61]. Конечно, не вдруг и не сама собой. В декабре 1928 года Рерихи покинули Дарджилинг и отправились на северо-восток Индии. Зимой 1929-го они купили дом в Наггаре (долина Кулу), и там начал свою работу научный центр, Институт Гималайских исследований «Урусвати».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

СООБЩЕНИЕ ОТ ДОРДЖЕ¹⁶

(Г.А. Астахову)

Идея Единой Азии является руководящей идеей, и очищенное учение буддизма дает возможность проводить сближение самым искренним путем. Скоро пришлю снимки, которые прошу передать Наркому Чичерину, полпреду Красину и для себя. Необходимо, чтобы имя Будды не было оскорбляемо в Советской России.

Будда, как великая личность истинной общины, должен быть справедливо оценен. Также не должно быть оскорбляемо имя Майтрейи. Изображение Майтрейи символизирует для Востока приближение Новой Эры. Должно бережно отмечать, где это изображение почитаемо, так как там найдется наибольшая готовность усваивать о новом. Только что из Тибета пришел большой лама с указом, чтобы в монастырях немедленно созидались изображения Майтрейи. Это понятие Нового Мира объединяет Хинаяну Цейлона с Махаяной Азии и одновременно принято как у желтой, так и у красной секты.

10-го февраля на базаре прошел слух, радостно принятый, что Таши-лама прибыл в Монголию и будет строить монастырь наподобие Ташилунпо, где самое большое изображение Майтрейи. Радостно и разумно встречается наше соображение о том, что буддизм самое научное учение. Легко соглашаются, что буддизм засорен позднейшими придатками и суевериями. Идея очищения учения очень свойственна населению. Но сейчас главное, чтобы имена Будды и Майтрейи не были оскорбляемы. Иначе вся работа, делаемая с Юга, будет разрушаться с Севера. Когда же найдем, что на Юге известные идеи и устремления к России укрепились, то соединим те же нити с Севера, о чем в срок сообщу. Пока же замечаем, что всё укрепляемое в умах лам о России и об очищенном учении Будды закрепляется на Востоке удачно и дает отличные результаты. Даем на память о России вклады монастырям и подарки ламам. Когда по приезде было сказано ламам, что русские с уважением прислушиваются к основному учению Будды с его принципами общины, отречения от собственности, труда, трезвости и строго научным подходом к учению, и когда было сказано, что в России имя Будды не будет оскорбляемо – то можно было видеть при этом радость искреннего союзника. Ламы говорят: «Да, только Россия может понять истинное учение». Известно, что при многолюдных монастырях имеются боевые священные

¹⁶ Письмо Н.К.Рериха, направленное из Дарджилинга в феврале 1925 года.

дружины лам, стойко выступающие.

Путем монастырей и прохожих лам (лучшая почта) будут распространяемы грамоты, основанные на исторических данных, выясняющие непреложность скорого сознательного объединения с Россией. Эти грамоты, писанные по-тибетски, производят внушительное впечатление, так как вполне отвечают традициям летописей и хроник и подтверждают пророчества. Очень важно, что эти Указания пойдут именно с Юга. Тем легче, когда придет время, ответить на них с Севера. Чтобы ответ соответствовал посылкам, вовремя с верным человеком будет указано, что именно надо сделать.

Недавно первый английский аэроплан пытался искать путь на Тибет, через Джеланла. Прошу всячески беречь имя, ибо слежка велика, не только со стороны англичан, но и со стороны англо-тибетцев (есть и такие, хотя и мало). Ламы возмущаются тем, что вице-король приглашает к обеду ненавистного тибетского генерала (английского ставленника), а уважаемые ламы игнорируются; или тем, что англичане показывают каких-то лам в театре. Впрочем, в новой английской литературе цитируется предание Тибета о том, что «Англия в Тибете готовит путь для другой страны».

Посылаю интересную статью о восточной схеме, так цементируется пространство. Прилагаю перевод циркулярной грамоты, выданной мне из монастыря Гум. Прошу сообщить об имени Дордже полпреду Карахану, а также на Памирский пост (если там верные люди). Прошу в случае перевода Вашего или полпреда Н.Н.Крестинского в другое место уведомить новых соответствующих лиц о существе дела и об имени и прошу сообщить в Ригу или Америку о всяких изменениях. Копию прошу сообщить Наркому Чичерину и полпреду Красину.

Работа идет. Буду рад иметь вести.

С искренним приветом,

Дордже

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА ИЗ МОНАСТЫРЯ ГУМ, ДАННАЯ ДОРДЖЕ

(Перевод с тибетского)

Ом Сати. Ламам и власть имущим должностным лицам, находящимся в стране снежных гор, просьба о содействии во имя Святого Учения. Просьба оказать содействие трем явившимся в Тибет из Монголо-русской страны, к северу от снежного Тибета, ради совершения паломничества и пребывающих в Учении, отцу, супруге и сыну и всем их спутникам. Эти лица пребывали в Дарджилинге во Дворце (Далай-ламы) около трех лет и оказали содействие Учению Будды. Драгоценному Учителю из Чумбы они преподнесли приношение, а также совершили паломничество по монастырям Сиккима, оказывая всюду чрезвычайное содействие Учению и внося дары. Потому просим всех лам оказать им всякое содействие.

Ведайте, ведайте, ведайте.

Дано настоятелем Гумского монастыря. (Печать).

Nicholas Roerich Museum, New York. Копии.

ПИСЬМО ЕЛЕНЫ РЕРИХ ИЗ КАШГАРИИ СОТРУДНИКАМ В АМЕРИКЕ

Кашгар, 23.2.1926

Пишу вам, мои родные, накануне нашего отъезда. Путь перед нами длинный, думаю, дней через 50 достигнем Урумчей. Вы уже знаете, что Белый¹⁷ будет в Мичигане в конце мая. Радостна будет ваша встреча с ним, ибо все идет прекрасно. Из всех ловушек выходили победителями. Английский консул здесь распинается в любезности, должно быть, получены директивы загладить неудавшуюся их провокацию-ловушку в Кашмире. Кроме того, такая назойливая любезность лучший и простейший полицейский досмотр. Идем со всею осторожностью.

С восторгом читали «Известия», прекрасно строительство там, и особенно тронуло нас почитание, которым окружено имя учителя Ленина. Спросите дядю [Борю], он должен иметь эти газеты, – прочитайте их, очень поучительно после безумия и пошлости Запада. Воистину это Новая страна, и ярко горит заря Учителя над нею. Спешите проникнуться всем духом к данным заветам общины, ибо в этом залог спасения нашей планеты – поймите эти слова буквально. Белый при свидании многое пояснит вам из узанного и показанного нам Махатмами Востока. Многие, очень многие из явленного привело нас в ужас и трепет, но была и радость космичности момента. С каким восторгом и благоговением преклонится спасенное человечество перед этими великими душами, веками стоящими на страже эволюции планеты. Они поручили нам отвезти в Москве на могилу Ленина коробочку, наполненную землей, где ступала нога Будды (этого великого учителя и провозвестника общины), с надписями на тибетском и русском языках: «Махатмы Востока на могилу русскому Махатме».

Радуемся, что вы, при вашей духовной подготовке, легко взойдете ступень великой эволюции, и ступень эта называется – община М. Если б люди поняли, что сулит им принятие общины! Порумочка, моя родная, и вы все мои любимые, примите общину – не обеднеете. Так повторяем ежедневно. Община прекрасна! Помните все, что Америка оставлена в стороне до 29-го года, сложен будет 30-й, и лишь провозвестие общины будет тогда подобно спасательной веревке в горах. Община – ключ ко всем вратам познания и достижений. Община – ключ ко храму и дому Учителя! Община – кооперация! Слепы люди, не видят, что вокруг них и в них самих всё кричит и утверждает кооперацию. Что есть космос! Чем обусловлено самое существование нашей планеты, как не космической кооперацией. Люди, люди, вдумайтесь и поймите это и возликуйте духом перед этой грандиозной общиной вселенной. Пишу лишь об общине, ибо это самое главное, что должно войти в ваше сознание и утвердиться в нем для дальнейших достижений. Путь отказа является истинным путем вмещения, а вмещение есть ключ к космическому сознанию. Пишу эти строки, а за окном звенят колокольчики караванов, идущих на Андижан – в Новую страну. Трудно достать лошадей, всё потянулось туда.

Любимые, любимые, обнимаю вас со всею любовью и просим идти так же твердо, как вы шли до сих пор. Пусть никакая клевета не остановит вас, и не смутит кажущаяся очевидность. Помните твердо завет – чем хуже, тем лучше – тактику адверза, при которой не может быть поражений. Идем, полные безграничного устремления выполнить возложенное поручение, и все затруднения нам на пользу, все разыгрывается как по картам. Каждое затруднение как готовая ступень под ноги. Нам нужны затруднения, ибо лишь ими можем продвигаться, куда нам нужно. Поймите это буквально, тем не менее при получении от нас телеграмм понимайте их также буквально и действуйте согласно содержанию. Кончаю словами Учителя: «Скоро придется установить очередь по общине. Принятие общины и шествие можно признать камнем дня». Теперь нужно лишь твердить «община», именно повторение этого слова должно ковать жизнь. Пусть каждый понимает по-своему, но надо земле привыкнуть к шагам эволюции. Порумочка моя чутким духом поймет, как хочу оградить, охранить нашу общину. Духом приняв общину, спокойно ждите развертывающихся событий. Все ваши милые имена живут в сердце и звучат каждый своим цветом. Может быть, Радна приедет этим летом ко мне, а там и Ояна с моим Святославом.

---

¹⁷ Белый – Рерих Николай Константинович.

Берегите Софью Михайловну [Шафран]. Спасибо Логвану за письма. Нет писем от Модры, но знаем, что она занята, и радуемся. Авирах должен готовиться к своей миссии. Родная Нару, буду ждать, когда вы приедете к нам и радостно приложите свои трудящиеся руки к великой работе будущего дня, который не за горами, но уже за плечами. Тарухан, не теряйте доверия, уже недолго ждать, углубляйте общину как мировую эволюцию. Родные, передайте мою ласку моему мальчику, очень буду ждать его, ибо знаю, что он подойдет близко и поймет размер совершающегося.

Извещен ли Чахембула о близости зова?

Среди присланных этюдов из Финляндии отметил ли Светик свои и Юрия? Думаю, что не следует их все выставлять, лучше хранить в папках, среди них много незаконченных.

Еще раз обнимаю вас, любимые.

Сердцем ваша,

*Иск. Хан.*¹⁸

АВП РФ. Ф. 0218, оп. 8, папка 79, д. 175, л.33-35. Машиноп. копия.

Копия на англ. яз. – ACRC. Roerich Collection.

ПИСЬМО МАХАТМ МОСКОВСКИМ КОММУНИСТАМ

На Гималаях Мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверия. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию Общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также Мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28–31–36. Привет Вам, ищущим Общего блага!

Дано в Бурхан Булате, 1925.

ПИСЬМО МАХАТМ НАРКОМУ Г.В.ЧИЧЕРИНУ

Только глубокое осознание коммунизма даст полное благосостояние народам. Нам известно, что некоторые слои крестьянства не могут вместить идею коммунизма. Необходимо новое обстоятельство, которое введет их в русло истинной Общины. Таким всемирным обстоятельством будет принятие коммунизма Буддийским сознанием.

Если Союз Советов признает Буддизм учением коммунизма, то наши Общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности.

Доверяем посланному нашему Акдордже передать подробности нашего предложения – можем утверждать, что неотложно нужны меры для введения мирового коммунизма как ступени неотложной эволюции.

Посылаем землю на могилу брата нашего Махатмы Ленина.

Примите совет и привет наш.

АВП РФ. Ф. Отдела Дальнего Востока НКВД, оп. 1, папка 4, портфель 35, л. 7-8. Машинописная копия.

¹⁸ Письмо подписано «Искандер Ханум», псевдонимом Е.И.Рерих, который она использовала в книге переводов писем Махатм «Чаша Востока» (1925).

ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНИЕ О ЛЕНИНЕ

Своеобразная ленинская литература собирается в разных частях света. Народное творчество в легендах и песнях по-своему обрамляет облик великого революционера. Существуют целые коллекции сказаний китайских, киргизских, сартских и других народностей. Некоторые из них обнимают целые народные группы, представляя настоящий суд народов о событиях современности.

Наш восточный корреспондент сообщает одну из таких широко распространенных легенд, над значением которой следует серьезно задуматься.

«Батур-Бакша Ленин пришел сказать народам слово Истины. Говорит Батур товарищам: "Скажу все слова Истины". Устрашились товарищи: "Лучше скажем половину Истины, иначе не устоит твердая земля". Но Батур не может промедлить, идет сказать полное слово Истины. Обратилась змея в черную стрелу. Как ударила змея посреди Батуровой груди – слово Истины не сказано, будут хоронить Батура на печаль всем людям. Но не может от змеи покончиться сам Батур. Он оставил в гробе оружие своё и отошел тайно в поле. "Пойду искать новых товарищей, кто не боится полного слова Истины". Ходит Батур по горам, ходит по пустыням. Как солнце, жжет полное слово Истины. Побелел Батур от зноя Истины. Зовет Батура Сам Воитель Шамбалы: "Эй, Батур, дам тебе одно из Моих Имен. Дам тебе новых товарищей, не погнутся они от полного слова Истины. Ты взойди на гору Адыган, ты посмотри на полдень. Когда заметишь пыль великую, как засмотришь копы, как посчитаешь коней, так Сам Я иду. Ямучи¹⁹ Сам следом за Мной. Поспешай, зачем оглядываться, смотри на полдень. Слово Истины пришло!"».

Так, в сокращенном переводе, поют в глубине Азии. Батур-Бакша Ленин не умер, но ищет новых товарищей, не боящихся слова Истины. Отмечено оборачивание Батура на полдень. Такими словами Азия ждет полное слово Истины.

Nicholas Roerich Museum, New York. Машинопись, 1л.

---

¹⁹ Ямучи – Хан Гэсэр (монг.)

Н.К.Рерих. Силы Небесные (Ранние звоны). 1934. Фрагмент

ЗВЕНИГОРОД ОКЛИКАННЫЙ И ЗАВЕЩАННЫЙ

I

Посещение Советской России экспедицией Рериха в 1926 году имеет гораздо больший масштаб, чем может показаться на первый взгляд. Из Москвы экспедиция направилась в Горный Алтай, в верховья реки Катунь, которая берет свое начало на священной для алтайцев горе Белухе. Там Рерихи провели почти месяц. И к этой поездке следует отнестись с пристальным вниманием, поскольку она связана с борьбой за алтайские концессии.

После Парижской миссии Мориса Лихтмана и Луиса Хорша летом 1925 года концессионная политика начинает возобладать и деятельность американских учреждений активизируется в данном направлении. Более чем за год до встреч с коммунистическими вождями сотрудники нью-йоркского Музея планируют поездку в Красную столицу. А за полгода, в феврале 1926-го, в дневнике Зинаиды Лихтман появляется запись о том, что они с мужем Морисом отправятся в Москву. «Я и Нуця едем летом вместе в Мичиган видеть Отца!» [1]. (Гораздо позже, в 1973-м в дневнике над словом «Мичиган» ее же рукой будет написано – в «Москву»). Этот визит действительно состоялся, и ему предшествовали частые консультации и встречи с Д.Н.Бородиным, или дядей Борей.

Дело в том, что Бородин, как руководитель советского сельскохозяйственного агентства, активно функционировавшего в Америке, имел обширные не только научные, но и политические связи в России. Эти связи оченьгодились Рериху и его американским сотрудникам. Русское сельскохозяйственное бюро в Нью-Йорке было детищем Наркомзема РСФСР, и потому представители этого учреждения и крупные ученые, направляемые в командировку, часто появлялись в США. К середине 1920-х в гостях у Бородина перебивали: видный экономист, профессор Н.П.Макаров, энтомолог В.В.Никольский, животноводы М.С.Переферкович и С.С.Одинцов (впоследствии заместитель наркома земледелия). Не говоря уже о нашем известнейшем ученом Н.И.Вавилове. Многие из приезжавших приходили на экскурсию в Музей Рериха и были представлены Бородиным. Так, упоминается, что 16 февраля 1926 года «дядя Боря... привел симпатичного родственника Никольского» [там же]. Мы уже знаем: родственниками в Музее называли большевиков и советских.

Предметом таких встреч были беседы о высоком искусстве Н.К.Рериха и утверждаемых им на Востоке идеалах. Вождь культуры в то время провозглашал объединение народов. Конечно, «размеры неведомой Азии» как нельзя лучше подходили для мировой революции. На этой конкретной встрече с Бородиным и Никольским речь зашла о задержании рериховской экспедиции китайскими властями – как раз утром из Кашгара пришла телеграмма. Дяде Боре «показали телеграмму и статью об Ак-Дордже», чем он «был поражен» [там же].

Здесь следует сделать небольшое отступление, чтобы познакомиться со статьей «Махатма Ак-Дордже», написанной самим Николаем Константиновичем в октябре 1925-го от имени шанхайского корреспондента Санг-Чанг-Ло. В этом не было ничего удивительного. Еще в Петербурге, будучи директором Школы при Обществе Поощрения Художеств, художник привык самостоятельно подавать в печать свои интервью и репортажи с выставок, тем самым формируя общественное мнение наилучшим образом. Однако дело вовсе не в подписи, а в самой статье, разосланной в эмигрантскую прессу накануне приезда экспедиции в Москву. В очерке Рерих пишет о «целых группах Махатм и Учителей», появившихся в последние годы в Индии, в Китае и во всей Центральной Азии. Среди них он называет Шри Рамакришну, Свами Вивекананду, Цаган Хутухту, революционера Ауробиндо Гхоша и даже Махатму Ганди. В один ряд с ними Николай Константинович выдвигает самого себя – фигуру нового Махатмы. «В разных местах Азии появляется загадочный деятель Ак-Дордже, очень жизненно провозглашающий идеи общего единения и коммунизма» [2]. Пожалуй, этот факт никак не умаляет личности Рериха, но лишь раскрывает его оригинальный метод,

посредством которого воплощался Великий план. А если учитывать экзистенциальную сторону жизни – то подтверждает и посредничество художника между гималайскими Махатмами и государственными мужами (позже, в середине 1930-х, от имени Махатм будет установлен контакт с президентом США Франклином Рузвельтом и министром Генри Уоллесом). Рерих предстает перед нами крупным политиком и культурным деятелем.

Итак, статья об Ак-Дордже должна была произвести впечатление. Она и на самом деле произвела впечатление. Даже Бородин, который находился в курсе всех московских приготовлений, не мог сдержать удивления. Его отношения с Музеем к весне 1926 года укрепились и стали достаточно близкими. Он лично получал телеграммы и письма от Рериха, находившегося в то время в Кашгарии и Синьцзяне. В свою очередь, сотрудники рериховских учреждений всячески выказывали лояльность Советам. В конце ноября 1925-го Музей преподнес в дар Бородину официальные флаги Советского Союза (государственный и военно-морской). Они были изготовлены по эскизам Родиона Розена, Фрэнсис Грант специально заказала их на фабрике. А Морис Лихтман привез флаги в Русское агентство накануне «первого официального банкета в честь родственников», устроенного общественностью Соединенных Штатов в Нью-Йорке. Напомним, что в 1920-е годы отношений на государственном уровне между США и СССР не существовало. И акция с вручением флагов большевикам американскими гражданами – явление немыслимое. Бородин пообещал сообщить о дружественном поступке со стороны Музея в Москву наркому Луначарскому: «Это первый дар американских учреждений нам, и об этом будут знать в Мичигане и сообщено Лорме. И когда официально нас признают, этот факт будет известен широко повсюду» [3]. Такое поощрение от советского представителя как никогда было кстати. Впереди Рериху предстояла встреча с Луначарским и другими московскими партийцами.

Д.Н.Бородин оставался деятельной направляющей силой, благодаря которой экспедиция продвигалась по Азии. Если помощь советского ученого даже и не была столь ощутимой внешне (какие-то письма он посылал наркомам), то моральная поддержка значила для Рериха и его сотрудников достаточно много. Можно упомянуть о том, с каким уважением относилась к «дяде Боре» Елена Ивановна, советуя своему сыну Святославу произвести на него «благоприятное впечатление» [4]. С 1924 года Бородин начинает издавать в Нью-Йорке собственный журнал «Обозрение Американского сельского хозяйства». Этот журнал, помимо освещения специальных вопросов агрономии, явился трибуной, с которой было заявлено общее направление мировой научной мысли в области изучения злаков и трав. В середине 20-х годов оставались неисследованными горные районы Анд в Южной Америке, но что наиболее существенно – самым привлекательным регионом ученые считали Гималаи и Тибет. Известный специалист по селекции растений Н.И.Вавилов писал и Д.Н.Бородину в Нью-Йорк, и Л.Н.Старку в Кабул, что «логика исследований влечет на Восток» [5]. Под его руководством успешно осуществились научные экспедиции в Абиссинию и Афганистан. Готовилось путешествие в Западный Китай (Кашгар и Синьцзян). На очереди было Тибетское нагорье. В 1927 году Вавилов обратился с письмом к Далай-ламе XIII: «Ваша замечательная страна давно привлекает внимание всего ученого мира, давно уже взоры ученых всех стран устремлены на высоты Тибета. Ваша страна представляет исключительный интерес в смысле состава растений, известных на самых крайних пределах культуры. Нет другой страны в мире, где бы земледельческая культура подымалась на такие высоты, как в Великом Тибете» [6]. (Письмо это написано в то время, когда Рериховская экспедиция была задержана на подступах к Лхасе).

Для Рериха Тибет тоже оставался заветной мечтой. По прибытии в Москву в 1926 году он обсуждал тибетские планы с Советским правительством. Однако первоочередной задачей экспедиции являлось изучение Алтая и Урянхая – двух обширных территорий Азиатской России, примыкающих к тибетской окраине. Проекты по их экономическому и научному освоению Рерих внес на рассмотрение высших партийных и государственных инстанций. И прежде чем коснуться этих сюжетов, логично проследить пути, которыми прошел в Москве руководитель экспедиции, прибывший из глубин Азии.

Н.К.Рерих. 1920-е годы

Уже известно, буквально в первый день по приезде Рерих встретился с Чичериным. А затем ему были оказаны приемы «дома у Луначарского, Каменева, жены Троц[кого], Крупской» [7]. Об этом упоминает в своем дневнике Зинаида Лихтман, тоже прибывшая на переговоры в Москву. Она же сообщает, что усиленно искались подходы к Сталину и Троцкому. В приемную последнего 17 июля Лихтман самолично доставила визитную карточку Рериха. «Но самая замечательная встреча произошла в ГПУ, где были произнесены имена Майтрейи и Шамбалы и куда прошли с именем М. Предложения о сотрудничестве приняты с энтузиазмом. Несколько раз встречались с теми, в чьих руках находится власть» [там же]. Рекомендацию для встречи в ОГПУ, которое у Рерихов проходило под кодовым названием «Госстрах», дал глава Наркоминдела Чичерин. Первый визит туда «без сомнения и страха» Николай Константинович нанес вместе с сыном Юрием. Таким образом установились дружеские отношения с заместителем председателя ОГПУ Михаилом Абрамовичем Трилиссером. В его руках, после внезапной смерти Ф.Э.Дзержинского, действительно сосредоточилась большая власть.

Контакты с «Госстрахом» приняли на себя супруги Лихтманы. Ровно через девять месяцев после первого посещения Москвы, в марте 1927 года американцы снова приехали в Красную столицу. Они направлялись в Ургу, чтобы доставить Рерихам экспедиционный груз из Америки и проводить их в тибетское путешествие. Транзитная остановка Лихтманов на пути в Монголию была сравнительно короткой, всего одна неделя (зато на обратном пути она продлилась более полутора месяцев, с 22 апреля по 11 июня).

Первый же телефонный звонок в день приезда предназначался М.А.Трилиссеру. Но он отсутствовал, и состоялась не менее значительная встреча с Б.Н.Мельниковым, начальником отдела Дальнего Востока Наркоминдела. Вот как Зинаида Лихтман описывает этот визит:

«Большая, просторная комната, маленький человек, полный чувства собственного

достоинства, с проницательным взглядом, очень умный. Сначала он сказал, что ничего не знал о нашем приезде от Н.К.Рериха, ничего не знает о наших учреждениях и хотел бы, чтобы мы рассказали ему. Попросил нас снять пальто, предложил чаю, но мы отказались и начали рассказывать ему о всемирно известной личности, человеке, к которому прислушиваются массы молодежи. Он согласился и сказал, что Н.К.Рерих произвел на него очень необычное впечатление, но что сам он – не мистик. Мы заметили, что нет большего реалиста и практичного человека.

Затем мы дали ему отчет Музея... Он сказал, что ведь не существует интернационала искусств, это шаг назад, и процитировал о недостатках [Сен]-Симона и других философов. Мы ответили, что искусство объединяет людей и открывает им общее понимание ради всеобщего блага там, где иные средства недействительны. Он сказал: "У вас пятый интернационал, и еще будут другие, если это не слишком". Мы возразили: "Разве они все не объединятся в конце концов!". Много и подробно расспрашивал об учреждениях, даже о количестве студентов... Рассказали ему о Музее, его деятельности, экскурсиях, лекциях, людях, которые приходят и интересуются идеями художника. Упомянули книгу "Адамант", он очень заинтересовался и выразил желание ее иметь. Пообещали прислать книгу из Америки, поскольку с собой у нас не было.

Он сообщил, что знает о различных переговорах Н.К.Рериха за рубежом. Я спросила, из каких источников. Сказал, что из источника противоположной стороны. Я улыбнулась и рассказала ему о первой статье в "Таймсе", где говорилось, что из "другого источника" приходит информация, отличная от настоящей. Ему это понравилось. Потом спросил, знаем ли мы, где сейчас Т[аши]-л[ама]. Я сказала, что нет. Он упомянул Му-к[ден]. Спросил, знали ли мы о нем раньше. Ответили – да. Спросил, что мы думаем о нем. Я сказала: "В настоящее время – необходимая фигура". Говорили о буддизме, но не как о религии, а как об учении, сравнимом со здешним ленинизмом.

Мы рассказали ему также об "Обществе друзей Музея". Он возразил: "Пусть даже такие хорошие люди собираются вместе, какой прок от них? Вот рабочие массы, я понимаю!". Рассказали о журнале, его направлении и идеях. Он снова возразил: "Но что может сделать мирный труд хороших людей?". Ответили: мы никогда не говорили, что он мирный. Это битва, и трудная – привести людей к труду на Общее Благо...» (13.3.1927) [8].

Беседа с Мельниковым, состоявшаяся 11 марта 1927-го, обозначила несколько важных моментов. Во-первых, на повестке дня остро стоял вопрос о Таши-ламе. Во-вторых, Рерих, будучи в Москве, встречался не только с Чичериным, но и с другими сотрудниками Наркоминдела, в частности, установил контакт с начальником отдела Дальнего Востока. В третьих, художник находился в переписке с руководителями указанного ведомства (Чичериным и Мельниковым) весь период своего пребывания в Монголии. Об этом Зинаида Лихтман недвусмысленно дает понять в своем дневнике [там же].

Но более существенно другое – американская чета всё-таки добилась свидания с Трилиссером. Вечером 13 марта они случайно столкнулись с ним в театре на балете «Конёк-горбунок». И на следующий день встреча уже прошла в стенах ОГПУ. С этого момента Зинаида Лихтман называет Трилиссера «нашим другом». Трудно заподозрить ее в неискренности, по крайней мере, на ближайшие месяцы он оставался лучшим из друзей среди сильных мира сего. На дружбу не могло повлиять даже то, что Трилиссер «с осуждением говорил об идеализации, терпящей поражение на практике, о судьбе, астральных идеях и пр.» (14.3.1927) [8]. Встречей один из главных чекистов остался доволен и «выразил надежду на возможное сотрудничество» [там же].

Удостоверение, выданное М.М.Лихтману в ОГПУ

Отныне М.А.Трилиссер становится покровителем той деятельности, которую нью-йоркский Музей начал в Советской России (внешне это выглядит именно так). Он даже посылает Рериху в Монголию телеграмму с «приветствиями и пожеланиями успеха в путешествии» (13.4.1927) [8]. Ее получили перед самым отправлением Тибетской экспедиции. В работу включается и Б.К.Рерих. По возвращении из Урги, 30 апреля брат Николая Константиновича посещает ОГПУ и рассказывает там о «Студии» – так на языке кодов называлась только что созданная новая корпорация «Ур». Здесь же получает билеты на первомайский парад для Лихтманов, а также приглашение американцам еще раз посетить то же самое заведение через несколько дней. Перед этим, 27 апреля, супруги два часа провели в беседе с Михаилом Абрамовичем. Предмет переговоров был значительным. При отъезде Н.К.Рерих дал своим сотрудникам указания для разговора с Трилиссером, рекомендуя сообщить ему, что Таши-лама жаждет приехать во Внешнюю Монголию, поскольку «должен исполнить пророчество и прийти благословить Новую Эру» [там же]. Такая передача потребовалась по одной простой причине – Монгольское правительство отказало Таши-ламе в визе, и Рерих хотел продвинуть этот вопрос через Москву.

Надежды на Советы возлагались еще довольно большие, невзирая на ранее упомянутую запись из дневника Е.И.Рерих о том, что «явление Трилиссера позорит Москву». (Пожалуй, эта фраза относится к интуитивным прозрениям Елены Ивановны, поскольку настоящей помощи от чекистов так и не последовало). На момент московских встреч Лихтманы искренне полюбили Красную столицу и советских людей. Они связывали теперь Советский Союз с «Новой Страной» и верили в родословную нации, ведущей свое начало от великого Ленина. Специально даже посетили музей Ленина и эмоционально зафиксировали в дневнике все детали экскурсии (27.4.1927). Не меньшее восхищение

Лихтманов вызвала демонстрация на Красной площади. Она оставила в их памяти, можно сказать, неизгладимый след. 1 мая американцы с правительственной трибуны наблюдали военный парад и народное шествие:

«Очень впечатляющее зрелище. Прекрасна Красная площадь с собором Василия Блаженного и Кремлем на заднем плане и массами военных, заполнивших площадь. Дюжие, прекрасно обученные солдаты, красновато-пурпурные, голубые, зеленые шапки, красные брюки выглядят, как море полевых цветов. Пушечный салют и церковный звон сливались во впечатляющей гармонии. Все члены президиума были на мавзолее, и мы видели их. У Буденного сильное выразительное лицо, прекрасное лицо у Рыкова. После марша солдат чудесно прошли на лошадях казаки и кавалерия... По радио передавали речи Рыкова и других.

Затем начался марш организаций, каждая шла со своими знаменами, знаками, лозунгами – молодежь, бойскауты и девушки, общества физкультурников, студенты, организации музыкантов, актеров, народы Востока. Некоторые несли юмористические картонные фигуры современных политических деятелей – Чемберлена, китайских генералов и др. Многие лозунги были посвящены китайским событиям и зарубежным народам. Гигантский дракон из цветной бумаги и резины торжественно извивался в руках. Фабричные рабочие несли машины и инструменты, сделанные из картона. Знамена были в основном красные и зеленые. Больше миллиона прошло маршем с 9 до 6 часов, всё в полном порядке при большой радости, шутках, танцах, песнях. Военные и рабочие оркестры целый день играли марши и национальные гимны. Радость правила городом» (1.5.1927) [8].

Трибуна, на которой стояли супруги Лихтманы, располагалась рядом с деревянным мавзолеем Ленина, сооруженным по проекту А.В.Щусева (1924). К 1930 году этот мавзолей заменили на каменный с мраморной облицовкой. С архитектурной точки зрения новое строение выглядело несколько необычно, оно напоминало стилизованную буддийскую ступу. Примечательно, что Щусев был дружен с Рерихом. Они несколько раз встречались в 1926-м, когда Рериховская экспедиция находилась в Москве. Именно в это время Николай Константинович целенаправленно утверждал идеи соединения буддизма и коммунизма.

Н.К.Рерих и А.В.Щусев. Москва, 1926

Вскоре встречи в ОГПУ стали регулярными. Лихтманам нужна была поддержка от всесильного ведомства в связи с интересами Музея в Республике Танну-Тува. 17 мая Зинаида Лихтман отнесла своему «другу» музейные издания – журнал «Арчер» и книгу «Письма Махатм» («Чаша Востока»). Требовалась своеобразная экспертная оценка, то есть разрешение на распространение литературы в Советском Союзе. До этого Трилиссер уже ознакомился с монгольским изданием «Общины». Николай Константинович рекомендовал ее «распространять свободно среди молодых комсомольцев» (11.4.1927) [8]. Еще в 1926 году высказывалось предложение начать в России реализацию книг «Листы Сада М.» и «Чаша Востока» – и ту и другую пустить в продажу по 60 копеек. На этот раз Трилиссер остался недоволен. 18 мая Зинаида Лихтман специально нанесла ему очередной визит (проговорили ровно два часа), чтобы закончить разговор о книгах. За прошедшую ночь Михаил Абрамович еще не успел прочитать «Письма Махатм» полностью. Однако сказал, что «многое в них вызывает у него раздражение, он отделяет буддизм от ленинизма» (18.5.1927) [8]. Окончательное мнение уже сложилось: вряд ли им будет дано разрешение на распространение книги. Тем не менее, Трилиссер заметил, что она «очень нравится ему своей красотой» [там же].

Через неделю, 25 мая – новая встреча с Трилиссером. В Москве Лихтманы активно занимались вопросом оформления алтайских концессий и горнодобывающих разработок. Сначала в 1927-м, а затем с переносом на 1928-й, на Алтай планировалась научная экспедиция совместно с Российской Академией наук. Прежде всего беспокойство вызывало медленное продвижение бумаг по чиновничьим инстанциям. При Музее Рериха были специально созданы корпорации «Белуха» и «Ур» (об этом уже упоминалось), и через них оформлялись соглашения о сотрудничестве. Проволочки заставили американцев обратиться напрямую к Трилиссеру, которому они поведали «всю историю о задержках и странном поведении» органов, ответственных за подписание договоров (25.5.1927) [8].

Через два дня Михаил Абрамович познакомил Лихтманов со своим «близким другом» Глебом Ивановичем Бокием (27.5.1927) [там же]. Роль в этом деле нового лица, занимавшего высокую ступеньку в чекистской иерархии – начальника спецотдела ОГПУ, до конца остается не ясной. Единственное, о чем конкретно упоминает Зинаида Лихтман, Бокий интересовался «разработкой промышленного плана» и его «научной основой» [там же]. Во всяком случае, у американцев он определенно вызвал симпатию.

В целом ситуация казалась благоприятной, но вся работа тормозилась каким-то неведомым механизмом. Примерно то же самое происходило и в присутствии Рериха в 1926 году. Тогда, правда, посетовали на Бородину, будто бы он не сообщил кому следует в Москву достаточно сведений о планах Николая Константиновича и программных установках американских учреждений. Его чуть было не «отлучили» от Музея. Даже послали в Нью-Йорк «телеграмму Курту (то есть Луису Хоршу) с предостережением против дяди» (18.6.1926) [7]. В 1927-м снова уже полагались на Бородину – решили «использовать рекомендацию фирмы» (11.4.1927) [8]. Однако и это не спасло ситуацию. Тем более что буквально в то же самое время, с разницей всего лишь в несколько дней, Бородину по распоряжению из Наркомзема освободили от занимаемой должности заведующего Русским сельскохозяйственным агентством. Увольнение произошло 6 апреля 1927 года. Ученый попал в немилость, и причина такой внезапной перемены является пока полной загадкой. Дмитрий Николаевич был выброшен когортой своих соплеменников за борт жизни и остался в Америке вечным эмигрантом. На него отныне Рерих уже не мог рассчитывать никаким образом.

Лихтманам на первых порах не удавалось пройти лабиринты советской власти. Они терпели неудачу, но искренне продолжали верить в благоприятный исход дела. «Мы измотаны и устали, но вынуждены всё это принимать», – писала Зинаида Лихтман в своем дневнике (2.6.1927) [там же]. Под конец все положительные решения по Алтаю оказались будто бы в руках Л.М.Карахана, заместителя Чичерина в Наркоминделе. В предпоследний день пребывания в столице американцам устроили посещение образцовой Трудовой коммуны, организованной под патронажем ОГПУ, – в ней содержались преступники всех статей. Была ли эта акция скрытой угрозой или насмешкой над иностранцами, или обычной

похвальбой, догадаться вряд ли возможно. 11 июня 1927 года Лихтманы выехали в Европу, и Москва удалялась от них со скоростью курьерского поезда.

Контакты Рериха и его американских сотрудников в Москве могут показаться сомнительными, особенно с высоты сегодняшнего дня. Психология людей со временем сильно меняется. Отношение к власти тоже меняется, и то, что век назад составляло приоритет, теперь может вызвать отрицательную реакцию и даже презрение. В начале прошлого века было естественным служить на пользу отечеству любым доступным способом. Путешественники Козлов и Пржевальский выполняли задания Генерального штаба и занимались разведкой. Сотрудничество Рериха с ОГПУ – это тоже часть его метода, добиваясь главного, принимать всё ради всего. И теперь нам предстоит обозреть то огромное целое, ради которого Николай Константинович приехал в Советскую Россию.

II

Помимо политических контактов, которые имели место у Рериха и его сотрудников в Советской России в 1926 и 27 годах, была выдвинута обширная экономическая программа, связанная с Горным Алтаем. Политика оказалась только огранкой большой экономики.

Алтайский проект содержал предложения на приобретение горнопромышленной и сельскохозяйственной концессий в окрестностях горы Белухи. Концессионером выступила американская корпорация «Белуха». И, будучи в Москве, Николай Константинович взялся активно продвигать этот проект в Правительстве СССР, поскольку предварительные документы, направленные Морисом Лихтманом и Луисом Хоршем из Парижа в Главконцесском, «задержались» где-то по инстанциям.

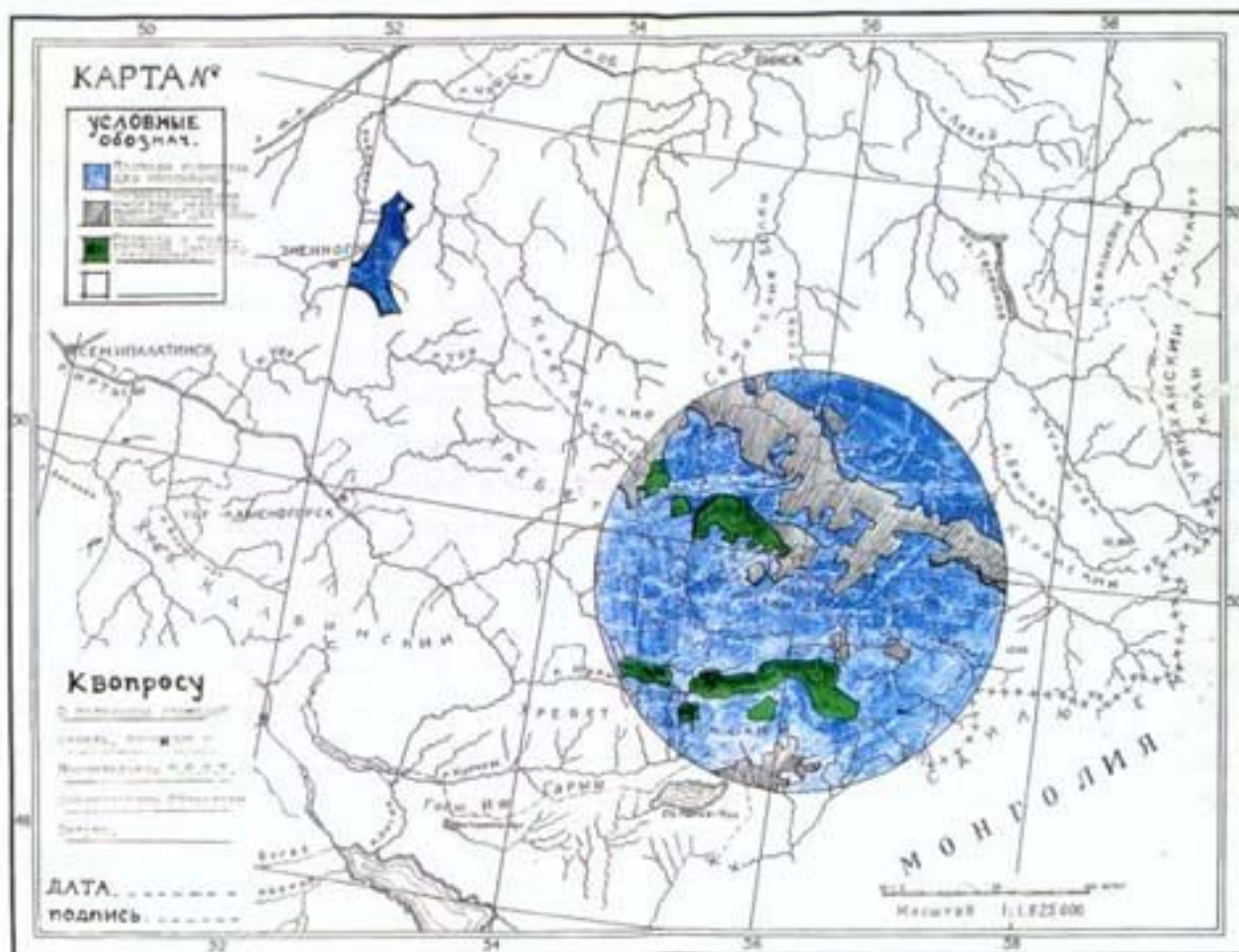
Однако следует начать все по порядку, с уже упомянутой ранее Парижской миссии, посланной от имени Музея Рериха к полпреду Красину, который формально и возглавлял Концессионную комиссию в Париже. Переговоры Хорша и Лихтмана, соответственно президента и вице-президента корпорации «Белуха», с секретарем комиссии Львом Перлиным были подтверждены специально подготовленной еще в Нью-Йорке «Докладной запиской». В сопроводительном письме от 27 мая 1925 года, которое прилагалось к записке, говорилось, что «кооперативная работа», развернутая в Юго-Западном Алтае, принесет взаимную выгоду и приведет «к наиболее благоприятным результатам в экономическом и общенародном значении для Русской и Американской наций» [9]. А сама Докладная записка [10], заверенная триумvirатом руководителей «Белухи» – Хоршем, Лихтманом и Грант, – излагала концепцию промышленного и хозяйственного освоения региона Горного Алтая и сопредельных земель (вспомним переписку Бородина и Бахмельянова!). Корпорация испрашивала концессии на разработку природных ресурсов для достаточно большой территории. Туда включалась «вся поверхность горы Белухи» и окружающая ее «местность радиусом в 100 верст» [там же, л.8]. И кроме того, дополнительно: все рудники Юго-Западного Алтая с их окрестностями и примыкающими к ним плато; площади на левом берегу реки Катунь напротив деревни Верхний Уймон, в том числе 30 верст фронта реки и 20 верст в глубь территории; Колыванское лесничество и рудники в области Змеиногорского уезда; Рахмановские горячие источники с их окрестностями, соседними озерами и водопадами. Последние располагались в то время на землях Киргизской АССР (после переименования – Казахской АССР). Общая площадь под концессии составила более 30 тысяч кв. километров.

Общество «Белуха» добивалось от Правительства Советского Союза права на эксплуатацию минеральных ресурсов. Предполагалась добыча угля, нефти, гранита, мрамора, графита, извести, соли, торфа и, главное, серебра и сопутствующих ему металлов и пород. (Что касается серебра, то на него постоянно возрастал спрос на рынках Китая и Индии, а географическое положение Алтая благоприятствовало торговле с этими странами. Следует также упомянуть, что Хорш был брокером на Уолл-Стрит в Нью-Йорке как раз по части продажи серебра). Змеиногорские копи славились полиметаллическими рудами. Эти полезные ископаемые являлись хорошей основой для создания рудной промышленности и развития металлургии в Алтайском крае. Заявлено освоение водных, сухопутных путей

сообщения и создание сети железных дорог, утилизация водяной силы рек, озер, водопадов и электрификация той местности, где будут производиться работы корпорацией.

Общество «Белуха» запросило концессии сроком на 50 лет. Оно желало войти в кооперативные взаимоотношения с Советским правительством на равных условиях, причем 50% чистой прибыли должны были пойти в пользу СССР, а остальные 50% были бы удержаны корпорацией. В дополнение «Белуха» обязалась жертвовать 1% своих доходов для блага местных районов. Имелось в виду «развитие общин и улучшение условий жизни», то есть подъем народного образования, строительство больниц и санаториев. «Для этой цели, – говорилось в Докладной записке, – проектируется основать образовательные учреждения всех родов, как для народного блага, так и центры научных изысканий» [там же, л. 5].

В проекте, поданном Обществом «Белуха» на рассмотрение Правительства, был один примечательный пункт, на который нельзя не обратить внимания. Он относился к «городскому хозяйству». Как результат деятельности корпорации, предполагалось, что на Алтае «будут организованы новые коммунальные и промышленные центры» [там же, л. 12]. При этом сделаны уточнения, касающиеся обустройства улиц, резервуаров, искусственных и естественных водостоков, канализации и других отраслей, которые обязательно необходимы в городском хозяйстве, таких, например, как система электрификации и даже возведение фабрик и заводов. Всё это недвусмысленно говорит о создании инфраструктуры города или поселений городского типа. Именно здесь самое время еще раз вспомнить заявление Н.К.Рериха, сделанное в Америке в 1924 году, о строительстве в окрестностях Белухи нового города Звенигорода.

- Площади, просимые для концессий
- ▨ Переселенческие участки, условно просимые для концессий
- Площади в пользовании местного населения

Карта земель, просимых у Правительства СССР Американским обществом «Белуха». 1925-26. Государственный архив Российской Федерации, Москва

В июне 1925-го документы Общества «Белуха» поступили в Главконцесском СССР. Закрутился маховик государственной машины. От имени члена Главконцесскома А.Е.Минкина и заместителя управделами М.С.Япольского пошли письма для согласования в Наркомзем, НКВД и Совнарком Киргизской республики. В тексте обращения, помимо вопроса концессий, перечислялись предложения американской фирмы, касающиеся торговли с Западным Китаем и Монголией [11]. По внутренним каналам руководство Главконцесскома предприняло шаги для выяснения «солидности данной группы». Начальный капитал, предложенный «Белухой» для первичных работ на Алтае, составил 3 миллиона долларов. Полетел запрос через океан торговому представителю в Нью-Йорке Исааку Хургину, ему давалось срочное задание выяснить, «что это за фирма и что это за публика» [12]. Настороженность советских властей подхлестывалась всеобщим недоверием в обществе – постепенно разворачивалась борьба за власть после смерти Ленина. К тому же из Парижа поступил тревожный сигнал от секретаря Перлина. Из нескольких встреч с Хоршем он «вынес неблагоприятное впечатление об его солидности» [13]. И это невзирая на тщательные приготовления американцев к поездке во Францию. Хорш и Лихтман даже заказали очень дорогие фраки у лучшего портного, чтобы предстать в неотразимом виде перед Красиным и его подчиненными.

Первым на запрос Главконцесскома отреагировал Чичерин. Оценивая предложения корпорации «Белуха», он старался блюсти интересы своего ведомства и просил исключить вопросы о торговле из рассмотрения, несмотря на то что Наркоминдел к тому моменту уже заинтересовался деятельностью Дордже в Азии.

«Секретно. 25 июня 1925. При переговорах с группой американских предпринимателей под фирмой «Белуха» относительно концессий в юго-западном Алтае, Наркоминдел просит исключить вопросы о торговле с Зап[адным] Китаем и Монголией, т.к. участие американцев в торговле с упомянутыми странами в настоящее время является для СССР нежелательным. Нарком Чичерин» [14].

Вслед за письмом Чичерина последовало другое. 9 июля 1925-го товарищ Хургин сообщал из Америки о том, что ему стоило «довольно большого труда обнаружить эту фирму» [15]. Естественно, корпорация «Белуха» была организована со специальной целью, для освоения природных ресурсов Горного Алтая, и она оставалась неизвестной никому из американских банкиров даже спустя год после ее учреждения. Хургин писал в Главконцесском: «Внимания эти господа никакого не заслуживают и в лучшем случае, для меня сомнительном случае, могут оказаться разведчиками для третьих лиц» [там же].

Совершенно очевидно, личность брокера Хорша, являвшегося «новым американцем», то есть человеком среднего достатка, не вызвала у Советов большого энтузиазма. Капитал в три миллиона долларов оценивался в государственных масштабах как недостаточный. Намеки на шпионаж вряд ли принимались всерьез. Хотя беспристрастный взгляд на корпорацию не мог не уловить некоторые необычные ее стороны. «Белуха» являлась частным учреждением, и ее руководство состояло в основном из культурных деятелей, сотрудников Музея Рериха. Они не имели профессиональных навыков промышленников или коммерсантов. Советская власть не способна была заглянуть вовнутрь корпорации, даже используя свою широкую сеть агентов в Америке. (Кроме Исаака Хургина, информация поступала из Амторга, Дэн энд Компани и др.). «Белуха» оставалась закрытой организацией. Разве Москва могла предположить, что за Алтайским проектом стояли не только экономические соображения, но и религиозные мотивы. А внутренняя, религиозная жизнь обусловлена своей логикой и развивается по особым духовным законам.

В ноябре 1925 года Обществу «Белуха» было предложено дать дальнейшие подтверждения его «финансовой солидности» и определить «более точный характер» своей деятельности [16]. В ответ Луис Хорш попросил визу (сроком на 7 месяцев) на въезд в Советский Союз вице-президенту корпорации Морису Лихтману с женой, чтобы «установить прямой контакт» и «продолжить переговоры лично» [17]. Снова Главконцесском стал выяснять через нью-йоркский Амторг «солидность этой публики». И 30 января 1926-го принял окончательное решение: «Считать Общество "Белуха"

недостаточно солидным для того, чтобы вступать с ним в переговоры и разрешить приезд их представителей» [18].

Ситуация сложилась малоприятная. Она грозила срывом поездки Лихтманов не только на переговоры в Главконцесском, в Москве они также должны были встретиться с Рерихами. Центральноазиатская экспедиция находилась на синьцзянском этапе своего пути и вскоре намеревалась пересечь советскую границу. Весной 1926-го Хорш принялся забрасывать Концессионный комитет письмами и телеграммами с одной единственной просьбой – выдать визы делегатам «Белухи» [19]. Минкин и Япольский стояли на своем, они решили в концессионные переговоры с американцами не вступать. 15 марта 1926 года в Отдел виз НКИДа из Главконцесскома была послана срочная телеграмма – стало известно, Лихтманы обратились за визой в представительства СССР в Монреале и в Париже.

«Срочно. Секретно. Настоящим сообщаем, что визы на въезд в СССР гражданам Лихтман Морису и Зине, поскольку они едут по делам фирмы "Белуха", выдавать не следует. Предложение фирмы "Белуха" нами отклонено» [20].

Несмотря на категоричный отказ, ситуацию в середине апреля удалось всё-таки «продавить». Хорш сумел организовать письма о своей финансовой состоятельности от имени высоких покровителей. За него лично поручался один из крупнейших банков Америки «Эквитэбл Траст Компани оф Нью-Йорк». В обход Главконцесскома Лихтманы получили визу через Торговое представительство СССР в Париже. Перлин сообщил в Москву, что они приняли самостоятельное решение, американской группе выданы визы согласно постановления Парижской Концессионной комиссии от 15 апреля 1926 года [21]. Видимо, здесь дело не обошлось без Бородина и наркома Красина. В поведении секретаря Парижской комиссии произошла разительная перемена. Из скептика он превратился в самую лояльность. О встрече с супругами Лихтманами в Париже в мае 1926-го Перлин отчитывался перед столичным начальством:

«Из беседы с гр. Лихтман выяснилось, что их поездка носит скорее предварительный характер. До сих пор в распоряжении этой группы в Нью-Йорке не было достаточных данных о районе г. Белухи на Алтае ввиду малой исследованности этого края. Поэтому они предполагают, в первую очередь, заручиться у Вас в Москве уже имеющимися материалами о горных ископаемых этого района или же, в случае отсутствия таковых, организовать специальную экспедицию для предварительной разведки» [22].

Как только стало известно о приезде Лихтманов, многие подразделения Высшего Совета Народного Хозяйства СССР, куда входил и Главконцесском, заработали в напряженном ритме. Геологический комитет и Наркомзем получили задание подготовить отзывы о наличии месторождений полезных ископаемых и состоянии сельхозземель на Алтае, в районе, запрашиваемом американцами под концессии. Из Горного отдела Сибкрайсовнархоза (Новосибирск) пришел обзор геолога К.Г.Тюменцева «Полезные ископаемые горы Белухи» [23]. Сведения оказались крайне скудными, недостаточными, чтобы дать оценку для промышленной эксплуатации. Единственное, в отзыве было указано на обнаружение золота в верховьях реки Катунь, асбеста на реке Казнатхе и селитры в низовьях реки Ак-кем. Земельное управление Ойратской автономной области ответило, что земельно-лесные дачи, расположенные в районе горы Белухи, не обследованы за неимением средств, и исчерпывающих сведений о «пригодности их к сдаче под концессии» получить нельзя [24]. Концессионная комиссия ВСНХ дала заключение в Главконцесском: «Район горы Белухи на Алтае до сих пор систематическому изучению не подвергался... Намётка концессионных условий возможна лишь с приездом гр. Лихтмана» [25]. Очень удачный поворот дел для корпорации «Белуха». Это заключение пришло к середине июня 1926 года, как раз в те дни, когда и Лихтманы, и Рерихи прибыли в Москву. Главконцесском был готов к проведению переговоров, результат которых оказался уже заранее предопределён. Необходимость экспедиции на Алтай по разведке полезных ископаемых и выбору земель под концессии стала очевидной.

Итак, Николай Константинович Рерих вместе с Еленой Ивановной и сыном Юрием, в сопровождении двух лам, 9 июня 1926 года приехал в Красную столицу. На следующий день художник встретился с наркомом Чичериным. Через неделю, 18 июня начались хождения по

советским учреждениям. Зинаида Лихтман записала в свой дневник: «А сейчас предстоит величайшая работа» [26, с. 247]. Сразу же нанесли визит профессору Николаю Павловичу Макарову, знакомому Зинаиде Григорьевне еще по Нью-Йорку. Он являлся видной фигурой в Наркомземе (помимо преподавания в Московском университете). Разрабатывал вопросы теории и организации крестьянских хозяйств, занимался историей кооперативного движения и экономическим механизмом кооперативного предприятия. Даже написал книгу о кооперации в Сибири! Человек очень ценный в будущих алтайских планах. Макаров пришел через Бородину и был близким его коллегой. Они вместе подготовили фундаментальную записку «Изучение и использование американского сельского хозяйства для России» [27]. К концу 1927-го Макаров считался одним из ведущих экспертов и часто приглашался с докладами на заседания пленумов Земплана [28]. В дневнике З.Г.Лихтман за 1926 год его имя умышленно скрыто. И если бы не списки кодов, то вряд ли оно поддавалось бы расшифровке. Макарову присвоили женское имя Юлия. Конечно, никаких Юль в Москве у Рерихов не было, ни среди знакомых, ни среди родственников. Николай Павлович (и его жена) становится очень ценным сотрудником, он устраивает протекции, помогает в организации Алтайской экспедиции и пр. Его ценность определяется, прежде всего, отношением к Учению Живой Этики. В списке лиц, составленном Н.К.Рерихом в Монголии, кому предназначалось передать комплект из «трех книг» – «Листы Сада Мории» («Зов», «Озарение») и «Община», – Макаровы стоят вместе с Луначарским, Горьким, Быстровым, Бородиным, Митусовым [29].

В тот же день, 18 июня, Лихтманы отправились к «издателям», то есть в Концессионный комитет, на прием к Михаилу Савельевичу Япольскому, теперь уже начальнику Отдела проведения договоров. «Говорили о намерении организовать экспедицию с участием специалиста и просили предоставить материалы с описанием местности. Он одобрил идею» (18.6.1926) [30]. С этого момента началось тесное сотрудничество с Япольским. Особенно дружеское участие в делах «Белухи» он стал проявлять после того, как было произнесено имя Рериха – «всё изменилось и пошло как по маслу» (5.7.1926) [там же]. Позже Николай Константинович лично познакомился с Япольским и тот выразил неподдельную радость встрече.

На переговорах в Главконцесском Лихтманы обсудили новую записку, в которую включили ряд положений, необходимых для успешной поездки на Алтай. В первом пункте корпорация «Белуха» сразу же заявила о своих «культурно-творческих целях» [31]. Это не помешало запросить у Япольского дополнительные сведения о Рахмановских источниках, Бухтарминских углях, а также об угольных месторождениях Минусинской впадины [32]. Встречи в Концессионном комитете по согласованию условий экспедиции проходили весь остаток июня и продолжились в июле. Рерих посетил начальника Горного отдела Главного экономического управления ВСНХ В.М.Свердлова, который выказал ему особое расположение (обычно начальник такого высокого ранга не принимал посетителей). В беседе выяснилось, что алтайский регион «находится в центре внимания и представляет большой интерес для многих» (5.7.1926) [30]. Свердлов подразумевал конкурирующую английскую фирму «Лена Гольдфильдс». В состав экспедиции договорились прикомандировать советских специалистов по горному делу. Общество «Белуха» обязалось оплатить расходы на исследования в Горном Алтае в размере 10 тысяч рублей. Оно получало преимущественное право по ведению разведок месторождений полезных ископаемых в 1927 году и возможность «организации в районе горы Белухи культурно-промышленного центра» [33]. Только после этого предлагалось заключить концессионный договор, причем обязательным условием являлись достаточные средства, которые американская корпорация выделит на эксплуатацию месторождений.

Через два дня, 7 июля, переговоры практически завершились и почва для окончательных решений по вопросу разведывательной экспедиции на Алтай была подготовлена. Эти переговоры вел Морис Лихтман.

«Ав[ирах] ходил на встречу, посвященную выработке письменного соглашения между Правительством и нашей Корпорацией. В соответствии с ним в этом году будут проведены предварительные исследования, на будущий год запланирована более интенсивная работа в

том же направлении, а затем будет определено время начала конкретной работы.

В соответствии с этим соглашением, мы получим приоритет перед любым другим концерном, который может проявить интерес к тому же региону. Это были настоящие деловые переговоры, и каждая из сторон отстаивала свои интересы. Однако, если основываться на кооперативных началах, необходимость в подобных схватках должна отпасть. Ав[ирах] подчеркнул, что цель нашего концерна не сводится к голой эксплуатации ресурсов – в основе нашей работы лежит конструктивная задача: «построить культурный и промышленный центр добывающей промышленности» (7.7.1926) [30].

СССР
ГЛАВНЫЙ
Концессионный Комитет
ПРИ
СОВЕТЕ
Народных Комиссаров
Телефон: Комитетом 1-05-82,
1-05-83,
Канцелярия 3-00-35
Исход. № 7142
Дело № 1589

Москва, _____ Июля _____ 1926 г.
Малая Дмитровка, № 18.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е .

Дано сие удостоверение гражд. САСШ Морису Лихтману и Зине Лихтман в том, что они с согласия Главного Концес. Комитета при Совнаркоме СССР отправляются для обследования горных богатств района горы "БЕЛУХА" в Юго-Западном Алтае.

Член Главконцесскома /Скобелев/ [подпись]
Зав. Отд. Пров. Дугой /Япольский/ [подпись]
/Управделами ГКК /Скороходов/ [подпись]

Удостоверение на обследование района горы Белуха

На следующее утро, 8 июля Н.К.Рерих и Морис Лихтман ходили в ВСНХ просмотреть окончательный текст соглашения, и Николай Константинович его одобрил. А 12 июля на заседании Главконцесскома при Совнаркоме соглашение представлял Япольский. Малый Совет ГКК принял секретное постановление, разрешающее корпорации «отправиться для обследования горных богатств района горы Белуха в Юго-Западном Алтае» [34].

Выезд экспедиции Н.К.Рериха из Москвы наметили на 17 июля. Но в последний момент перенесли на 22-е число. Елена Ивановна получила указание об изменении даты отправления от своего Учителя, Махатмы М. Потом выяснилось, поезд, вышедший на Новосибирск 17-го, через день потерпел крушение. К тому же, по объективным причинам, разведпартия геологов оказалась не готова к отбытию в срок – не успели закупить оборудование. Группа разделилась на две части. Николай Константинович отправился со своими в Верхний Уймон, а позже, сами по себе, должны были стартовать: горный инженер Т.Н.Пономарев, его помощник Б.Н.Гиммельфарб и завхоз С.П.Перевозчиков. Геологическая партия Пономарева держала путь на северный склон Катунских хребтов, к системе которых и относится гора Белуха.

Рериху и Лихтманам сравнительно легко удалось организовать экспедицию на Алтай. Решающую роль сыграла мировая известность Николая Константиновича и его личное обаяние. Как правило, именно магнетизм личности определяет отношения между людьми. В данном случае Япольский – живой пример такого магнетического влияния со стороны

Рериха. Однако алтайская поездка являлась только началом водворения Общества «Белуха» в России. Даже получение концессий – это тоже промежуточный этап огромной работы, нацеленной в будущее. Поэтому, естественно, Рерих искал подходы к руководителям Правительства и главным большевистским вождям. Председателем Главконцесскома был Л.Д.Троцкий. От него вполне мог зависеть исход борьбы за концессии. З.Г.Лихтман, как уже упоминалось, отнесла визитку Рериха в приемную Троцкого. Даже договорилась с секретарем о возможной встрече в 20-х числах июля. Япольский, со своей стороны, тоже ходатайствовал перед своим высоким начальником, чтобы тот принял Николая Константиновича.

Морис и Зинаида Лихтманы на Алтае. Верхний Уймон, 1926

«Тов. Троцкому. Москва, 20 июля 1926 года.

Николай Рерих – это знаменитый художник Рерих. Он недавно вернулся из длительной поездки по Центральной Азии, был в недоступных местах Тибета, в Индии и затем в Америке; имеет связи с богатыми американцами-меценатами, его поклонниками. Он сочувствует коммунизму, хотя исходит из чисто идеалистического мировоззрения; хочет быть полезным для нас. Всё это – впечатление от беседы, которую я имел с ним.

Ваш разговор с ним не окажется потерянным временем (хотя займет с полчаса или больше). Рерих человек не "деловой" и немного смешон и неуклюж, когда говорит о процентах и долларах, что не уменьшает, однако, его обаяния.

Весьма вероятно, он будет говорить, между прочим, о Корпорации "Белуха" (гр.

Лихтман и др.) – группе американцев-интеллигентов, желающих получить концессию на Алтае. Мы им дали разрешение поехать на место и произвести предварительный осмотр района. М.Япольский» [35].

Встреча так и не состоялась. Рерихи поспешили выехать на Алтай. В те дни царило замешательство в рядах партийцев, вызванное неожиданной смертью Дзержинского. Экспедиция покидала Москву как раз в момент похорон «Железного Феликса», и ее члены ощущали на себе бушующее море человеческого хаоса. В столице у Рерихов остались друзья. За месяц на московском горизонте, помимо Макарова, появились верные сотрудники: влиятельный М.С.Переферкович из Наркомата земледелия; знакомый еще до революции, искусствовед М.В.Бабенчиков; брат Рериха, Борис Константинович. Все они влились в новое дело, затеянное корпорацией «Белуха».

При отъезде экспедиции Б.К.Рерих был назначен представителем «Белухи» в Советском Союзе. Морис Лихтман подтвердил полномочия письмом в Главконцесском [36] и положил уполномоченному «Белухи» жалование в размере 400 рублей. В знак высокого доверия Елена Ивановна показала своему деверю «седьмое чудо света» – Камень, хранящийся в старинной шкатулке. Правда, это случилось несколько позже, в конце августа, когда Борис Константинович посетил брата в Новосибирске, сразу по окончании Алтайской экспедиции. Тогда же возникли планы новой корпорации «Ур», которая, подобно «Белухе», поставит своей целью добиваться через Советское правительство концессий в Урянхайском крае. Работа над будущим проектом шла в мистической атмосфере, столь привычной для Рерихов. «Обсуждали уставные документы "Ур", но получили Указание изменить их. Мать (Е.И.Рерих) перед началом нашей Беседы говорила с Б[орисом] К[онстантиновичем]. Сказала, что через них работают Учителя, посылая радио, направляя все действия» (31.8.1926) [30]. В те дни Б.К.Рерих многое узнал о Белом Братстве. Он приобщился к служению на Общее Благо, и сферой его деятельности, по крайней мере на весь ближайший год, стала еще и «Студия» – так называлась в кругу сотрудников корпорация «Ур».

У Дома Ленина в Новосибирске. 1926.
З.Г.Лихтман, Е.И.Рерих, Н.К.Рерих, М.М.Лихтман

Из Новосибирска все разъехались в разных направлениях, кто на Запад, кто на Восток. Лихтманы возвращались в Соединенные Штаты. Супруги сделали остановку в Париже, где пересаживались на пароход до Нью-Йорка. Как обычно, они посетили Парижский Концессионный комитет и беседовали с Перлиным. Рассказали ему о результатах пятимесячного пребывания в СССР и разведывательной экспедиции на Алтай. Поделились планами – весной 1927 года предполагается «послать вторую экспедицию для более детальных поисков» [37]. Рерихи же направились в Монголию, где начали готовить миссию в Лхасу на переговоры с Далай-ламой. Именно в Ургу, под видом новой экспедиции, Лихтманы и намеревались приехать снова. В феврале 1927-го через Б.К.Рериха возобновились хлопоты с визами на въезд в СССР. На этот раз никаких проблем не возникло. Американская группа получила не только визы, но и лицензии на ввоз оборудования. Груз Лихтманов состоял из трех больших деревянных ящиков, трех больших и восьми обыкновенных чемоданов, содержащих лагерное снаряжение, одежду, медикаменты и... краски. Этот груз, конечно, предназначался для Тибетского путешествия.

Б.К.Рерих, как официальный представитель «Белухи», всё-таки предпринял немалые усилия для продвижения новой Алтайской экспедиции. В декабре 1926 года он представил в Главконцесском отчет горного инженера Т.Н.Пономарева о летних разведках у Белухи. А в середине марта следующего года запросил разрешение продолжить полевые работы в том же самом районе Горного Алтая. Экспедиционный период планировался на срок 5 месяцев (в общем, с проездом и обработкой материалов, 10 месяцев). Одновременно Борис Константинович просил дать разрешение на продление работ в течение 1928 и 29 годов, что в целом подтверждало серьезность намерений корпорации. Во второй половине марта он был вызван в Москву для согласования проекта договора. Но поскольку группа из четырех человек – М.М. и З.Г. Лихтманы, Б.К.Рерих и доктор К.Н.Рябинин – в это время находилась на пути в Ургу, пришлось давать ответную телеграмму окружным маневром через Ленинград. С помощью своей жены Борис Константинович сообщал в Главконцесском: «Ленинграда, 31 марта 1927. Москва, Главконцесском, Скобелеву. Возникла необходимость новых сношений Америкой. Последующее сообщу. Рерих» [38]. Эта необходимость обуславливалась встречей с Рерихами в Монголии и обсуждением дальнейшего плана, связанного с «Ур». Еще в Москве, когда согласовывался предварительный проект договора по Алтайской экспедиции, Николаю Константиновичу была направлена зашифрованная телеграмма. «Москвы, 14 марта 1927. Урга, Полпредство СССР, для Рериха. Студия может начаться конце мая. Подробности обсудим лично. Четыре» [39].

Таинственный смысл телеграммы с указанием майского срока объяснялся просто. 5 марта 1927 года Скобелев советовался в письме к заместителю Наркоминдела М.М.Литвинову, как ему реагировать на обращение представителя «Белухи» Б.К.Рериха, который поднимает вопрос о возможности «привлечения фирмы к промышленной (главным образом, горной) деятельности в Танну-Тувинской республике» [40]. Речь шла о «политической целесообразности» проникновения американского капитала в Танну-Туву. По приезде в Ургу принялись снова обсуждать будущую судьбу корпорации «Ур». Четверка путешественников прибыла в столицу Монголии 29 марта 1927-го, а 2 апреля в Нью-Йорке был оформлен учредительный документ этой корпорации [41]. В нее вошли в качестве директоров три американца – Л.Л.Хорш, С.М.Ньюбергер, М.М.Лихтман и один русский – Б.К.Рерих. Решено, что Борис Константинович поедет в Америку и там «позаботится, чтобы "У[r]" прогрессировала» (29.3.1927) [42]. Согласно сертификату, уже через два дня, 4 апреля было выпущено 10 тысяч акций достоинством 500 долларов каждая. Таким образом, капитал новой корпорации составил 5 млн. долларов ценными бумагами. Но это был всего лишь потенциальный капитал, его предстояло нарастить и сделать реальным.

У крыльца дома Рерихов. Улан-Батор, 1927.
Слева направо: Ю.Н.Рерих, Б.К.Рерих, З.Г.Лихтман, Е.И.Рерих,
П.В.Всесвятский(?), М.М.Лихтман, Н.К.Рерих

На обратном пути, в Москве Лихтманы 27 апреля первым делом встретились с Трилиссером и «рассказали ему о "Б[службе]" и Студии» (27.4.1927) [42]. В тот же день видели больших начальников в Главконцесскоме – Скобелева и Япольского. Состоялся долгий разговор о том, что летом текущего года не удастся снарядить экспедицию на Алтай. Поворот событий оказался неожиданным. В виде аргумента американцы привели неудовлетворительный отчет Пономарева и тем самым всё его обследование поставили под сомнение. (Помощник начальника Главгортопа ВСНХ тоже признался, что доклад составлен неумело). Представители «Белухи» просили перенести экспедицию в Горный Алтай на следующий, 1928 год. Их просьба решением пленума Главконцесскома от 9 июня 1927 года была удовлетворена [43]. Примечательно, на пленуме докладывал Япольский, а председательствовал Троцкий.

На протяжении всего мая 1927-го Лихтманы осаждали Трилиссера по вопросам «Студии», или новой корпорации «Ур». Вместе с Б.К.Рерихом они подготовили записку в представительство Республики Танну-Тува в Москве. Борис Константинович дважды лично побывал на переговорах с тувинцами, 14 и 15 мая. Правительство Тувы быстрого ответа не давало, поскольку главные нити вели в Кремль и окончательное решение принималось не без ведома Наркоминдела, в частности, Л.М.Карахана. Морис Лихтман и Б.К.Рерих целый месяц курсировали между Москвой и Ленинградом, ведя переговоры об организации горно-геологической экспедиции в Урянхайский край на 1928 год. Судьба проекта, казалось, зависела от начальственного треугольника – Д.И.Мушкетова (Геолком), И.М.Губкина (Главгортоп) и Н.П.Горбунова (Совнарком), последний представлял также интересы Академии наук. На самом же деле над всем главенствовал именно Карахан. Ему кланялись Скобелев и Япольский и даже Трилиссер, которому тоже пришлось ходатайствовать о продвижении дел корпорации «Ур» перед Наркоминделом. Вот что писал заместитель народного комиссара Карахан в Главконцесском:

«Сов. секретно. 4 мая 1927 г. Главконцесском, т. Скобелеву.

Ввиду особого положения, занимаемого Тувинской Республикой в отношении Китая, Монголии и СССР, вопрос о допущении нами туда иностранного, в частности, американского капитала, требует чрезвычайно осторожного подхода. Не возражая в принципе против привлечения солидных иностранных фирм к горным разработкам в Тувреспублике совместно с Тувинским Торгово-Промышленным Банком, НКВД, основываясь на приведенных Вами о "Белуха-Корпорейшн" сведениях, считает допущение

этой фирмы в Тувреспублику нежелательным. Л.Карахан» [44].

После взаимного обмена любезностями между Главконцесскимом, ОГПУ и Наркоминделом, Скобелеву и Япольскому все же удалось преодолеть вето со стороны политических органов. Важным аргументом явилось то, что Морис Лихтман уже хорошо знаком в Главконцесском по делу корпорации «Белуха», а также то, что он зарекомендовал себя «безусловным сторонником сближения СССР и САСШ» [45]. К тому же, предполагаемую экспедицию в Танну-Туву корпорация «Ур» целиком доверила Геологическому комитету без участия иностранных специалистов [там же]. Главконцесском просил Карахана более внимательно, не формально ознакомиться с данным вопросом. За день до отъезда Лихтманов из Москвы всё-таки удалось протолкнуть положительное решение по «Ур». Наркоминдел, учитывая проект договора между Геолкомом и корпорацией «Ур», согласился, в виде исключения, на производство геологических изысканий в Тувинской республике [46]. Это была победа Скобелева и Япольского. Хотя не обошлось и без потерь. Карахан исключил ряд пунктов договора и поставил категорическое условие – представителям «Ур» самостоятельных переговоров с Тувинским правительством не вести и во время производства работ американцев в Туву не допускать [там же]. В ответ Япольский, что называется, показал зубы Карахану, защищая Лихтмана и Рериха. Он писал: «Письмо НКВД... по делу корпорации "Ур" принято ГКК к сведению; в смысле же исполнения оно должно быть отнесено к компетенции ВСНХ СССР» [47].

Летом 1927 года Лихтманы вернулись в Нью-Йорк. Однако двигать дела «Ур» из Америки оказалось значительно труднее. Представители корпорации в Советском Союзе Б.К.Рерих и К.И.Педашенко (сотрудник Геолкома) перестали иметь какой-либо вес в отсутствии американцев. К осени всё осложнилось по непонятным причинам. Ни одно из специальных ведомств, занимающихся разведкой полезных ископаемых, не захотело взять задание американской корпорации на исследование Урянхайского края. Б.К.Рерих через Япольского обратился к Н.П.Горбунову, чтобы получить разрешение на ведение переговоров с Академией наук. Ответ Горбунова получился неожиданным: «Мы считаем неудобным производство работ Академией Наук за счет иностранного капитала» [48]. Примерно такая же ситуация сложилась и по линии Геолкома. Зинаида Лихтман с негодованием писала в сентябре 1927-го своему мужу Морису:

«Теперь относительно письма Геолкома. Эта публика сваливает теперь вину на позднее заявление Б.К. [Рериха], "неожиданное назначение" Педашенко на другую работу и потому невозможность принять наше задание, несмотря на получение ими санкции, как они это пишут. Затем они пишут, что советовали Б.К. обратиться в Академию Наук, но ни от него, ни от Академии ничего не слышали» [49].

Советского учреждения, которое взяло бы на себя обязательство провести изыскания в Танну-Туву, так и не нашлось. Хотя в Республике работал персонал постоянной Танну-Тувинской экспедиции Российской Академии наук. Именно в 1926-28 годах шло активное научное освоение Урянхайского края [50]. Примечательный факт, геолог А.И.Педашенко, брат того самого Педашенко из Геолкома, как раз в 1928 году составил карту Элегест Меджегейского золотоносного района Танну-Тувинской республики. Параллельное исследование Урянхия в середине 1920-х годов велось и со стороны Совнаркома СССР. Существовала специальная Монгольская комиссия СНК, которую возглавлял Н.П.Горбунов. Ее приоритетом считалось изучение Танну-Туву и Бурятии [51]. В свете ведомственных и государственных интересов становится понятной неуступчивая позиция Горбунова по отношению к «Ур».

Вообще 1927 год стал переломным в жизни советского общества. Началось активное проникновение партийного элемента во все социальные сферы. Пострадали даже такие традиционно независимые организации как Российская Академия наук. Но главное, развернулась жесткая борьба за власть, на вершине которой уже показался новый вождь Сталин. Такой борьбе сопутствовали необъяснимые трагические обстоятельства, наложившие отпечаток на повседневность. Деятельность корпораций «Белуха» и «Ур» в Советском Союзе тоже оказалась под ударом. В ноябре 1927 года скоропостижно умер полпред Красин, еще весной был уволен со своей должности Бородин. На посту

председателя Главконцесскома благожелательного к Н.К.Рериху Троцкого сменил Каменев. Б.К.Рерих в том же 27-м угодил в тюрьму. Он просидел недолго, а в 1929 году дал подписку о сотрудничестве с ОГПУ. Все международные связи Бориса Константиновича отныне были поставлены под контроль, в том числе его работа, касающаяся американских корпораций. Позже он снова попал под уголовную статью, на этот раз на более длительный срок [52]. И это невзирая на дружбу с Трилиссером. А быть может, и при его молчаливом согласии...

У Общества «Белуха» даже в таких трудных условиях сохранялся шанс развернуть алтайский проект. Однако по непонятным до конца причинам этот шанс не был использован. Когда пришло время для очередной разведывательной экспедиции, ее снова передвинули на год, то есть уже на 1929-й. Причина отсрочки, высказанная руководством корпорации, настолько незначительна, что не может идти в сравнение с серьезностью и масштабом поставленной задачи. «Мы просим Вас принять к сведению, – писал Морис Лихтман в мае 1928-го в Главконцесском, – что нам представляется совершенно невозможным организовать экспедицию на Алтай в этом году... Наш главный инженер, находившийся в экспедиции в Южной Америке, настолько задержался, что он не сможет вовремя вернуться. Поэтому мы считаем, будет слишком поздно предпринимать посылку какой-либо экспедиции этим летом... Ввиду этого непредвиденного обстоятельства, мы просим Вас о продлении нашего опциона до 1930 года» [53]. Настоящая причина переноса работ по Алтаю оказалась, видимо, совершенно иной. В конце мая 1928 года завершилась Тибетская миссия Рерихов. Она привнесла новые обстоятельства в Мировой план, и мечты о Звенигороде пришлось пригасить. Возможно, к данной ситуации добавилось и отсутствие денег у Хорша. Все свободные средства он направил на строительство небоскреба, в котором планировалось разместить Музей Рериха и другие учреждения. Летом 1928-го Главконцесском снова рассмотрел на своем заседании просьбу «Белухи» о продлении опциона. В протоколе отмечалось, что «концессионер недостаточно серьезно заинтересован данным районом» [54]. И все-таки Правительство готово было пойти на уступки при условии, если американская корпорация внесет залог в 5 тысяч долларов (с возвратом его по прибытии экспедиции в район Белухи на будущий год) [55]. На довольно лояльную позицию Москвы Хорш ответил неожиданным отказом:

«В Главконцесском, Москва. 24 сентября 1928.

Милостивые государи, Ваше письмо от 29 июня было зачитано на последнем заседании Правления. Было решено, что так как мы взяли на себя крупные обязательства в виде постройки небоскреба и многих других работ, мы должны отложить Ваше предложение до ближайшего будущего. Луис Л.Хорш, президент» [56].

Решение было принято Хоршем самостоятельно. Морис Лихтман находился на отдыхе, а другие влиятельные члены правления «Белухи» – Зинаида Лихтман и Фрэнсис Грант – гостили у Рерихов в Дарджилинге. Окончательного ответа из Главконцесскома сразу не последовало. У Советов теплилась еще какая-то надежда на продолжение сотрудничества. И только спустя почти год, 30 мая 1929-го ГКК аннулировал всякие обязательства со своей стороны, постановив на пленуме: «Признать права Корпорации «Белуха» на предварительные поиски и разведки в районе горы Белуха на Алтае – утраченными...» [57]. Во встречном письме вице-президент Лихтман цеплялся за соломинку, снова мотивируя промедление неудовлетворительными результатами экспедиции Пономарева [58]. Он пытался спасти ситуацию и еще раз просил перенести экспедицию – на летний сезон 1930 года. Однако Москва ответила глухим молчанием.

В то время когда решалась судьба «Белухи», в Нью-Йорке находился сам Н.К.Рерих. И аргумент Лихтмана, касающийся горного инженера Пономарева, выглядит совершенно неубедительно. Тем более что за год до того в Дарджилинге Николай Константинович нахваливал отчет Пономарева, назвав его «ценнейшим документом» [26, с. 315]. Летом 1929-го было решено несостоявшиеся проекты «Белуха» и «Ур» расширить и переориентировать на работу с Азией. Новое движение, нацеленное на развитие коммуникаций и торговли с азиатскими странами, тоже называли «Ур». В своей речи перед Советом директоров Музея осенью 1929 года Рерих представил корпорацию «Ур» как важнейшее звено, связывающее Америку и Азию. Эта корпорация была призвана приблизить новую эру Шамбалы.

III

Большинство партийных и советских деятелей безошибочно отметили в Рерихе одну и ту же черту. И Чичерин, и Мельников, и Япольский – все говорили, что он мистик. Сам же Николай Константинович никогда не скрывал своего мировоззрения и утверждал себя настоящим реалистом. Возможно, идеалы буддизма и вера в Гималайских Махатм действительно привнесли в его жизнь долю религиозности. И такое свойство личности Рериха нисколько не мешало, а наоборот, помогало ему видеть будущее Советской России в истинном свете. Алтайская экспедиция – пример глубокого религиозного чувства художника, которое подкреплялось начинаниями в области политики и экономики. «Нужно ехать на Алтай, утвердить место буддизма» (3.8.1926) [59]. Эта дневниковая запись Е.И.Рерих была сделана в Москве. Она настолько важна, что Зинаида Лихтман переписала ее в свой собственный дневник.

Что же означает фраза с намеком на существование буддизма в Горном Алтае? Откуда такая уверенность... Алтайцам известны традиционные бурханистские и шаманистские культуры. И только в последние годы в труднодоступных горах на границе с Монголией обнаружены остатки типичных храмовых строений, археологи раскопали даже буддийскую бронзу. Как Рерихи могли знать об утраченных древностях? Они упоминают в своих писаниях апокрифы, согласно которым Будда, отправившись на Север, посетил Кашгарию, Алтай и дошел до озера Байкал. Благословенный останавливался в небольшой алтайской долине, закрытой горами, в том самом месте, где теперь находится деревня Верхний Уймон. Именно туда и направилась экспедиция Рериха в июле 1926 года.

Маршрут экспедиции проходил через весь Алтай. 28 июля путешественники прибыли в столицу края, город Барнаул, поселились в гостинице «Империал». В состав группы входили трое Рерихов, Лихтманы и двое тибетцев, всего семь человек. Там Николай Константинович выступил с лекцией-беседой перед местными художниками, среди которых оказался его ученик по Школе Общества Поощрения Художеств в Петербурге А.Н.Борисов. На следующий день экспедиция тронулась пароходом по Оби и 30 июля была уже в Бийске, втором по величине городе края, расположенном у слияния рек Бии и Катунь. После короткого отдыха наняли четыре подводы с лошадьми и направились в сторону Белухи. Путешествие до Верхнего Уймона заняло семь дней. Сама поездка оказалась сложной из-за погодных условий – шли сильные дожди, зато удалось посетить уникальные места, такие например, как Кырлык, где зарождался культ Белого Бурхана. В Уймоне Рерихи разместились в доме старовера В.С.Атаманова, известного в округе лекаря-травника и проводника (он сопровождал в походах по Алтаю профессора В.В.Сапожникова и художника Г.И.Гуркина) [60]. В одной из комнат на стене была нарисована красная чаша. Еще в Москве Рерихи знали, что будут жить в этом доме...

Верхний Уймон стал базой экспедиции. Здесь она находилась 12 дней. Сразу же приступили к разведке горных пород, руд и минералов. По заказу Рерихов местные жители шили полотняные мешочки для полезных ископаемых. Лихтманы должны были присоединить свою долю образцов к находкам, сделанным геологической партией Пономарева. Она выступила на Алтай с большим запозданием – в середине августа, и проработала положенный срок до 1 ноября. Все найденные образцы пород были описаны, и к концу 1926 года Б.К.Рерих представил в Главконцесском отчет на 53 печатных страницах. В докладе сообщалось, что в районе горы Белухи и в долине Катунь «отмечены признаки золота, медных руд, залежи угля, асбест и, особенно часто, какой-то стально-серый и свинцово-серый минерал с металлическим блеском» [61]. В последнем минерале профессор В.А.Обручев распознал молибденит. 15 августа Рерихов посетил геолог Н.Н.Падуров, который вместе с помощником студентом Н.К.Разумовским специально был послан Геолкомом для обследования верхнего течения реки Ак-кем. Непосредственно на склонах Белухи, с северной ее стороны, геолкомовцы тоже обнаружили молибден [62]. Рерих предложил Падурову присоединиться к экспедиции, планируемой американской корпорацией на 1927 год.

Юрий Рерих. Верхний Уймон, 1926

Деятельность, связанная с интересами «Белухи», оказалась хотя и существенной, но всё-таки лишь составной частью большого проекта. Она стала как бы первым важным звеном в реализации общего Плана. «План и "Белуха" составляют одно целое, столь неразрывно они связаны» (13.8.1926) [30]. Это и понятно, поскольку освоение алтайского региона, взятого под концессии, предполагало создание культурно-промышленного центра. Звенигород был у Рерихов уже на устах. Большой интерес представляет суммарная оценка такого загадочного явления, как город будущего, извлеченная из дневниковых записей участников экспедиции. Хотя из них мы узнаем сначала лишь о факте «великого свершения».

«Семнадцатого августа смотрели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород» (Н.К.Рерих). «Сегодня видели Белуху и долину города... Вот мы стоим на поле будущего города. Однако мы дошли до него» (Е.И.Рерих). «Этим утром мы переправились через реку Катунь в Уймонскую долину и любовались великолепной панорамой Белухи с ее снежными пиками и седлом между ними. Также мы удостоверились, что эта долина и есть место для Звенигорода, предназначенное для великого свершения» (З.Г.Лихтман) [63].

Очевидно, что Рерихов влекло на Алтай не ради сбора камней и даже не ради обширного этнографического материала, в котором немаловажное место занимали легенды о Беловодье, стране Северной Шамбалы. Алтай – необходимая ступень в осуществлении Мирового плана. А план этот предполагал образование великого Союза Востока. О новом

государстве упоминалось с начала 1920-х годов, и наиболее концентрированное выражение идея Союза, или Новой Страны, получила после старта Центральноазиатской экспедиции, точнее перед посещением Рерихами Советского Союза. Именно о Союзе Востока велись переговоры с коммунистами. Однако о настоящем предназначении Алтая Николай Константинович вряд ли со всей откровенностью говорил в Москве. Дневники его жены, Елены Ивановны, приоткрывают замысел слишком большого масштаба, чтобы о нем вообще можно было произнести хотя бы слово. Речь шла не о религиозном, буддийском центре, в прямом смысле, а о центре мировой цивилизации, пусть даже в его идеальной форме.

«Поверх всего стоит сужденная Б[елуха]. М[осква] – ступень. Мон[голия] – ступень. Мой ашрам – ступень. Б[елуха] – мера мира. Руки Мои протянуты к г[оре], где центр мира... ибо только там зародится Союз Востока, ибо там назовется Содружество М[айтрейи]... По древнему завету место Союза девственно и ничто не покрывает древнейшую кору планеты. Руки Мои протянуты к склону горы, на ней явлена руда осмиридия и лития, почва наполнена явлением радия. Так Мы готовим место мира» (29.4.1926) [59].

Н.К.Рерих. Белуха. Эскиз. 1926

Идея Союза Востока формировалась в течение ряда лет. Это понятие, связанное с новым сибирским государством (по местонахождению столицы Звенигорода), внешне обозначилось как Новая Страна. По крайней мере, в письмах Рерихов «Союз Востока» встречается только в начале 1920-х годов, а уже с 1924-го чаще всего – «Новая Страна». «Когда будете писать о России, называйте ее Новая Страна» (4.6.1924) [64]. Как раз в это время, в конце мая было принято решение установить контакт с коммунистами и отправиться на переговоры в Берлин и в Москву. Однако «Россия» у Рерихов ни в коем случае не отождествлялась с Советской Россией, или Советским Союзом. Есть еще одна запись в дневнике Е.И.Рерих: «Явлена Новая Россия и граница ее. Ей суждено стереть многие границы Азии» (3.2.1924) [64]. Именно поэтому появляется Союз Востока. Гипотетическая страна имела отношение, видимо, к огромной пустынной территории, включающей Внутреннюю и Внешнюю Монголию, часть Китая (провинция Синьцзян), окраинную область Северо-Восточного Тибета и Сибирь (Алтай, Тува, Бурятия и пр.). Означенный ареал охватывал исконные земли буддистов и лам. В начале 1930-х годов в

границы Союза попадала даже Камчатка.

Еще за десять лет до Маньчжурской экспедиции Е.И.Рерих записала в дневнике: «Дав[айте] упр[авлять] обл[астью] от А[лтая] до Г[оби]» (15.11.1924) [65]. Именно тогда и обозначилось название для нового государства – Священный Союз Востока (ССВ). Идея этого «Восточного Союза» выношена как самая сокровенная и важная, главное дело всей жизни Рерихов. Упор делался на пустынные «каракорумы». Решено было обводнить пустыню, укрепив границы с Китаем. Затем дать политическую свободу Монголии, то есть провозгласить ее независимость от соседей (в том числе от большевиков). И наконец, призвав под знамена монголов, отстоять с оружием в руках Тибет от китайских притязаний. Венец Плана – обнародование Священного Союза Востока в Звенигороде в 1936 или 37-м году.

Первый этап Великого плана был изложен в дневнике Е.И.Рерих. Конечно, имеется в виду лишь суть проекта. Речь шла об аграрной стране, которая будет ориентироваться в своей жизни на сельское хозяйство.

«Семь раз М[ория] предводительствовал народами. Опять почти опустевшая страна получит чашу Славы. Занятые государства упустят рождение нового государства. Позабыли, как система озер легко дает орошение, и реки с гор могут легко нанести целую сеть каналов. Проверив уровни земли и естественные наклоны, даже плохой инженер догадается, как можно оросить явленную пустыню. Только надо шире мыслить и не забывать, что многие потоки стали подземными. Их не трудно на поверхность вызвать» (20.7.1924) [64].

Камнем преткновения любого дела являются, конечно, люди. И в рериховском проекте тоже надо было «думать о народе, который заселит эту пустыню». По подсчетам требовалось 10 миллионов «отборных людей», чтобы в «Новой Стране» обрабатывать землю и сеять хлеб. Не совсем понятен вопрос о национальном составе населения. Похоже, что «отбор» предполагался по религиозному принципу.

«Новая Страна поставлена на помощи лам» (15.9.1925) [59]. Быть может, это те самые поклонники Будды, которые готовы были сражаться на священной войне, – монголы, калмыки, буряты, часть китайцев и тибетцев и присоединившиеся к ним русские и татары.

Зарождение Новой Страны вполне самостоятельный акт, не зависящий от международного сообщества, тем более от какой-нибудь коалиции государств, наподобие Лиги Наций. Никаких дипломатических отношений у Союза Востока с соседними странами в момент создания института власти не предполагалось. В дальнейшем в его состав надлежало ввести Корею. Священный Союз Востока «просуществует семь лет», после чего преобразуется в Страну Мории, или «Содружество Майтрейи». Получается, Новая Страна приурочивалась Рерихами для прихода грядущего Будды – Владыки Майтрейи(!). Фантастическая, почти нечеловеческая по своему замыслу идея... Рерих превзошел даже Томмазо Кампанеллу с его смелой мечтой о «Городе Солнца». На просторах Азии должно было появиться нечто гораздо большее и великое – Страна Солнца.

У каждого нового государства есть своя столица. У Союза Востока тоже был определен центр светской и духовной власти – город Звенигород в окрестностях Белухи, на русском Алтае. План его возведения существовал в общих чертах, поскольку сначала предстояло получить концессии. Самым удобным местом для городского поселения являлась Уймонская долина. А в горах грезился Храм Единой религии. «Внизу город Новой эпохи, над ним Храм человеческих достижений и место встреч земли с духом» (3.5.1924) [64]. Если с городом всё более-менее ясно (в данном случае представление может быть дополнено здоровой фантазией), то с Храмом полная неопределенность. У Е.И.Рерих встречаются сведения общего характера, связанные с убранством Святилища, со специальными службами и молитвами, с обустройством алтаря и прочее. Кстати, именно в алтаре Храма и должен помещаться Камень, который Рерихи получили в Париже. Управление Храмом осуществляет община Алтайских сестер. Создать проект такого необычного сооружения Рерихами вменялось их сыну Святославу. В Нью-Йорке он окончил архитектурную школу при Колумбийском университете. К тому же приложил руку даже к проекту Мастер Билдинга. (В Рериховском музее хранятся эскизы небоскреба на 103-й улице, сделанные рукой молодого художника). Есть упоминания и о строительстве у Белухи буддийского храма для калмыков

(20.7.1924) и православной церкви для почитателей Христа (28.5.1924). Но это также из области великих проектов на будущее.

Итак, очевидно, что на Алтае предполагалось небывалое по замыслу строительство города Звенигорода. Первый шаг на этом пути – постройка храма, она должна была начинаться под знаком науки. У подножия Белухи предполагался целый научный комплекс. На высоте семи тысяч футов – опытная станция, или лаборатория «Ур» по изучению психических явлений. На вершине горы наиболее удобное место для обсерватории. А внизу создается библиотека. Там же располагается музей Аллал-Минга, который «посвящен знанию и искусствам» (6.9.1924) [65].

Следующий шаг в строительстве нового Китежа относился к образовательной сфере. Еще в начале 1921 года был намечен проект создания Университета [66]. Название высшего учебного заведения выглядело несколько необычным – «Храм Знания и Красоты». Хотя по сути любой университет является храмом знаний. В те годы Рерихи ожидали, что в Сибири могут произойти глобальные перемены в государственном и политическом масштабе. Власть большевиков падет, и на родину возвратятся из эмиграции просвещенные педагоги. Расчет делался на старшее поколение и на русскую молодежь, которая получила образование в лучших университетах Европы и Америки. Из ее среды надеялись сформировать корпус профессоров, числом не менее 30 человек. Естественно, первыми кандидатами в преподаватели были намечены сотрудники рериховских учреждений и их друзья. А ректором заранее выдвигался сам Н.К.Рерих.

Открытие Университета Николай Константинович первоначально намечал на 1931 год (первая лекция). Общая доктрина университетского образования отличалась от повсеместно принятой. В программу вводились, помимо традиционных дисциплин, вновь возрожденные древние знания, давно утерянные человечеством не только на Западе, но и на Востоке. Ведь Азия является колыбелью современной западной цивилизации и потому должна занять соответствующее место в иерархии знаний. «В Звенигороде вижу Университет, где совместятся наконец точные науки с пониманием духа» (26.1.1924) [67]. Всего основатели Университета запланировали в учебных планах 70 курсов. Именно нестандартная их часть и закреплялась за сверстниками Юрия Рериха. Он сам, как востоковед, взялся за курс лекций «Пути достижения Адептов Тибета». Его давнему другу юристу Г.Г.Шкляверу достался курс «Символика права», а подающему надежды молодому ученому В.А.Перцову надлежало читать «Алхимию», «Превращение планетарных эманации» и «Порядок получения элементов психической энергии» [68]. Последний с конца 1920-х годов состоял сотрудником Гарвардского университета (США) и заочно – на должности заведующего Биохимической лабораторией Института Гималайских исследований «Урусвати» в Кулу. Помимо того, профессорами готовились знаток теософии В.А.Шибав и выпускник Массачусетского технологического института, поэт и переводчик В.В.Диксон.

Молодые перспективные профессора группировались вокруг Юрия Рериха. Все они были, в основном, его друзьями и все хотели потрудиться для будущей России. В парижском дневнике начинающего востоковеда Рериха [69] неоднократно встречаются указы о служении русскому народу по возвращении на родину из эмиграции. Правда, имеется в виду Азиатская Россия. Жизненное пространство на перспективу обозначено в юношеских рисунках линиями Россия–Индия– Китай. Повсюду в этих географических пунктах у него нарисованы горящие светильники. Это места предстоящего строительства. И всегда указан один и тот же роковой 1931 год.

Образовательные идеи, применительно к Новой Стране, позже были сформулированы в уже упомянутой книге «Напутствие Вождю». Немало параграфов посвящено там принципам обучения в начальной и средней школе, предшествующей зрелому университетскому образованию [70]. Главное внимание уделяется естествознанию – биологии, химии, астрофизике, географии, а также прикладным ремеслам и религиозному воспитанию. Вводится предмет военного дела. И наравне с Университетом учреждается Военная Академия. В школах воспитывается мышление будущих строителей. «Дайте малым мыслить о Звенигороде как могут, лишь бы мыслили» (5.5.1924) [64].

Рисунки из дневника Юрия Рериха. Париж, 1922-1923

Алтайский проект перерос границы Азиатской России. Тибетская экспедиция внесла коррективы в планы Рерихов. Но еще раньше, по завершении переговоров в Москве и после посещения Горного Алтая, стало ясно, что «незачем слишком ограничивать себя Белухой – задача всей Азии шире...» (7.9.1926) [71]. Приезд Н.К.Рериха в Нью-Йорк в 1929-м наполнил новым содержанием всю деятельность американских учреждений. Николай Константинович заявил перед Советом директоров Музея о необходимости союза Америки и Азии. Он даже намекал, будто Америка и есть «Страна Шамбалы», или страна будущего. Эти слова были произнесены в честь вновь учреждаемой корпорации «Ур» [72]. Красная Москва отказала Рериху в сотрудничестве, и на смену ей пришло могущество Соединенных Штатов. Только такая финансово мощная держава могла теперь приблизить «Новую эру». Вождь культуры был в этом абсолютно уверен. Именно потому в своей речи он сказал о перспективах экономического освоения Азии, по существу, очерчивая границы Новой Страны.

«Мы не должны забывать, что даже Китайский Туркестан, где раскинулась пустыня Такла-Макан, не говоря уже о землях калмыков, бурят, монголов и тибетцев, заключает в себе многие миллионы жителей, а природные богатства этих обширных территорий практически нетронуты. Нефть и уголь, залегающие здесь, высочайшего качества. Золотые россыпи, залежи серебра, железа и меди, асбеста, прекраснейших сапфиров, рубинов, бирюзы и других ценных минералов, наравне с радиоактивностью, составляют внутреннее

богатство этого региона. Поразительное разнообразие природных ресурсов, горячих источников, богатой химическими элементами почвы представляет непревзойденные возможности...» [72, с. 3].

Всё сказанное Рерихом поразительно подходит к описанию богатств региона Белухи! Границы Алтая были раздвинуты им до пустынных пространств Такла-Макана и Гоби. К перечислению природных ископаемых Николай Константинович прибавляет пересказ беседы с одним из местных жителей-азиатов, который утверждал, что на песчаной почве пустыни Такла-Макан можно выращивать урожаи. «Это только кажется, будто почва песчаная. На самом деле – это донные отложения древних рек и озер. Любое семя, брошенное в почву, дает прекрасные всходы» [там же]. Так мало-помалу стала проявляться идея оживления пустынь. К началу Маньчжурской экспедиции она сделалась программной и получила оригинальное выражение в виде лозунга «Да процветут пустыни!».

Проект «Ур» основывался на трех направлениях работы. Первое, установление «визуального» контакта Америки с азиатскими странами (через издание буклетов, открыток). Второе, развитие всевозможных видов коммуникаций, в том числе строительство в Азии новых дорог и воссоздание древних путей сообщения. Третье, устройство на Востоке радиостанций, которые смогут вещать на местных наречиях. «Четыреста миллионов буддистов и ламаистов посредством этой новинки услышат учение Будды, их сердца будут впредь всегда открыты новым возможностям... даже самый холодный очаг разгорится пламенем» [72, с. 7]. Рерих сделал акцент на коммуникациях самого разного рода, позволяющих легко проникнуть в отдаленные уголки Центральной Азии, и при этом выразил надежду на пробуждение буддистов и лам (!).

Однако всё это было лишь началом. Далее следовало незамедлительное осуществление «главной программы», в первую очередь – организация экспедиции «для проведения предварительных работ» [там же]. В состав экспедиции планировалось включить: горного инженера, торгового представителя, кинооператора, археолога и специалиста по местным языкам. Новая экспедиция в Центральную Азию под главенством Рериха и его сына Юрия фактически стала обретать ясные очертания. Расходы на путешествие предлагалось покрыть за счет киносъемок. Следует напомнить, как раз к 1929 году уже были завершены переговоры Мориса Лихтмана с секретарем Монгольского Учкома Цыбенем Жамцарано о съемках документального кино в Монголии.

Рерих указал, что прямым следствием этой экспедиции в Азию станут практические достижения в электрификации, в создании индустрии медикаментов и автотранспортных средств, в разработке минерального сырья и почв, в организации молочного производства и научных сельскохозяйственных станций. Такая программа, по заявлению трибуна, никак не походила на «умозрительное прожектерство», а легко могла принести реальные плоды. «Ур – это прекрасный рассвет, сотканный из конкретных возможностей» [72, с. 8]. Новый поход в Центральную Азию пробивал себе дорогу и в конце концов реализовался в виде Маньчжурской экспедиции.

Свою речь Рерих произнес в стенах только что отстроенного высотного здания Музея. Новый небоскреб олицетворял мощь грандиозных замыслов Вождя культуры. Недаром этот небоскреб назывался Мастер Билдинг, или Дом Учителя. Будущее только обретало свои реальные очертания. При постройке Музея в его основание был установлен закладной камень из черного гранита. Под ним положена старинная шкатулка, в которой до сих пор хранятся несколько тибетских монет, данных Учителем Морией, и письмо о Новой Стране, написанное «Собственной рукой» Махатмы [73]. Вход в Музей раньше украшал огромный витраж, он был выполнен по эскизу Рериха. В цветных стеклах вырисовывались две святые фигуры – мужская и женская. В руках они держали храм – символ завещанного града Звенигорода...

Витраж по эскизу Н.К.Рериха
на фронте Музея в Нью-Йорке. 1929

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАХАТМА АК-ДОРДЖЕ

(От шанхайского корреспондента)²⁰

Волнующееся море жизни Востока, даже в момент затишья, все время выносит на поверхность новые явления и новые имена. Вулкан Азии все время в движении, и ясно одно, что все прежние мерки и определения уже более не действительны. Размеры неведомой Азии гораздо обширнее, нежели статистика старых словарей. Постоянно появляются новые комбинации и новые люди, с какими-то настойчивыми и привлекательными для масс решениями. Целые группы Махатм, или Учителей жизни, издавна появлялись и в Индии, и в Китае, и в Средней Азии, возглавляя многие значительные явления. Кроме прославленных имен Шри Рамакришны и Свами Вивекананды и сейчас в Индии почитается имя коммунистического деятеля Ауробиндо Гхоша, живущего во французском Пондишери. Титул Махатмы по-прежнему сопровождает имя Ганди. В Средней Азии называлось имя Цаган Хутухты. Теперь еще новое имя привлекает внимание. В разных местах Азии появляется загадочный деятель Ак-Дордже, очень жизненно провозглашающий идеи общего единения и коммунизма. Говорят, что по происхождению и по имени Ак-Дордже монголо-тибетского происхождения. В его руках находятся многозначительные древние пророчества, все время уже исполняющиеся. Даже последнее бегство Таши-ламы было определено ими. Вся деятельность этого нового явления направлена на объединение народов на основах старой литературы и религий. Как слышно, в этом учении дух не противопоставляется материи, но наоборот, материя возводится до качества духа. Не удалось установить, из какого источника исходит это учение, так как трудно отделить от действительной передачи. Но видимо, с этим явлением миру придется широко встретиться.

Весною этого года в «Шанхай Тайме» была помещена большая статья д-ра Лао Цзина с описанием странной колонии философов, теперь живущих в дебрях гор Тибета. Д-р Лао Цзин вместе с ламой из Непала имел возможность кратковременно побывать там. В статье подробно описывается быт этих ученых-отшельников, их обширная библиотека, лаборатория, наполненная ценными научными аппаратами, плантации, своеобразная архитектура зданий и сношения с внешним миром. Газета указывает, что содержание статьи войдет в книгу, которая выйдет на китайском, русском и монгольском языках. Еще недавно такая статья была бы встречена лишь насмешливо и критически, но теперь мы имеем столько новых фактов жизни и понятия так расширились, что указанная статья вызвала большое внимание, была переведена, охотно перепечатана и цитирована.

Азия всегда слыла страной «чудес», но теперь эти чудеса сошли на землю и приближаются к реальному переустройству жизни. Надо обратить внимание на то, что основы новых движений лежат не извне, но глубоко внутри вековых традиций и тем убедительны для широких народных масс.

Давно сказано, что «идеи управляют миром».

Sang-Chang-Lo

ACRC. Roerich Collection.Box: Roerich, 1-36 (inprocess),
folder27. Автограф Н.К.Периха. 2л.

---

²⁰ На полях рукописи рукой Н.К.Периха написано: «Для печатания на разных языках».

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КОРПОРАЦИИ «БЕЛУХА» О КОНЦЕССИЯХ В ЮГО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ

В Главный Концессионный комитет, Малая Дмитровка, 18, Москва, СССР

Имея твердую уверенность в будущее крепкое и дружелюбное созидательное единение между СССР и Америкой, как и в большие практические возможности в смысле развития и построения Киргизской С. С. Республики и утилизации ее природных ресурсов, – группа деятельных американцев, людей широкого кругозора, инкорпорировавшись под именем «Белуха», намерена приложить свои силы для экономического развития и созидания в Юго-Западном Алтае горной промышленности, сельского хозяйства и других родственных к ним отраслей хозяйства и промыслов.

В основу наиболее успешного выполнения указанных целей члены Корпорации полагают базу полного доверия, кооперации и взаимной выгоды между СССР, Киргизской ССР и Корпорацией «Белуха», и для достижения этих результатов «Белуха» прилагает свои планы и прошение на выдачу концессий в известных районах и участках, которые им желательно развить и утилизировать.

Вполне осведомленные относительно теперешнего необработанного и необитаемого состояния многих перечисленных здесь районов, Общество «Белуха» желает исследовать и развить эти районы, не руководствуясь исключительно неиспользованными возможностями и естественными богатствами, но имеет также в виду и неизмеримую пользу для народов России и Америки в смысле развития действенной почвы Алтая как страны и установления кооперативных и экономических условий. Такие условия, объединяющие национальную и экономическую жизнь этих народов, закрепят неизбежную связь как родственного, так и тесно географического характера. Более того, Корпорация «Белуха» намерена установить тесные дружественные сношения с Правительством и населением нижеупомянутых местностей.

Ввиду этого, чтобы показать серьезность своих начинаний, «Белуха» испрашивает концессии только на те земли, которые принадлежат ведомствам: Кабинету и Удельному, отнюдь не претендуя на территорию, находящуюся в настоящее время в пользовании и владении местного Правительства или населения.

Для того чтобы в дальнейшем закрепить благоденствие и мирное благосостояние населения этих местностей, Корпорация «Белуха» пожертвует известный процент со своих доходов на развитие общин и улучшение условий жизни. Для этой цели проектируется основать образовательные учреждения всех родов, как для народного блага, так и центры научных изысканий.

Следуя по стопам наиболее современного и гуманитарного движения в областях индустриальных начинаний, «Белуха» намерена снабдить население усовершенствованиями для улучшения санитарного, домашнего и общего благосостояния населения, а именно учреждений народной и общественной пользы, как-то электрификации, путей сообщения, водяной силы и резервуаров.

Выбирая отрасли рудопромышленности и сельского хозяйства с прилегающими к ним промыслами для их фактической разработки, Общество «Белуха» считает, что именно эта разработка создаст наибольшую практическую выгоду. В связи с современными экономическими и индустриальными запросами основательное применение усовершенствований в указанных выше отделах промышленности приведет к наибольшей экономической прибыли. Это в особенности должно быть подчеркнуто в серебропромышленности, в которой беспрестанно возрастающий спрос со стороны Китая и Индии требует гораздо большего запаса, нежели в настоящее время добывается. Кроме того, эти же отрасли предприятия дадут возможность занять работой наибольшее количество рабочих сил из местных населений и послужат для ввоза в обозначенные районы последних и наиболее усовершенствованных американских машин и орудий, так же как и применения наиболее научных методов производства. Также предполагается воздвигнуть на указанных площадях опытные центры для изысканий лучших способов усиления плодородности почвы наравне с ее предохранением. Специальные усилия будут направлены на оплодотворение

бесплодных и неспаханых пространств земли. Научные опыты будут направлены на наибольшее усовершенствование указанных выше способов и практическую утилизацию вышеозначенных продуктов для наиболее популярной общей и коммерческой выгоды.

Одновременно с этой системой опытные станции и лаборатории будут установлены для полного изучения всех радиоактивных свойств, находящихся в этих районах, с их специальным применением к сельскому хозяйству.

Будут сделаны Обществом «Белуха» все усилия для поощрения взаимной дружественной связи с населением прилегающих районов, что будет являться одной из основных задач в жизни и деятельности Общества «Белуха». Всё это относится не только к использованию указанных продуктов, но также к сохранению, оплодотворению, усилению и широкой утилизации ресурсов Киргизской С. С. Республики.

Будучи уверены в том, что поощрение экономических сношений усилит союз между СССР и Америкой, Китаем и другими восточными странами, и сознавая, что некультивированное состояние известных районов делает необходимым ввоз нужных материалов, Общество «Белуха» употребит все усилия на содействие ввоза и вывоза тех продуктов, в которых особенно нуждаются эти страны и которые послужат к сплетению индустриальных судеб этих наций. Суммируя вновь свои основные принципы, Корпорация «Белуха» опять подчеркивает те основные положения, которые побудили ее соискание концессий в Юго-Западном Алтае, и убежденная в будущем союзе между Русской и Американской нациями, Корпорация верит в то, что все усилия, направленные на успех этого задания, должны быть употреблены на соединение и кооперативные устремления к индустриальному, экономическому, образовательному и культурному росту в жизни этих наций, мирная работа которых должна быть взаимно поощряема и полезна.

Кооперация «Белуха» представлена в лице:

Луис Л.Хорш – Президент

Морис Лихтман – Вице-президент

Фрэнсис Р.Грант – Казначей и секретарь.

1 мая 1925 года

ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 3-7. Машинопись.

ПО ДЕЛУ КОРПОРАЦИИ «БЕЛУХА» (Концессия на Алтае)

1.

Сов. секретно

В Главный Концессионный комитет, Москва

Париж, 8 июня 1925. 79, Rue de Crenelle

Меня посетил гр. Хорш, председатель Правления Американской Корпорации «Белуха». Предложение данного Общества, поступившее к нам и одновременно в копии в Главконцесском и на имя т. Хургина, касается целого ряда комбинированных концессий в Юго-Западном Алтае на территории в 30000 с лишним кв. верст.

Хорш, являющийся, по его словам, брокером Нью-йоркской Биржи, заявил мне, что он принадлежит к категории «новых американцев», видящих необходимость работы американского капитала за пределами Соединенных Штатов и верящих в неизбежность экономического союза СССР и Америки. Указывал, между прочим, на разногласия американского и английского капитала. В общей беседе Хорш развивал идею работы на Алтае в самом широком масштабе, включая горное дело, установку металлургических заводов, сельскохозяйственные и лесные концессии, постройку целлюлозных заводов, жилищное строительство, прокладку ж[елезно]-д[орожных] путей, искусственное разведение ценных пушных пород, электрификацию и т.д., одним словом, полную индустриализацию имеющей быть сданной в концессию территории. У Общества будто бы имеется уже собранного капитала на 3 млн. долларов. Для дальнейшего развития дела они уверены в

получении финансовой поддержки на Уолл-Стрит.

Данное Общество специально организовано для получения концессии. Переговоры по этому предложению и явились главной целью приезда его и вице-председателя Общества Лихтмана в Париж. Они желают ехать в Москву для ведения конкретных переговоров и будут ждать в Париже некоторое время Вашего ответа, а затем вернуться в Нью-Йорк и в случае благоприятного ответа из Москвы будут готовы выехать с инженерами в СССР в сентябре.

Я указал Хоршу, что внимательное изучение этого проекта в Москве несомненно потребует значительное время, и потому немедленного ответа ожидать не приходится. Попутно я выяснял некоторые неясно изложенные в их предложении пункты. Как он мне заявил, вопрос о «кооперативных взаимоотношениях с СССР» (п. VI условий проекта) не обозначает смешанного Общества. Концессия мыслится ими в чистой форме, и передача 50% прибылей Правительству является платой за концессию. В отношении «свободной торговли с Китаем и в будущем с другими странами Востока и Азии» (лит. «Д» п. X) он указал, что это относится исключительно к вывозу продуктов, добываемых концессионером на территории концессии. Вообще Хорш заявил, что их проект не является окончательным и что они готовы будут принять изменения с нашей стороны. До выяснения солидности данной группы, о чем мы запросили тов. Хургина, я никаких условий конкретно с гр. Хоршем не обсуждал.

Ввиду того что оба американца будут ждать Вашего ответа здесь лишь несколько недель, они просили Ваш ответ после этого срока направить в Нью-Йорк.

Л. Перлин Секретарь Концессионной комиссии
ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 29-31. Машинопись.

2.

Секретно

В Главный Концессионный комитет, Москва

Париж, 12 июня 1925

В добавление к нашему письму за № 0419 сообщаю, что у меня опять был гр. Хорш, председатель американского Общества «Белуха», и указал, что они весьма интересуются, помимо объектов, перечисленных в проекте договора, также рудниками в Зырянском и Змеиногорском районах, а также Риддеровскими, Белоусовскими, Чудакскими, Толовскими, Николаевскими, Сугатовскими и Гуриевскими месторождениями. Некоторые из этих объектов, по имеющимся у нас данным, попадают в число концессионных объектов «Лена Гольдфильдс», однако, за неимением точных данных мы не могли дать соискателю необходимых сведений. Я предупредил гр. Хорша, что вряд ли удастся получить ответ в желательный для него двух-трехнедельный срок и что сведения придется, по-видимому, переслать в Нью-Йорк.

Из нескольких встреч с гр. Хоршем я вынес неблагоприятное впечатление об его солидности как соискателя, хотя никаких данных у нас пока еще не имеется.

Л. Перлин Секретарь Концессионной комиссии
ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 32. Машинопись.

3.

В Главный Концессионный комитет, Москва, июня 26 дня 1926 года

Ссылаясь на нашу Докладную записку от 1 мая 1925 года касательно предоставления Корпорации «Белуха» концессии в районе юго-западного Алтая, настоящим нижеподписавшиеся доводят до сведения Г.К.К. о том, что они прибыли в Москву для ведения конкретных переговоров по этому вопросу, имея на сей предмет надлежащие полномочия.

Ближайшим предметом переговоров должен явиться вопрос о разрешении нам совместно с соответствующими специалистами произвести предварительный осмотр района,

которого касалась упомянутая Докладная записка.

Детальные переговоры о самой концессии, о площадях для разведки и для эксплуатации, о программах затрат и т.д. мы считали бы целесообразным отложить до возвращения этой экспедиции.

Однако уже сейчас мы готовы твердо фиксировать следующие положения:

I. Корпорация «Белуха» имеет в виду, разумеется, осуществлять свою работу на началах коммерческого расчета, однако, ставя себе прежде всего культурно-творческие цели.

II. Корпорация готова улучшать имущество и специальное обзаведение, поскольку это будет необходимо для расширения концессионного предприятия, не изымая из дела ни основного капитала, ни инвентаря и обзаведения, и пользуясь лишь дивидендом на 50 % акций и ставя, таким образом, в основание принцип истинной кооперации.

III. Все данные, полученные при осмотре концессии, будут доложены в точных копиях органам Правительства и Корпорации «Белуха». Мы предлагаем включить в состав нашей экспедиции специалиста, назначенного Правительством, который, совместно со специалистом, приглашенным нами, удостоверит результаты экспедиции.

IV. Для оплаты труда специалиста, назначенного Правительством, Корпорация готова внести в Банк по указанию Правительства сумму, достаточную по взаимному соглашению.

V. При заключении концессионного договора может быть внесен залог в соответственном размере.

Имея намерение использовать для поездки летние месяцы этого года, просим о незамедлительном ответе.

Полагая, что вышеизложенные положения будут признаны Г[лавному] К[онцессионным] К[омитетом] удовлетворительными, мы ожидаем ответа в благожелательном смысле.

Вице-президент: Морис Лихтман

Директор: З. Г. Лихтман

ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 73-74. Машинопись.

4.

В Главный Концессионный комитет, Москва, 14 марта 1927

Настоящим Американская Корпорация «Белуха» представляет план работ и карту с нанесением маршрута экспедиции на 1927 год по обследованию района горы Белуха согласно В/отношения от 15 июля 1926 г. за №7158917 по пункту 7.

Экспедиция предполагает выступить в мае месяце 1927 года, причем сметные ассигнования на эту экспедицию предположены в сумме не менее 15000 рублей и не более 40000 рублей; состав экспедиции указан в прилагаемой пояснительной записке.

Полевые работы предполагаются в течение 5 месяцев, один месяц проезд экспедиции к месту работ и 4 месяца камеральной обработки материалов (в общем десять месяцев), таким образом просим выдать разрешение на работы экспедиции в течение этого срока, после чего нами будет представлен отчет в двух копиях: в Главконцесском и в Американскую Корпорацию «Белуха» в Нью-Йорке.

Принимая во внимание пояснительную записку, настоящим американская корпорация «Белуха» просит дать разрешение на продолжение означенных работ в течение 1928 и 1929 годов.

Ввиду необходимости срочной подготовки и отсылки настоящей экспедиции просим Главконцесском дать возможно скорый ответ.

Американская Корпорация «Белуха» Вице-президент – Морис Лихтман

Уполномоченный представитель в СССР Американской Корпорации «Белуха» – Б. Рерих

Приложение: 1 карта, пояснительная записка и проект соглашения.

ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ

Настоящим Главный Концессионный комитет выражает свое согласие на организацию

Вами на следующих основаниях экспедиции, имеющей целью предварительное обследование района горы Белухи:

1. Поиски и обследование будут производиться в районе горы Белухи, ограниченном с юга водоразделом и бассейном верхнего течения реки Катунь, с севера – бассейном реки Катунь, с востока – течением реки Аргуты и с запада – нижним течением реки Тихой и Бирюксы.

Примечание: долина реки Верхний Уймон включается в указанный выше район.

2. Сроки окончания поисков и обследования устанавливаются для каждого сезона по соглашению.

3. Оплата расходов по организации экспедиции производится Корпорацией «Белуха», которая гарантирует оплату всех необходимых расходов, как-то: расходов по зарплате, по оплате проездов, по приобретению оборудования в размере действительной надобности. Сумма всех этих расходов должна быть не менее 15000 рублей в сезон.

4. В случае состава экспедиции из американских инженеров, в состав экспедиции Высшим Советом Народного Хозяйства может быть командирован свой представитель, причем сумма, необходимая на покрытие расходов, связанных с его поездкой, вносится Корпорацией «Белуха» одновременно и до отъезда экспедиции на текущий счет ВСНХ в Государственном Банке.

5. Данные поисков и разведок по окончании таковых должны быть сообщены Правительству СССР.

6. В случае обнаружения настоящей экспедицией полезных ископаемых, Корпорация «Белуха» сохраняет преимущественное право на производство детальных разведок в указанном выше районе в течение последующих лет. Сумма обязательных затрат на разведки и характер разведочных работ имеют быть установленными по соглашению между Правительством СССР и Корпорацией «Белуха».

7. В случае обнаружения разведками 1927, 28 и 29 гг. месторождений полезных ископаемых, имеющих промышленное значение, а также установления возможности организации в районе горы Белухи культурно-промышленного центра, Корпорация «Белуха», если ею будет доказано, что она располагает необходимыми для разработки и эксплуатации указанных месторождений средствами, получит преимущественное право, при прочих равных условиях с другими возможными соискателями, на заключение соответствующего концессионного договора.

ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 112, 117. Машинопись.

5.

Не подлежит оглашению
В Совет Народных Комиссаров СССР

Москва, 18 июня 1929

6-го июля 1927 г. Главный Концессионный комитет согласно постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 28-го июня 1927 года (протокол № 219, п. 27) выдал Американской Корпорации «Белуха», организованной в Нью-Йорке, письмо о том, что ей в течение летнего сезона 1928 года, т.е. по 1 ноября 1928 г., предоставляется право организовать экспедицию для производства предварительных поисков и разведок полезных ископаемых в районе горы Белуха на Алтае.

По окончании экспедиции Корпорации предоставлялось право заключить договор на производство детальных разведок в указанном выше районе в течение одного года, считая с 1-го ноября 1928 года, с последующим преимущественным правом на заключение концессионного договора на эксплуатацию обнаруженных ею полезных ископаемых.

Письмом от 6 мая 1928 года Корпорация, сообщая о том, что в лето 1928 года экспедиция ею не будет послана, просила о продлении опциона до 1930 года.

На основании постановления Главконцесскома от 11 июня 1928 года Корпорации было сообщено, что Главконцесском считает возможным дать отсрочку до 1-го ноября 1930 года при условии, если Корпорация внесет залог в размере 5000 долларов, каковой будет

возвращен ей по прибытии экспедиции в район Белухи. Означенное условие было вызвано тем обстоятельством, что Корпорация в своем письме не привела достаточных оснований, для того чтобы считать, что сезон 1928 г. не может быть ею использован, и кроме того, Главконцесском нашел, что соискатель недостаточно серьезно заинтересован данным районом и возможностью его будущей эксплуатации.

В ответ на это Корпорация сообщила Главконцесскому, что по постановлению Правления Корпорации предложение ГKK отложено до ближайшего будущего, так как ею взяты на себя крупные обязательства в виде постройки небоскреба и многих других работ.

Пленум Главного Концессионного комитета, рассмотрев в заседании от 30-го мая 1929 г. (протокол № 49, п. 9) означенное дело, постановил:

«Признать права Корпорации "Белуха" на предварительные поиски и разведки в районе горы Белуха на Алтае – утраченными по истечении установленного в договоре срока, о чем сообщить Корпорации "Белуха" и довести до сведения СНК СССР».

Обо всем вышеизложенном Главный Концессионный комитет доводит до сведения Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

*Председатель ГKK – Л. Каменев
Зам. Председателя ГKK – М. Рейхель
Вр. исп. об. Зав. Секретариатом ГKK – Фирсов*

ГАРФ. Ф. 8350, оп. 3, д. 246, л. 13-13об. Машинопись.

КОРПОРАЦИЯ «УР»

Выступление профессора Николая Рериха в Нью-Йорке перед Советом директоров Музея

Санскритский корень «ур» означает утро или рассвет. Это имя является не только символом рассвета, эволюции Азии, но также новых средств дружественного обмена всевозможными видами продукции в полном согласии с истинным пониманием основ эволюции человечества.

Новые достижения человеческого гения, открытия, явленные миру с головокружительной быстротой, мощный рост промышленности требуют новых подходов, которые, в своих мирных доспехах, разрушат презренные стены вредных предрассудков прошлого. Изобретение радио сломало традиционное представление о границах. Дирижабли бороздят пространство; телевидение и кино вскоре явят нам истинное лицо свершений. Все прочие принципы человеческого взаимодействия должны равным образом наполниться новым содержанием под влиянием новых жизненных реалий новой эры, или, как говорят в Азии, эры Шамбалы, наступление которой было предречено в древнейшие времена.

Азия, вмещающая миллиард человеческих сердец, остается очагом всех духовных учений. Во имя Учения Жизни Восток и Запад объединяются, и истинное понимание эволюции предопределяет их мирную встречу на ниве просвещенного гения и труда.

Азия – миллиард сердец! Азия – сокровища земли и духа!

За время нашей экспедиции, длившейся пять лет, мы поняли, что Азия открыта для любых контактов, особенно с Америкой.

Отрадно было видеть, что любая американская продукция высоко ценится в Азии; наши новые открытия не только не отвергаются – их с радостью приветствуют. Обладая огромными потребностями, которые до сих пор не были насыщены, Азия открывает практически неограниченный простор для деятельности. Всё – от мельчайших предметов домашнего хозяйства до крупных станков – здесь ждут с нетерпением, от семян до лекарств – встречают с распростертыми объятиями, от цветных открыток до книг на местных наречиях – всё открывает врата к новым просвещенным принципам жизни. От простейшего сельскохозяйственного инструмента до предметов домашнего обихода – всё является объектом острой необходимости. От куска проволоки до электрических приборов на батареях – всё встречает восторженный прием.

С большой радостью узнал я, что в Азии Америку считают страной будущего. Даже в

самых отдаленных уголках люди говорят об Америке как о Стране Шамбалы – Стране Будущего. Они называют Америку «Чи-чаб», что означает «Защитник». А как много добропорядочных местных жителей, представителей разных народов, мечтают вступить в контакт с Америкой и работать представителями по продаже различных товаров!

Центр жизнедеятельности каждого организма – сердце. Тем более отраднее было видеть, что в сердце Азии, в самых удаленных уголках, великое имя Америки уже почитаемо. Мы не должны забывать, что даже Китайский Туркестан, где раскинулась пустыня Такла-Макан, не говоря уже о землях калмыков, бурят, монголов и тибетцев, заключает в себе многие миллионы жителей, а природные богатства этих обширных территорий практически нетронуты. Нефть и уголь, залегающие здесь, высочайшего качества. Золотые россыпи, залежи серебра, железа и меди, асбеста, прекраснейших сапфиров, рубинов, бирюзы и других ценных минералов, наравне с радиоактивностью составляют внутреннее богатство этого региона. Поразительное разнообразие природных ресурсов, горячих источников, богатой химическими элементами почвы представляет непревзойденные возможности для скотоводства и добычи мехов.

Когда я спросил одного из местных жителей, что можно выращивать на песчаной почве пустыни Такла-Макан, он отвечал: «Это только кажется, будто почва песчаная, на самом деле – это донные отложения древних рек и озер. Любое семя, брошенное в почву, дает прекрасные всходы».

Когда я спросил нескольких лам, где они находят средства, если нуждаются в деньгах, они ответили: «Если нам нужны деньги, мы идем к реке, промываем песок и собираем золото». Так они используют вечную сокровищницу природы.

Как известно, европейцы несколько раз терпели неудачу при попытках проникнуть в Азию, поскольку использовали чужеродные для этого региона методы, и у местного населения складывалось впечатление, что его хотят завоевать и поработить. Несколько фирм, пытавшихся внедриться сюда, также потерпели крах, ибо вели деятельность лишь в одном направлении. Но когда сама жизнь выдвигает требование взойти на новую ступень цивилизации, когда рождается необходимость во всевозможных продуктах потребления, тогда мы можем насытить эту нужду, предоставив огромное разнообразие товаров. Так продукты человеческого гения могут войти в повседневную жизнь практически каждого человека и прижиться на местной почве, не нарушая исконных этических представлений и исконного уклада. Выполнить это условие несложно. Если вы говорите на местных наречиях, знакомы с местной религией и традициями, вас примут с радостью и даже самые примитивные племена протянут вам руку дружбы в ожидании проявлений дружбы Запада.

Конечно, нужно принимать во внимание специфику местных условий. Так, было бы большой ошибкой въезжать в некоторые области, имея на руках лишь разрешение или паспорт центрального правительства. Местные власти могут не признать статуса путешественников, поэтому единственной надёжной защитой для осуществления деятельности в этих областях является паспорт, выданный местными властями. Подобные документы достаточно легко получить обычными средствами, лишь, как и везде, необходимо найти правильный подход – общаться с местными жителями на их собственном наречии и оперировать привычными им понятиями.

Путешественники должны иметь с собой большой запас предметов обмена и быть готовыми при необходимости принимать не только обычную валюту, не только серебряные монеты, бумагу, золото или медь, но также разнообразные продукты местных промыслов – золотые и серебряные слитки, золотую пыль, драгоценные и полудрагоценные камни, шерсть, меха, хвосты яков, расшитые ткани и даже предметы старины, которые зачастую восполняют отсутствие обычных денег. Истинную стоимость товаров обмена можно установить в специальной расчетной палате, что позволит сбалансировать базу взаимных расчетов. Подобно тому как в период существования Хадсон-Бей Компани появились новые методы торговли, так и сегодня можно объединить разные народы, благодаря разумному подходу, который будет всё учитывать и проводить уважительную линию в отношении основ их жизненного уклада.

Мы вновь говорим о сердце и душе народа, и мы чувствуем, что сердца уже

повсеместно открыты; наш долг состоит в том, чтобы развить это ценное свойство.

Каждый на своем языке, народы Азии говорят об эволюции. Зная священное учение Шамбалы, они ожидают прихода новой эры и, благодаря этому ожиданию нового века, понимают вехи нового времени с его небоскребами и индустриальной мощью. Они признают самолеты, железные птицы, о которых говорил Будда. Они знают, что железные дороги – это металлические змеи, служащие человечеству в соответствии с древнейшими представлениями. В учении Шамбалы говорится, что богатейшие сокровища земли будут извлечены из ее недр, дабы улучшить условия жизни в новой эре, грядущей скоро. Народы Азии знают, что Кали Юга, черный век железа, скоро закончится и на нашей планете наступит светлая Сатья Юга, век счастья. В соответствии с этими представлениями все новейшие открытия легко находят свое объяснение. Когда мы рассказали азиатам о космическом луче Милликена, они поведали нам о многих других лучах, которые придут на службу человечеству. Так на пороге истинного знания, во имя науки и красоты, рушатся стены между Востоком и Западом, и теперь мы можем обратиться к нашим далеким друзьям лучшие чувства, будучи уверены, что нас поймут и мы не оскорбим могучего сердца миллиардного народа.

Это одно из наиболее сильных впечатлений, вынесенных нами за время пятилетнего изучения сердца Азии. Не только в людях высоко образованных, но даже в самых низах чувствуется внутренняя способность к тонкому пониманию, которую легко можно направить по одной линии с нашими сегодняшними устремлениями.

Внутренние условия в Азии достигли той точки, когда каждого посланника мира и доброй воли ждут с нетерпением. В Монголии мы видели печатные машинки с монгольским алфавитом, присланные из Германии, они были приняты с большой радостью. Если Германия столь практическим способом выразила понимание нужд Востока, насколько дальше должна шагнуть Америка, решительно протягивая руку помощи и сотрудничества.

В трогательной заботе о нашем народе мы возводим дорожные мосты, чтобы сэкономить несколько минут времени работающего человека. Разве не состоит наш долг в том, чтобы воздвигнуть прекрасный мост между Востоком и Западом? И разве наша замечательная эпоха, с ее блестящими открытиями, не открывает прекрасную возможность для совершения этого достойного шага?

Помню, когда я показывал монголам фотографии индейцев Аризоны и Нью-Мексико, они назвали их своими потерянными родственниками. Поэтому можете себе представить, с какой теплотой будет принято повсеместно в Азии это дружественное и чуткое к чужим нуждам устремление Америки. В зависимости от имеющихся средств может быть создано множество проектов по азиатскому направлению. Если мы в целом решим, что хотим сделать этот благородный жест в сторону Азии, можно будет затем детально рассматривать каждый конкретный проект.

Америка отдала дань и внесла практическую лепту в развитие культуры и цивилизации многих стран. Прекрасный жест взаимопомощи со стороны Америки по отношению к Азии принесет самые неожиданные и неисчислимы плоды. Разве не состоит наш долг в том, чтобы внести свой вклад в развитие прогресса, если мы понимаем, как просто достичь этого и сколь малые затраты нужны для реализации этой беспрецедентной миссии доброй воли и дружбы? Таким образом Америка вновь окажется верной своему высокому предназначению нести мир во всем мире и способствовать мировой эволюции.

Однако самые практические и насущные идеи могут обратиться своей противоположностью, если не провести их в жизнь и не облечь в конкретную форму. Отраднее сознавать, что идея взаимодействия между Азией и Америкой приложима к любой ситуации – будь то работа скромного коммивояжера, готового торговать на гибких основах товарного обмена, или грандиозный и еще более практически значимый проект, благодаря которому радиостанции донесут до азиатских народов приветственное слово и религиозное наставление их самых уважаемых лидеров. И даже в самых затерянных уголках люди смогут воспользоваться плодами лучших достижений современного гения, пропуская их через призму собственного языка, собственного искусства, собственных представлений о прекрасном. Телевидение, кино, открытки, книги и железные птицы, или самолеты, помогут

этому миллиарду сердец сделать следующий шаг по пути развития цивилизации и войти в нее достойно, в отчетливом сознании вечных истин. Все конкретные шаги следует разбить, как обычно, на две части – подготовку и исполнение. К первой части относится следующее:

1. Издание буклетов и открыток, которые помогут визуальными средствами укрепить дружественные взаимоотношения. Использование местных языков и традиционных символов способно усилить эффект воздействия этих посланий доброй воли. Не следует считать эти издания пустой тратой средств. Помимо просветительских целей, они будут служить объектами торговли и обмена.

2. Строительство в Азии новых дорог, или, вернее, воссоздание древних дорог, пригодных для всевозможных видов коммуникаций. Древние дороги, сегодня подчас забытые, были проложены в самых удачных местах.

3. Получение на местах, наиболее дипломатичным способом, официальных разрешений и необходимого религиозного благословения для прокладки коммуникационных магистралей и устройства радиостанций. Естественно, первая радиопередача должна выйти на местном наречии и, в духе уважения, коснуться местных традиций. Если четыреста миллионов буддистов и ламаистов посредством этой новинки услышат учение Будды, их сердца будут впредь всегда открыты новым возможностям. Если их прекрасное древнее искусство и наука вновь обретут жизнь благодаря новым открытиям, даже самый холодный очаг разгорится пламенем. Возможность совершить этот необходимый и прекрасный шаг сейчас находится в руках Америки. При этом всё, совершаемое на Востоке и на благо Востока, найдет практическое приложение на Западе. Взаимообогащение искусства и созидательной мысли ведет к новому процветанию.

Выполнение этих трех предварительных условий не должно помешать незамедлительному осуществлению главной программы. Должна быть организована экспедиция для проведения предварительных работ. Экспедицию необходимо снабдить материалами для торговли и обмена и укомплектовать квалифицированным персоналом – в ее состав должны войти горный инженер, опытный продавец, специалист по киносъемкам, который будет работать в сотрудничестве с археологом, а специалист по местным наречиям поможет создать дружелюбную и достойную атмосферу. Главным образом, достоинство в сочетании с доброй волей, понимаемой в самом широком смысле, создадут практическую почву для торговли и взаимовыгодного роста. Америка не должна упускать эти прекрасные возможности, которые могут обернуться враждой, если не воспользоваться ими без промедления. Вышеупомянутая экспедиция с легкостью покроет все свои расходы, если привезет из Центральной Азии отснятые киноплёнки. Насколько мне известно, даже этой малости хватит, чтобы оправдать всё путешествие, ибо одна французская фирма, специализирующаяся в области подобных фильмов, предложила нам за них миллион франков. А сколько еще можно было бы произвести равноценных фильмов о разных народах, если занести в свой актив результаты обмена и организации посреднических контор. Но даже этот предварительный шаг будет вполне оправдан.

Прямыми следствиями такой экспедиции будут следующие практические достижения: 1) Ретрансляционные радиостанции и, в перспективе, станции радиовещания, под создание которых можно будет продать бесчисленное количество радиоприемников; 2) Воздушные транспортные пути; 3) Электрификация и все виды вспомогательного электрического оборудования; 4) Разнообразные медикаменты и медицинская помощь; 5) Автотранспортные средства и тракторы; 6) Разработка минералов и почвы; 7) Внедрение автоматизации в товарооборот; 8) Внедрение новых способов обмена во всех сферах сельского хозяйства, а также домашних принадлежностей, начиная с простейших продуктов потребления, мыла, парфюмерии, продуктов местной фармакопеи и всевозможных бытовых предметов; 9) Разведение разнообразных пород домашнего скота и молочное производство; 10) Организация научных сельскохозяйственных станций.

Так практически все отрасли хозяйства и все возможности приложения новых открытий будут задействованы наиболее рациональным и приближенным к жизни образом и, что немаловажно, просвещенным образом, поскольку, отвечая чаяниям новой эры, мы открываем врата истинного понимания прогресса, не нарушая старых традиций. Мы можем с

легкостью приложить все эти прекрасные возможности и содействовать обновлению жизни. Мы можем утверждать, что это не умозрительное прожектерство, а проект, порожденный требованиями самой жизни. Внедряя лучшие плоды прогресса, развития торговли, научных достижений, мы открываем двери в новую просвещенную жизнь сотням миллионов человек. Не эксплуатировать их, а сделать подлинными сотрудниками и участниками грядущей новой эры – вот поистине достойная программа. Каждая жизнеутверждающая и прогрессивная мысль приносит практические плоды, и мы будем не мечтателями, а дальновидными практиками, когда скажем, что таким образом призываем наших друзей к практической и легко достижимой цели. «Ур» – это прекрасный рассвет, сотканный из конкретных возможностей.

В заключение вновь повторю прежнее предостережение: нельзя терять ни года, ни часа, приступая к реализации этого мирного и плодотворного проекта, направленного на разрешение столь многих насущных проблем.

Перевод с английского Татьяны Самариной

Ur Corporation. An Address by Nicholas Roerich Before the Board of Directors. New York, 1929

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Введение. Азиатские экспедиции Н.К.Рериха: в поисках «Новой Страны»

1. Рерих Е.И. Дневник. 1921. – Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich Collection. Note-book. Sept. 29 – Nov. 12, 1921. Автограф. Записи от 29.9.1921, 3.10.1921, 5.11.1921.
2. Рерих Е.И. Дневник. 1920-1936. – ACRC. Note-books, 1-39. Автографы.
3. Рерих Е.И. Дневник. 1921-1922. – ACRC. Note-book. Nov. 13, 1921 – Jan. 13, 1922. Автограф. Записи от 15.11.1921, 25.12.1921.
4. Рерих Е.И. Дневник. 1922. – ACRC. Note-book. Oct. 1 – Dec. 23, 1922. Автограф. Запись от 27.10.1922.
5. Рерих Е.И. Письмо Ю.Н.Рериху. 11.11.1922. – Nicholas Roerich Museum, New York (NRM). Автограф.
6. Рерих Е.И. Дневник. 1923. – ACRC. Note-book. June 17 – Aug. 15, 1923. Автограф. Запись от 17.6.1923.
7. Гюк и Габэ. Путешествие через Монголию в Тибет к столице Тале-Ламы. М., 1866. с. 246.
8. Pauwels L., Bergier J. Ausbruch ins dritte Jahrtausend. Von der Zukunft der phantastischen Vernunft. Bern-München, 1962. S. 375-376.
9. [Доржиев А.] Записка в Народный комиссариат по иностранным делам. 28.10.1921. – Национальный архив Республики Бурятия, Улан-Удэ (НАРБ). Ф. 643, д. 5, л. 5-6.
10. Кузнецов В.С. Японо-тибетские отношения в первой половине XX века // Вопросы истории. 1999. № 3. с. 127.
11. Юзefович Л.А. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга). М., 1993. с. 5, 132, 133.
12. Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М.: Сфера, 1998. с. 608-667.
13. Лузянин С. Г. Россия–Монголия–Китай: внешнеполитические отношения в 1911-1946 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1997. с. 316.
14. Чистяков П.А. Письма Н.К. и Е.И. Рерихам. 1923-1924. – NRM. Машинопись, автографы. 22 л.
15. Рерих Е.И. Дневник. 1924-1925. – ACRC. Note-book. July 27, 1924 – May 20, 1925. Автограф. Записи от 15.11.1924, 6.4.1925.
16. Рерих В.К. [Проект организации сельскохозяйственного кооператива в Маньчжурии]. Пояснительная записка № 1 и 2. [1934]. – NRM. Машинопись. 5 л. Приложение: сметы (автограф, копия; рука М.М.Лихтмана).
17. Рерих Н.К. Письмо В.К.Рериху. 23.3.1934. – NRM. Копия. 1 л.
18. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам Музея Рериха в Нью-Йорке. 8.7.1934 // Н.К.Рерих. Письма в Америку. 1923-1947. М.: Сфера, 1998. с. 33-34. Приложение: Сельскохозяйственный кооператив «Алатырь».
19. Фосдик (Лихтман) З.Г. Письмо В.К.Рериху. 26.11.1931. – NRM. Машинописная копия. 1 л.
20. Харбин – очаг русской культуры. На докладе академика Н.К.Рериха в Христианском Союзе // Заря (Харбин). 1934. 4 июня.
21. Напутствие Вождю. 1933. Рига, 1937. с. 26. Переопубл.: Напутствие Вождю. Ленинград-Извара, 1990.
22. Фосдик (Лихтман) З.Г. Письмо И.А. Кирилову. 29.9.1934. – NRM. Машинописная копия. 1 л.

Глава I. Политический армагеддон на окраинах пустыни Гоби

1. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 17.10.1925 – 28.4.1926. – Nicholas Roerich Museum, New York (NRM). Тетрадь 21. Автограф. Запись от 13.1.1926.
2. Каткова З.Д. Китай и державы. 1927-1937. М., 1995. с. 50.
3. Ching Kai-shek. The Letter to Н.Н.Kung, Ministry of Industries, Republic of China, Nanking, December 4th, 1931. – Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich Coll. Box: Roerich (1930's)

- Scrapbook Херохес, in process. Машинопись, л. 1. См. также: Kung Н.Н. The Letter to Charles R. Crane, Dec. 9th, 1931. – ACRC. Там же. Машинопись, л. 1.
4. Лукин А. Подготовка Японии. Части I и II // Последние Новости (Париж). 1934. 12 и 19 марта.
  5. Головин Н.Н. Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. Белград, 1934. 62 с.
  6. Российский государственный архив социально-политической истории, Москва (РГАСПИ). Ф. 495, оп. 152, д. 93, л. 20.
  7. Foreign Affairs. 1993, January. Vol. 21. P. 57.
  8. Николай Рерих. Листы дневника. Т. I. М., 1995. с. 532, 533.
  9. Рерих Н.К. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934-1935) // Ариаварта (Санкт-Петербург). 1999. № 3. с. 102.
  10. Рерих Е.И. Дневник. 1924-1926. – ACRC. Note-books. Jan. 27, 1924 – Aug. 12, 1926. Автографы.
  11. Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж.Жамцарано // Orient. Альманах. Вып. 2-3. СПб., 1998. с. 20.
  12. Письма Ц.Ж.Жамцарано к С.Ф.Ольденбургу // Orient. Вып. 2-3. СПб., 1998. с. 79. Публ. А.М.Решетова.
  13. Жамцарано Ц.Ж. Письмо М.М.Лихтману, 27.1.1928. – ACRC. Roerich Coll. Box: Roerich Scrapbook Херохес, folder «Mies, letters». Авториз, машинопись, л. 2.
  14. См.: Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность. Улан-Удэ, 1991. 192 с.
  15. Цит. по: Лузянин С. Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925-27 гг. // Восток. 1996. № 1. с. 69. (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 152, д. 45, л. 31).
  16. О буддийских районах. Аналитический отчет, подготовленный пом. начальника ВО ОГПУ Петросьяном, и приложение. – РГАСПИ. Ф. 89, оп. 4, д. 162.
  17. Разведсводки Разведотдела Штаба Монгольской Народной Красной Армии, 1926-1927 гг. – Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25895, оп. 1, д. 842, л. 146.
  18. Лузянин С. Г. Россия–Монголия–Китай: внешнеполитические отношения в 1911-1946 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1997. с. 269.
  19. Письма полпреда СССР в Монголии в НКВД (1926). – Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 8/08 (Секретариат Карахана), оп. 9, порт. 101, пап. 19, л. 19-20.
  20. Калинин А. К предполагаемой поездке Банчин-Богдо. Информационное письмо. – АВП РФ. Ф. 8/08 (Секретариат Карахана), оп. 10, порт. 178, пап. 32, л. 140.
  21. Краткое сообщение о великом Учителе Рерихе, носящем титул Всепобеждающего. [Батухалка, 1935]. На монгол, яз. (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2408, оп. 1, д. 43).
  22. Цит. по: Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж.Жамцарано // Orient. Вып. 2-3. СПб, 1998. с. 40. (Военная коллегия Верховного суда СССР. Дело 24667).
  23. См.: В.Д.Панчен-Богдо и его контрреволюционная деятельность // Современная Монголия. 1937. № 2 (21). с. 65.
  24. В.Д.Панчен-Богдо и его контрреволюционная деятельность // Современная Монголия. 1937. № 3 (22). с. 69.
  25. Кроль Ю.Л. Борис Иванович Панкратов. Зарисовка к портрету учителя // Страны и народы Востока. Вып. 26. М., 1989. с. 90.
  26. Рерих Николай. Сердце Азии. Southbury: Alatas, 1929. с. 97.
  27. Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М., 1998. с. 77, 289, 325. Также см.: Рерих Е.И. Дневник, записи от 31.1.1922 и 24.8.1923 (ACRC).
  28. Цит. по: Бармин В. Синьцзян в истории советско-китайских отношений 1931-1934 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 6. с. 96. (АВП РФ. Ф. 8/08, оп. 16, порт. 162, пап. 117).
  29. АВП РФ. Ф. 2, оп. 18, порт. 40, пап. 32, л. 15.
  30. Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. I. М., 1992. с. 113.
  31. Аптекарь Павел. Белое солнце Синьцзяна // Родина (Москва). 1998. № 1.С. 84.
  32. Дневник генерального консульства в Урумчи. Том 1. 1926. (1 января – 31 мая 1926). – АВП РФ. Ф. 0303 (Генконсульство СССР в Урумчи), оп. 1, порт. 30, пап. 4, л. 88.

33. Донесение генконсула СССР А.Е.Быстрова зав. отделом Среднего Востока НКВД В.М.Цукерману, 30.09.1926. № 0224/с. – АВП РФ. Ф. 0303, оп. 1, порт. 33, пап. 4, л. 27об.
34. Андреев А.И. От Байкала до Священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.–Самара–Прага, 1997. 338 с.
35. Письма Г.В.Чичерина. – АВП РФ. Ф. (Фонд Отдела Дальнего Востока НКВД, референтура по Тибету), оп. 1, порт. 35, пап. 4, л. 1, 10.
36. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3, оп. 65, д. 739, л. 89-90. – П.М.Никифоров. Докладная записка по Тибетскому вопросу, 22.9.1929. – Сведения предоставлены А.И.Андреевым.
37. Информационное письмо генконсула СССР в Кашгаре М.Думписа, 7.02.1926. Текущие вопросы, № 80/с. – АВП РФ. Ф. 0253 (Фонд Генерального консульства СССР в Кашгаре), оп. 1, порт. 19, пап. 2, л. 8.
38. Дневник генконсульства СССР в Урумчи. Том 2. 1926. – АВП РФ. Ф. 0303, оп. 1, порт. 31, пап. 4, л. 123.
39. Рерих Н.К. Алтай-Гималаи. М.: Сфера, 1999. 528 с.
40. Разные материалы по Западному Китаю, 1926-1927. – РГВА. Ф. 25895, оп. 1, д. 832, л. 454.

Глава II. «Мировая Служба» и начало сибирского пути

1. Грабарь Н.Э. Автомонография. М.-Л.: Искусство, 1937. с. 174-176.
2. Рерих Е.И. Дневник. 1920-1921. – Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich Collection. Note-book. March 24, 1920 – May 31, 1921. Автограф. Запись от 3.4.1920.
3. Шибаев Владимир. Из воспоминаний очевидца // Держава Рериха. М., 1994. с. 333.
4. Шибаев В.А. [Воспоминание о посещении Н.К.Рериха 2 июня 1920 года]. Рукопись. – Архив И.Р. Рудзите. Копия. 5 л.
5. Шибаев В.А. Письма Н.К.Рериху, 1921-1925. – Nicholas Roerich Museum, New York (NRM). Автографы, машинопись.
6. Рерих Н.К. Письма В.А.Шибаеву, 1921-1925. – Архив И.Р. Рудзите. Автографы, копии.
7. Рерих Н.К. Письмо А.Безант. 31.3.1924. – NRM. Автограф, авторская копия. На англ. яз.
8. Американская и индийская печать о передаче Рерихом картины «Вестник» Теософскому обществу в Адьере // Рериховский вестник (РВ). Вып. 2 (1989, июль-декабрь). Ленинград-Извара, 1991. с. 53.
9. Рерих Юрий. Беседа с Наставником о Дверях премудрости // РВ. Вып. 5 (1992). Извара-СПб.-М., 1992. с. 29-30.
10. Рерих Ю.Н. Письмо В.А.Шибаеву, 19.10.1923 // Там же. с. 17.
11. Кордашевский Н.В. Письма Н.К.Рериху, 1923-1928. – NRM. Автографы, машинопись.
12. Рерих Е.И. Дневник. 1923. – ACRC. Note-book. Aug. 16 – Oct. 6, 1923. Автограф. Записи от 18 и 25.8.1923.
13. Кордашевский Н.В. Письмо Н.К.Рериху, 30.8.1923. – Российский центр науки и культуры в Дели (РЦНК). Ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 1. Автограф.
14. Рерих Н.К. Письмо Н.В. Кордашевскому и В.А. Шибаеву, 7.5.1924 // Н.Декроа. Тибетские странствия полковника Кордашевского. СПб.: Аюрведа Пресс, 2000. с. 349.
15. Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М., 1998. с. 209.
16. Рерих Е.И. Дневник. 1924-1925. – ACRC. Note-book. July 27, 1924 – May 20, 1925. Автограф. Запись от 19.9.1924.
17. Рерих Е.И. Дневник. 1923-1924. – Note-book. Dec. 1, 1923 – Jan. 26, 1924. Копия. Запись от 9.1.1924. Цитируется по выпискам из копии оригинала, сделанным в Музее Н.Рериха в Нью-Йорке в 1991 году.
18. Рерих Е.И. Дневник. 1923. – ACRC. Note-book. Oct. 7 – Nov. 30, 1923. Автограф. Запись от 24.10.1923.
19. Гребенщиков Г.Д. Письмо Н.К.Рериху, 22.7.1923. – NRM. Автограф.
20. Рерих Н.К. Письма в Америку. 1923-1947. М., 1998. с. 21, 23.

21. Grebenstchikoff George. Wonders of Siberia. A Brief Prospects of Lectures. 1923. – NRM. Автограф, машинопись. 4 л. На русск. яз.: Чудеса Сибири. Названия и краткое содержание лекций. – ЧАР, машинопись.
22. Рерих Н.К. Письмо Ч.Крейну, 27.10.1923. – NRM. Копия.
23. Рерих Н.К. Письмо Мерриту, [1923]. – NRM. Копия, автограф; Grebentschikoff George. Siberia. [1923] // Там же. Автограф.
24. Гребенщиков Г.Д. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих, 30.12.1923. – NRM. Автограф.
25. Гребенщиков Г.Д. Письмо Н.К.Рериху, 2.2.1924. – NRM. Автограф.
26. Гребенщиков Г.Д. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих, 12.1.1924. – NRM. Автограф.
27. Рерих Н.К. Письмо Г.Д. Гребенщикову, 3.1.1924. – Архив И.Р. Рудзите. Машинопись, копия.
28. Гребенщиков Г.Д. Звенигород Окликаный // РВ. Вып. 4 (1991). СПб.-Издара, 1992. с. 66.
29. Гребенщиков Г.Д. Письма Кругу в Америке, 15.1.1924 и 25.7.1925. – NRM. Машинопись, автографы.
30. Гребенщиков Г.Д. Летопись Тарухана. Рукопись. 1924. – Частный архив. Машинопись, л. 24. Запись 26.5.1924.
31. Декроа Н. Русский гонец. (Об одной настольной книге) // Москва (Чикаго). 1929. Март. с. 27.
32. Лихтман М.М. Письмо Г.Д. и Т.Д. Гребенщиковым, 17.7.1924. – NRM. Автограф.
33. Гребенщиков Г.Д. Гонец. Southbury: Alatas, 1928. с. 9.
34. Письмо Махатмы М. к Г.Д.Гребенщикову, 25.4.1925. – Частный архив. Автограф (рука Е.И. Рерих). 1 л.
35. Рерих Е.И. Дневник. 1924-1925. – ACRC. Note-book. July 27, 1924 – May 20, 1925. Автограф. Запись от 15.5.1925.
36. Гребенщиков Г.Д. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих, 13.6.1925. – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Раздел I, оп. 5, д. 511, л. 1об. Поступл. 1977, № 21.
37. Гребенщиков Георгий. Хан-Алтай // Перезвоны (Рига). 1928. № 40.
38. Grebenstchikoff G.D. Siberia. The Country of Great Future. Los Angeles, 1945. 40p.
39. Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Рукопись. – Музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (МИЛИКА) (Барнаул). Фонд Г.Д.Гребенщикова. Машинопись.
40. Гребенщиков Г.Д. Письмо М.М.Лихтману, 10.1.1931. – NRM. Автор, машинопись. 1 л.
41. Сибирская группа друзей Музея Рериха // Москва (Чикаго). 1929. Октябрь. с. 14. См. также: Сибиряки вокруг Музея Рериха // Новая Заря (Сан-Франциско). 1929. 17 октября.
42. Гребенщиков Г.Д. Приветственное письмо Н.К.Рериху, 15.10.1929. – NRM. Автограф, проект; л. 1-1об. Опул. в другой редакции: Т.О. Сибиряки и Рерих // Рассвет (Чикаго). 1929. 23 октября.
43. Рерих Елена, Николай, Юрий, Святослав. Телеграмма Г.Д.Гребенщикову, [21.11.1931]. – NRM. Машинопись, копия.
44. Лихтман З.Г. Адрес Г.Д. Гребенщикову по случаю чествования 25-летия его литературной деятельности, 21.11.1931. – NRM. Автограф. Черновик, варианты. 3 л.
45. Гребенщиков Г.Д. Схема работы над романом «Всегда, ныне и присно». Рукопись. – МИЛИКА. Автограф. 1 л.
46. Гребенщиков Г.Д. Финал Микулы. Разрозненные заметки. – МИЛИКА. Автограф. 1 л.

Глава III. Великий План: вехи Тибетской экспедиции

1. Гребенщиков Г.Д. Летопись Тарухана. Рукопись. 1924. – Частный архив. Машинопись. Новая глава летописи, л. 11. Запись от 4.9.1924.
2. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 1924-1925. Рукопись. – Nicholas Roerich Museum, New York (NRM). Тетрадь 2. Автограф. 301 с.
3. Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 1994. с. 85.
4. Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М., 1998.
5. Рерих Н.К. Письмо в Особый Комитет по делам русских в Финляндии, 31.5.1919. – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, The Rare Book and Manuscript Library of Columbia University (BAR) (Бахметьевский архив Колумбийского университета, США). Coll.: Osobyi Komitet po delam russkikh v Finlandii. Box 1. Машинопись, л. 1.

6. Казнина О.А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. с. 26-32, 266-269.
7. Рерих Е.И. Дневник. 1921-1922. – Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich Collection. Note-book. Nov. 13, 1921 – Jan. 13, 1922. Автограф. Запись от 29.12.1921.
8. Айсмангер Ф. Письмо в Департамент внутренних дел правительства Индии, 7.6.1928. – India Office Library and Records (London) (IOLR). L/P&S/10/1145. P. 373, 375. Машинопись, копия. На англ. яз.
9. Дэвис Р., Хеллман Б. [Вступительная статья] //Леонид Андреев. S.O.S.: Дневник (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919). М.-СПб.: Atheneum-Феникс, 1994. с. 12.
10. Рерих Н. Памяти Леонида Андреева // Родная Земля (Нью-Йорк). 1921. № 2. с. 37-41. Переопубл. с сокр.: Леонид Андреев. S.O.S. с. 393-394.
11. См.: Рерих Е.И. Дневник. 1925-1926. – ACRC. Note-book. May 21, 1925 – Aug. 12, 1926. Автограф. Запись от 29.5.1925.
12. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. Т5. М.: Наука, 1980. с. 44.
13. Certificate of Incorporation of Beluha Corporation, 11.11.1924. – NRM. Машинопись. 10 л.
14. Certificate of Increase of Capital Stock of Beluha Corporation, 25.11.1924. – NRM. Машинопись. 3 л.
15. Цит. по: Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине // Международная жизнь. 1965. № 1. с. 98-99; 101-102; 105.
16. Крестинский Н.Н. Письмо Г.В.Чичерину, 2.1.1925. – Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04 (Чичерина), оп. 13, п. 87, д. 50117, л. 13 «а». Копия предоставлена С.Н.Изнаирским, племянником Н.Н.Крестинского.
17. Шibaев В.А. Письмо М.М.Лихтману, 27.3.1925. – NRM. Автограф. 1-1об. л.
18. Шibaев В.А. Письмо Астахову, 22.3.1925. – NRM. Автограф. Авториз. копия. 1-1об. л.
19. [Рерих Н.К.] Сообщение от Дорджи, [1925, февраль]. – NRM. Автограф, копия М.М.Лихтмана; л. 1-2, 3.
20. [Письмо Г.В. Чичерину от имени американской группы Музея Рериха, 1925]. – NRM. Машинопись, автограф; черновики; 4 л. Правка разных лиц, в т.ч. Е.И.Рерих.
21. Чичерин Г.В. Письмо Н.Н.Крестинскому, 31.3.1925. – АВП РФ. Ф. 04, оп. 13, п. 87, д. 50117, л. 14. Предоставлено с. Н.Изнаирским.
22. См.: Тушине Е. Белый камень Алтая. Гребенщиков и Рерих // РВ. Вып. 4 (1991). СПб.-Изваара, 1992. с. 58.
23. Бородин Д.Н. Письмо Н.И.Вавилову, 2.5.1925 // Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. I. Петроградский период, 1921-1927. М.: Наука, 1994. с. 369.
24. Лихтман М.М. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих, 24.4.1925. – NRM. Автограф, л. 1.
25. Лихтман М.М. Письмо Кругу в Америке, 13.5.1925. – NRM. Автограф, л. 1-2. На англ. яз.
26. Хорш Л.Л. Письмо Кругу в Америке, 30.5.1925. – NRM. Автограф, л.3. На англ. яз.
27. Фосдик (Лихтман) З.Г. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих, [15.6.1925]. – NRM. Автограф, л. 2об.
28. Лихтман М.М. Письмо Кругу в Америке, 4.6.1925. – NRM. Автограф, л. 1об. На англ. яз.
29. О концессиях. 1923-1927. – Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2089, оп. 9, д. 19, л. 17.
30. Рерих Н.К. Письмо Г.В.Б.Гиллану, 2.1.1926. – IOLR. L/P&S/10/ 1145. P. 517. Машинопись, копия. На англ. яз.
31. Гиллан Г.В.Б. Телеграмма губернатору Урумчи, 12.1.1926. – IOLR. L/P&S/10/1145. P. 517-518. Машинопись, копия. На англ. яз.
32. Гиллан Г.В.Б. Письмо министру Департамента иностранных и политических дел правительства Индии, 14.1.1926. – IOLR. L/P&S/10/ 1145. P. 515. Машинопись, копия. На англ. яз.
33. Рерих Н.К. Удивляемся наглости. – АВП РФ. Ф. 0218 (Уполномоченного НКВД СССР в Узбекистане), оп. 8, пап. 79, д. 175, л. 31. О деятельности проф. Рериха в Кашгаре (сент. 1925 – 31 янв. 1926).
34. Рерих Н.К. Алтай–Гималаи. М., 1999. с. 206, 407.
35. Рерих Е.И. Дневник. 1924-1925. – ACRC. Note-book. July 27, 1924 – May 20, 1925. Автограф.

36. Фосдик (Лихтман) З.Г. Монгольский дневник. 1927. – NRM. Тетрадь 24. Автограф. На англ. яз. Записи от 10.4.1927 и 11.4.1927.
37. Рерих Н.К. Письмо Г.В.Чичерину, [24.7.1925]. Копия письма сохранилась в дневнике Е.И. Рерих (ACRC. Note-book. May 21, 1925 – Aug. 12, 1926. Автограф), оно готовилось заранее, до отъезда в Хотан.
38. Думпис М.Ф. Текущие вопросы. Информационные письма Генконсульства СССР в Кашгаре. – АВП РФ. Ф. 0253 (Генконсульства СССР в Кашгаре), оп. 1, папка 2, порт. 19, л. 4. Запись «Иностранные экспедиции», от 7.2.1926.
39. Рерих Е.И. Письмо Кругу в Америке, 23.2.1926. – АВП РФ. Ф. 0218, оп. 8, папка 79, порт. 175, л. 33. Машинописная копия.
40. Рерих Н.К. Хотанский дневник. 1925. – АВП РФ. Ф. 0218, оп. 8, папка 79, порт. 175. О деятельности проф. Рериха в Кашгаре. Машинопись. Запись от 2.10.1925.
41. [Рерих Н.К.] Телеграмма Л.Б. Красину, 22.1.1926. – Копия. Дневник Е.И.Рерих (ACRC. Note-book. May 21, 1925 – Aug. 12, 1926).
42. Быстров А.Е. Дневник Генконсульства СССР в Урумчах. Том 1. 1 янв. – 31 мая 1926. – АВП РФ. Ф. 0303 (Генконсульства СССР в Урумчи), оп. 1, папка 4, порт. 30, л. 70, 89.
43. Завещание Н.К.Рериха, заверенное секретарем Генерального консульства СССР в Урумчи П.Плотниковым. – IOLR. L/P&S/10/1145. Машинопись.
44. Рерих Н.К. Письмо А.Е.Быстрову, 24.3.1927. – Частный архив (ЧАР). Автор, машинопись. 1 л. Копия письма: NRM, машинопись.
45. Ньюбергер С. М. Письмо А.Е.Быстрову, 13.12.1926. – ЧАР. Автор, машинопись. 1 л. На англ. яз. Приложение: проспект «Общества друзей Музея Рериха», на англ. яз.
46. См.: Рерих Е.И. Дневник. 1925-1926. – ACRC. Note-book. May 21, 1925 – Aug. 12, 1926. Автограф. Запись от 18.3.1926.
47. Письмо Махатм московским коммунистам, 1925. – АВП РФ. Фонд Отдела Дальнего Востока НКВД, референтура по Тибету, оп. 1, пап. 4, порт. 35, л. 7. Машинопись, перевод на русский яз.
48. Письмо Махатм Г.В.Чичерину, 1925. – АВП РФ. Фонд Отдела Дальнего Востока НКВД, оп. 1, пап. 4, порт. 35, л. 8. Машинопись, перевод на русск. яз.
49. Шибаев В.А. Письмо в Книжную Палату СССР, 16.3.1926. – ЧАР. Машинопись. Автор, копия. 1 л.
50. Чичерин Г.В. Письмо В.М.Молотову, 13.6.1926. – АВП РФ. Фонд Отдела Дальнего Востока НКВД, оп. 1, пап. 4, порт. 35, л. 6. Машиноп. копия.
51. Рерих Н.К. Сюита «Майтрейя». Принесена в дар СССР (окончена в Хотане в 1926). Москва, 1926. – Международный Центр Рерихов, Москва (МЦР). Музей Рерихов, зал № 9 Центральноазиатской экспедиции. Автограф, 1 л.
52. Митусов С. С. Письма Н.К.Рериху, 22.7.1924 и [4.12.1924]. – NRM. Автограф, л. 2об. и л. 1.
53. Рерих Н.К. Письмо Л.Е.Берлину, 8.3.1927. – АВП РФ. Ф. 0111 (Восточный отдел, референтура по Монголии), оп. 8, папка 1 122, портфель 52, л. 14. Машинописная копия.
54. Нотная переписка полномочного представительства СССР в Монголии и МИД МНР. Вербальная нота, 28 февраля 1927. – АВП РФ. Ф. 0111 (Восточный отдел, референтура по Монголии), оп. 10, папка 5, порт. 4, инв. 013, л. 10. Машинопись.
55. Цит. по: Пешкова Л.В. Павел Константинович Портнягин. Несколько слов о судьбе харбинского священника, участника Тибетской экспедиции // Ариаварта. 1998. № 2. с. 109.
56. Рерих Е.И. Письмо сотрудникам в Америку, 28.11.1926. – ACRC. Roerich Coll. Grey Box. Авториз. машинопись, л. 1.
57. Передача Монгольскому правительству картины академика Н.К.Рериха // Известия (Улан-Батор Хото). 1927. 18 марта. № 20 (364).
58. Fosdik (Lihtmann) Sinaida. Diary, 1927. – NRM. Sinaida Fosdik Coll. Note-book 24. Запись от 8.4.1927.
59. Благодарственное письмо Правительства МНР Николаю Рериху, 6.4.1927. – NRM. Автограф Ю.Н.Рериха. Перевод с монгольского языка.
60. Восточное сказание о Ленине. Рукопись. – NRM. Машинопись, 1 л.
61. Рерих Е.И. Дневник. 1927. – ACRC. Note-book. March 30 – Nov. 25, 1927. Автограф.

62. Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет. Подлинные дневники экспедиции Н.К.Рериха. Магнитогорск, 1996. с. 204.
63. Портнягин П.К. Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. Экспедиционный дневник, 1927-1928 //Ариаварта. 1998. № 2. с. 106.
64. См.: Декроа Н. Тибетские странствия полковника Кордашевского. (Кордашевский Н.В. С экспедицией Н.К.Рериха по Центральной Азии). СПб.: Аюрведа Пресс, 2000. с. 176.
65. Протокол допроса обвиняемого П.К. Портнягина от 21 апреля 1949 г. – Архив Регионального управления по Читинской области Федеральной службы безопасности РФ (АРУ ЧО ФСБ РФ). Архивное уголовное дело ЧУ-10236 в отношении П.К. Портнягина, УМГБ по Читинской области. Т. 3, л. 190.
66. Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. III (1935). М.: МЦР, 2001. с. 278, 363, 396.
67. [Рерих Е.И.] Основы буддизма. 1926. [Урга, 1927]. Предисловие.
68. Рерих Н.К. Письмо Далай-ламе XIII, 28.10.1927 // Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет. Магнитогорск, 1996. с. 368.
69. National Archives of India, Delhi (NAI). Foreign and Political Department. File № 331(2)-X, 1927. Предоставлено Л.В.Митрохиным.
70. Бейли Ф.М. Письмо министру Департамента иностранных и политических дел правительства Индии, 10.7.1928. – IOLR. L/P&S/10/1145. P. 353. Машинопись, копия. На англ. яз.
71. Рерих Н.К. Письмо Ф.М. Бейли, 14.11.1927. – IOLR. L/P&S/10/ 1145. P. 408. Машинопись, копия. На англ. яз.
72. Рерих Н.К. Письмо Далай-ламе XIII и Государственному совету правительства Тибета, 13.6.1928. – IOLR. L/P&S/10/1145. P. 309-311. Машинопись, копия. На англ. яз.
73. Письмо министров Тибета Ф.М.Бейли, 19.10.1928. – IOLR. L/ P&S/10/1145. P. 306. Машинопись, копия. На англ. яз.
74. Рерих Н.К. Проект письма Лхасскому правительству, [1928] // Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет. Магнитогорск, 1996. с. 710.
75. См.: Росов В.А. Многоликий Чахембула // Декроа Н. Тибетские странствия полковника Кордашевского. (Кордашевский Н.В. С экспедицией Н.К.Рериха по Центральной Азии). СПб.: Аюрведа Пресс, 2000. с. 319-356.
76. Рерих Е.И. Дневник. 1924. – ACRC. Note-book. Jan. 27 – July 25, 1924. Автограф. Записи от 7.7.1924 и 10.7.1924.
77. Фосдик З.Г. Дневник. [1923-1924]. Отдельные листы. Томский Вестник (схема). – NRM. Автограф, л. 1-1об.
78. Фосдик З.Г. Дневник. [1923-1924]. Отдельные листы. Автоматические писания в Индии. – NRM. Автограф, 13 л.

Глава IV. Звенигород окликанный и завешанный

1. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 17.10.1925–28.4.1926. – Nicholas Roerich Museum, New York (NRM). Тетрадь 21. Автограф. Запись от 16.2.1926.
2. Sang-Chang-Lo (Рерих Н.К.). Махатма Ак-Дордже. [1925]. – Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich Collection. Box: Roerich, 1-36 (in process), folder 27. Автограф, л. 1.
3. Фосдик (Лихтман) З.Г. Дневник. 17.10.1925-28.4.1926. – NRM. Тетрадь 21. Автограф. Запись от 28.11.1925.
4. Рерих Е.И. Письмо С.Н.Рериху, 23.4.1925 // Вестник Ариаварты. 2001. № 1. с. 48. Также см.: Рерих Е.И. Письмо С.Н.Рериху, 2.3.1925 // Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. I. 1919-1933. М.: МЦР, 1999. с. 38.
5. Вавилов Н.И. Письмо Л.Н. Старку, 5.5.1925 // Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. I. Петроградский период, 1921-1927. М.: Наука, 1994. с. 123. Также см.: Вавилов Н.И. Письмо Д.Н.Бородину, 9.7.1923 // Там же. с. 83.
6. Вавилов Н.И. и др. Письмо Далай-ламе, 1.11.1927 // Там же, с. 180.
7. Fosdik (Lihtmann) Sinaida. Diary, 1926. Moscow and Altai. – NRM. Sinaida Fosdik Coll. Note-book 23. Автограф. Запись от 8.8.1926.
8. Fosdik (Lihtmann) Sinaida. Diary, 1927. Russia and Mongolia. – NRM. Sinaida Fosdik Coll. Note-book

24. Автограф. Запись от 13.3.1927.
9. Хорш Л., Лихтман М., Грант Ф. Письмо в Главный Концессионный комитет, 27.5.1925. – Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 2. Машинопись. На англ. яз. (Дело о предложении Американской Корпорации «Белуха» на горнопромышленную и сельскохозяйственную концессии в Юго-Западном Алтае. 6 июня 1925 – 31 августа 1925).
10. Докладная записка корпорации «Белуха», Нью-Йорк, Америка, о концессиях в Юго-Западном Алтае. 1.5.1925. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 14-24. Машинопись. На англ. яз.; авторизован, русский перевод, л. 3-13.
11. Минкин А.Е., Япольский М.С. Письмо в Концессионную комиссию ВСНХ, Концессионную комиссию Наркомзема РСФСР, Совнарком Автономной Киргизской ССР, НКВД, 15.6.1925. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 26. Отпуск, машинопись.
12. Минкин А.Е., Япольский М.С. Письмо Исааку Хургину, 9.6.1925. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 27. Отпуск, машинопись.
13. Перлин Л.А. Письмо в Главный Концессионный комитет, 12.6.1925. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 32. Авторизованная машинопись.
14. Чичерин Г.В. Письмо в Главный Концессионный комитет, тов. Минкину, 25.6.1925. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 33. Авториз. машинопись.
15. Хургин И.Я. Письмо в Главный Концессионный комитет, 9.1.1925. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 730, л. 34. Авториз. машинопись.
16. Иоффе А.А., Познанский И.М.. Письмо в корпорацию «Белуха», 18.11.1925. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 14. Отпуск, машинопись. (Дело о предложении и переговорах с Корпорацией «Белуха», Америка, на концессии в Юго-Западном Алтае. 9 октября 1925 – 6 сентября 1929).
17. Хорш Л.Л. Письмо в Главный Концессионный комитет, 14.12.1925. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 18. Авториз. машинопись. На англ. яз.; перевод на русск. яз., л. 20-22.
18. Выписка из протокола № 5 заседания Малого Главного Концессионного комитета при СНК от 30.1.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729. Машинопись.
19. Хорш Л.Л. Письмо в Наркоминдел, 14.12.1925; письмо в Главконцеском, 23.2.1926; телеграмма в Наркоминдел, 5.3.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 24-25, 35-36. Машинопись.
20. Иоффе А.А., Япольский М.С., Кудрявцев А.И. Телеграмма в Отдел виз НКВД, 15.3.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 38. Копия.
21. Выписка из протокола № 4 заседания Парижской Концессионной комиссии от 15.4.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 52. Машинопись.
22. Перлин Л.А. Письмо в Главный Концессионный комитет, 10.5.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 57. Машинопись.
23. Тюменцев К.Г. Полезные ископаемые горы Белухи. 3 июня 1926. – Центральный Государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 42 (Геолком), оп. 1-1, д. 570. Машинопись, 3 л.; также: Отзыв Западно-Сибирского бюро учёта в Горный отдел Сибиркрайсовнархоза о полезных ископаемых г. Белухи на Алтае 1926 г. – Российский Федеральный геологический фонд Министерства природных ресурсов РФ, Москва (РФГФ МПР РФ). № 66353. Машинопись, 4 л.
24. Потапов (Земельное управление Ойратской автономной области). Письмо в Наркомзем РСФСР, 13.4.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 67. Машинописная копия.
25. Соловей Д.М., Долгашев-Дик (Концессионная комиссия ВСНХ). Письмо в Главконцеском, 14.7.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 61. Машинопись.
26. Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М., 1998. Записи от 13.6.1926 и 30.8.1928.
27. Бородин-Полтавский Д.Н., Макаров Н.П. Изучение и использование американского сельского хозяйства для России. Март, 1922. – ЦГАНТД СПб. Ф. 318, оп. 1-1, д. 24, л. 74-88. Машиноп. копия. (Переписка Русского бюро по прикладной ботанике в Нью-Йорке. 23 февраля – 11 марта 1922).
28. Макаров Н.П. Стенограмма доклада на заседании пленума Земплана, 2.11.1927. – Российский Государственный архив экономики, Москва (РГАЭ). Ф. 478 (Наркомзем РСФСР), оп. 2, д. 371а, 32л. Машинопись.
29. Рерих Н.К. Список «Кому дать три книги». [1927]. – NRM. Автограф, 1 л.

30. Fosdik (Lihtmann) Sinaida. Diary, 1926. Moscow and Altai. – NRM. Sinaida Fosdik Coll. Note-book 23. Автограф.
31. Лихтман Морис, Лихтман З.Г. Записка корпорации «Белуха». 26.6.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 74. Машинопись.
32. Скобелев М.И., Япольский М.С., др. Письмо в Концессионную комиссию ВСНХ и Горный отдел Главного экономического управления ВСНХ, 28.6.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 72. Машинопись.
33. Скобелев М.И., Япольский М.С., др. Письмо М.Лихтману, 14.7.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 83. Машинопись.
34. Выписка из протокола № 29 заседания Малого Главного Концессионного комитета при СНК от 12.7.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 81. Машинопись.
35. Япольский М.С. Письмо Л.Д.Троцкому, 20.7.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 85. Отпуск, машинопись.
36. Лихтман Морис. Письмо в Главный Концессионный комитет, 22.7.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 95. Автограф.
37. Перлин Л.А. Письмо в Главный Концессионный комитет, 20.9.1926. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 99. Авториз. машинопись.
38. Рерих Б.К. Телеграмма в Главконцесском, 31.3.1927. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 131. Оригинал.
39. Лихтман М.М. и З.Г., Рерих Б.К., Рябинин К.Н. Телеграмма Н.К.Рериху, 14.3.1927. – NRM. На бланке Монгольского телеграфа.
40. Скобелев М.И. и др. Письмо М.М.Литвинову, 5.3.1927. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 111. Отпуск, машинопись.
41. Certificate of Incorporation of Ur Corporation. New York. April 2, 1927. – NRM. Машинопись, 5л.
42. Fosdik (Lihtmann) Sinaida. Diary, 1927. Russia and Mongolia. – NRM. Sinaida Fosdik Coll. Note-book 24. Автограф.
43. Выписка из протокола № 29 заседания пленума Главного Концессионного комитета при СНК СССР от 9.6.1927. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 3, д. 246, л. 8. Машинопись. (Дело о посылке Обществом «Белуха» экспедиции на Алтай. 21 июня 1927 – 18 июня 1929); также: Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 176.
44. Карахан Л.М. Письмо М.И.Скобелеву, 4.5.1927. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 731, л. 7. Авториз. машинопись. (Дело о предложении фирмы «Белуха Корпорейшн» (Америка) на получение концессий в Тувинской Республике. 23 июля 1926 – 23 мая 1927).
45. Скобелев М.И., Япольский М.С. Письмо Л.М.Карахану и М.А.Трилиссеру, 30.5.1927. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 970, л. 2. Отпуск, машинопись. (Дело о переговорах с Американской Корпорацией «Ур» на производство геологических изысканий в Тувинской Республике. 30 мая 1927 – 16 июня 1927).
46. Карахан Л.М. Письмо М.И.Скобелеву, М.А.Трилиссеру, др., 10.6.1927. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 970, л. 3. Машинопись.
47. Япольский М.С. Письмо Серебровскому, Л.М.Карахану, 16.6.1927. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 970, л. 4. Отпуск, машинопись.
48. Веприцкая Е.И. Служебная записка М.С.Япольскому (б/д, после 29.6.1927). – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 185. Авториз. машинопись.
49. Лихтман З.Г. Письмо М.М.Лихтману, [сентябрь, 1927]. – NRM. Автограф, л. 1.
50. Протоколы заседаний Монгольской комиссии. 6 ноября 1926 – 10 мая 1928. – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПб ФА РАН). Ф. 339 (Монгольская комиссия АН СССР), оп. 1 (2229); также: оп. 1/1928 (58).
51. Протоколы заседаний Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии (1925-26). – СПб ФА РАН. Ф. 78 (Минералогический музей), оп. 1, д. 243 (Отчеты, сметы и доклады, записки об экспедициях).
52. Дело № 2538 «Б.К.Рерих», 23 мая 1931 г. – Архив Информационного центра ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области МВД РФ (АИЦ ГУВД СПб). Архивное уголовное дело № Р-3569, в 2-х томах.
53. Лихтман М.М. Письмо в Главный Концессионный комитет, 6.5.1928. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д.

- 729, л. 193. Машинопись. На англ. яз. Перевод на русск. яз., л. 194.
54. Выписка из протокола № 22 заседания Малого Главного Концессионного комитета при СНК от 11 июня 1928. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 197. Машинопись.
55. Рейхель М.И., др. Письмо вице-президенту Корпорации «Белуха» [М.М.Лихтману], 29.6.1928. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 199. Отпуск, машинопись.
56. Хорш Л.Л. Письмо в Главконцесском, 24.9.1928. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 202. Авториз. машинопись. На англ. яз.
57. Выписка из протокола № 49 заседания пленума Главного Концессионного комитета при СНК СССР от 30 мая 1929. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 207. Машинопись.
58. Лихтман М.М. Письмо в Главконцесском, 8.7.1929. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 212. Авториз. машинопись. На англ. яз. Перевод на русск. яз., л. 213.
59. Рерих Е.И. Дневник. 1925-1926. – ACRC. Note-book. May 21, 1925 – Aug. 12, 1926. Автограф.
60. Цесюлевич Л.Р. Рерих и Алтай // Рериховский вестник (РВ). Вып. 4. СПб., 1992. с. 21-27.
61. Губкин И.М., Никитин И.Н. Заключение по докладу инженера Пономарева по обследованию г. Белухи. 20.5.1927. – ГАРФ. Ф. 8350, оп. 1, д. 729, л. 68-69. Машинопись.
62. Падуров Н.Н., Разумовский Н.К. О молибдене на Алтае. Апрель, 1927. – ЦГАНТД СПб. Ф. 42, оп. 1-1, д. 688. Автограф, 22 л.
63. Рерих Н.К. Алтай. Глава из путевого дневника «Алтай-Гималаи» // РВ. Вып. 4. СПб., 1992. с. 20; Рерих Е.И. Дневник. 1926-1927. – ACRC. Note-book. July 13, 1926 – April 12, 1927. Автограф. Запись от 17.8.1926; Фосдик (Лихтман) Зинаида. В Москве и на Алтае с Рерихами. Из дневника 1926 года // РВ. Вып. 4. СПб., 1992. с. 36.
64. Рерих Е.И. Дневник. 1924. – ACRC. Note-book. Jan. 27 – July 26, 1924. Автограф.
65. Рерих Е.И. Дневник. 1924-1925. – ACRC. Note-book. July 27, 1924 – May 20, 1925. Автограф.
66. См.: Росов В.А. Биохимическая лаборатория в Гималаях. Страница завещанных и несбывшихся пророчеств из истории Института «Урусвати» // Ариаварта. 1998. № 2. с. 184.
67. Рерих Е.И. Дневник. 1923-1924. – Note-book. Dec. I, 1923 – Jan. 26, 1924. Копия. Цитируется по выпискам из копии оригинала, сделанным в Музее Н.Рериха в Нью-Йорке в 1991 г.
68. Записки Кембриджского кружка. Рукопись. 1921-1922. – NRM. Автографы (В.В.Диксона, В.А. Перцова, Н.К. и Ю.Н. Рерихов).
69. Рерих Ю.Н. Парижский дневник. Рукопись. 1922-1923. – Частный архив. Автограф. Рисунки.
70. Напутствие Вождю. 1933. Рига, 1937. с. 18-22.
71. «Я вижу, как неслыханно пылает Восток». Алтайские записи Елены Рерих // РВ. Вып. 4. СПб., 1992. с. 46.
72. Roerich Nicholas. Ur Corporation. An Address Before the Board of Directors. New York, 1929. 8 p.
73. Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. III (1935). М.: МЦР, 2001. с. 265, 297, 354.

АРХИВЫ

- АВП РФ – Архив Внешней политики РФ (Москва).
- АИЦ ГУВД СПб – Архив Информационного центра ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области МВД РФ.
- Архив И.Р. Рудзите (Ново-Алтайск).
- АП РФ – Архив президента РФ (Москва).
- АРУ ЧО ФСБ РФ – Архив Регионального управления по Читинской области Федеральной службы безопасности РФ.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- МИЛИКА – Музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (Барнаул).
- МЦР – Международный центр Рерихов (Москва).
- НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия (Улан-Удэ).
- ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики (Москва).
- РГВА – Российский государственный военный архив (Москва).
- РФГФ – Российский Федеральный геологический фонд Министерства природных ресурсов РФ (Москва).
- РЦНК – Российский центр науки и культуры (Дели).
- СПб ФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук.
- ЦГАНТД СПб – Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга.
- ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
- ЧАР – Частный архив.
- ACRC – Amherst Centre for Russian Culture (Massachuset, USA).
- BAR – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, The Rare Book and Manuscript Library of Columbia University, (New York, USA).
- IOLR – India Office Library and Records (London, Great Britain).
- NAI – National Archives of India (Delhi).
- NRM – Nicholas Roerich Museum (New York, USA).
- RUSC – Rutgers University Special Collections (USA).

ЛИТЕРАТУРА

МОНОГРАФИИ

- Андреев А.И. От Байкала до Священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.– Самара–Прага, 1997. 338 с.
- Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. I. М., 1992. 170 с.
- Генон Рене. Царь мира. Коломна, 1993. 80 с.
- Головин Н.Н. Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. Белград, 1934. 62 с.
- Гребенщиков Георгий. Гонец. Письма с Помпепага. Southbury: Alatas, 1928. 188 с.
- Декроа Н. (Кордашевский Н.В.). Тибетские странствия полковника Кордашевского. (С экспедицией Н.К.Рериха по Центральной Азии). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 344 с. ; СПб.: Аюрведа

Пресс, 2000. 360 с.

- Дубаев М.Л. Харбинская тайна Рериха. М.: Сфера, 2001. 566 с.
- Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. I. 1919-1933. М.: МЦР, 1999. 432 с.
- Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. III (1935). М.: МЦР, 2001. 768 с.
- Каткова З.Д. Китай и державы. 1927-1937. М., 1995. 276 с.
- Леонид Андреев. S.O.S.: Дневник (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919). М. – СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. 598 с.
- Лузянин С. Г. Россия–Монголия–Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2000. 268 с.
- Митрохин Л.В. Индия. Вступая в век XXI. М.: Из-во политической литературы, 1987. с. 206-233.
- Напутствие Вождю. 1933. Рига, 1937. 113 с. Переопубл.: Напутствие Вождю. Ленинград-Ижевск, 1990. 70 с.
- Николай Рерих. Листы дневника. Т. I. М., 1995. 672 с.
- Николай Рерих. Из собрания Нижегородского художественного музея. Самара: Агни, 1998. 48 с. Автор-составитель И.Н.Кузнецова.
- Оссендовский Фердинанд. И звери, и люди, и боги. М.: РИЦ «Пилигрим», 1994. 328 с.
- Ремизов Алексей. Звенигород Окликанный. Николины притчи. Париж-Нью-Йорк-Рига-Харбин: Алатас, 1924. 161 с.
- [Рерих Е.И.] Основы буддизма. 1926. [Урга, 1927]. 108 с.
- Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 1993. 168 с.
- Рерих Н.К. Сердце Азии. Southbury: Alatas, 1929. 139 с.
- Рерих Н.К. Алтай–Гималаи. М., 1974; М.: Виеда, 1992; М.: Сфера, 1999. 528 с.
- Рерих Н.К. Письма в Америку. 1923-1947. М.: Сфера, 1998. 736 с.
- Рерих Ю.Н. По тропам Средней Азии. Хабаровск, 1982. 304 с. ; Самара, 1994. 480 с.
- Рощин с. К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
- Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет. Магнитогорск, 1996. 732 с.
- Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М.: Сфера, 1998. 800 с.
- Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. Улан-Удэ, 1991. 192 с.
- Юзефович Л.А. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга). М., 1993. 272 с.

СТАТЬИ

- Американская и индийская печать о передаче Рерихом картины «Вестник» Теософскому обществу в Адыре // Рериховский вестник. Вып. 2 (1989, июль-декабрь). Ленинград-Ижевск, 1991. с. 52-54. Перевод и публикация В.А. Росова.
- Анненко А.Н. С Рерихами в экспедиции. [По воспоминаниям Н.В. Грамматчикова] // Перед Восходом (Новосибирск). 1998. № 10. с. 6-10.
- Аптекарь Павел. Белое солнце Синьцзяна // Родина (Москва). 1998. № 1.С. 81-87.
- Атаманов Геннадий. Музей в горах Алтая // Нева (Ленинград). 1985. №5. с. 194-197.
- Бармин В. Синьцзян в истории советско-китайских отношений 1931-1934 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 6. с. 91-103.
- Беликов П.Ф. Последняя научно-исследовательская экспедиция Н.К.Рериха // Рериховские чтения.

1976. Новосибирск, 1976. с. 94-97.
- В.Д.Панчен-Богдо и его контрреволюционная деятельность // Современная Монголия. 1937. № 2 (21). с. 56-66; № 3 (22). с. 67-76.
- Гребенщиков Георгий. Хан-Алтай // Перезвоны (Рига). 1928. № 40. Переопубл. Гребенщиков Георгий. Хан-Алтай. Сказка в семи главах. Санкт-Петербург-Барнаул, 1995. 48 с.
- Гребенщиков Г.Д. Звенигород Окликанный // Рериховский вестник. Вып. 4. СПб.-Извара, 1992. с. 65-67.
- Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине // Международная жизнь. 1965. № 1. С. 96-107.
- Кроль Ю.Л. Борис Иванович Панкратов (зарисовка к портрету учителя) // Страны и народы Востока. Вып. 26. М., 1989. с. 84-100.
- Легенды Белой Горы // Рериховский вестник. Вып. 4. СПб.-Извара, 1992. с. 52-53.
- Ломакина И.И. «Великий Всадник» // Ю.Н.Рерих: Материалы юбилейной конференции. М.: МЦР, 1994. с. 80-85.
- Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания о поездке на Дальний Восток. 1924-1925 годы // Вопросы истории. 2001. № 10. с. 85-109; № 11-12. с. 83-101. Публ. З.И.Перегудовой, Л.И. Петрушевой.
- Митрохин Л.В. Почему Рерих не стал Буддой // Наука и религия. 1995. № 6. с. 24-27.
- Митрохин Леонид. Предупреждения, достойные памяти. Письма Е.И. Рерих президенту США Франклину Делано Рузвельту // Мир через культуру. М.: Сов. писатель, 1990. с. 109-121.
- Пешкова Л.В. Павел Константинович Портнягин. Несколько слов о судьбе харбинского священника, участника Тибетской экспедиции // Ариаварта (Санкт-Петербург). 1998. № 2. с. 107-114.
- Портнягин П.К. Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. Экспедиционный дневник, 1927-1928 // Ариаварта. 1998. № 2. с. 11-106. Публ. В.А. Росова.
- Рерих Н.К. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934-1935) // Ариаварта. 1999. № 3. с. 56-119. Публ. и примечания В.А. Росова.
- Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж.Жамцарано // Orient. Альманах. Вып. 2-3. СПб., 1998. с. 5-55.
- Росов В.А. Маньчжурская экспедиция Н.К.Рериха: в поисках «Новой Страны» // Ариаварта. 1999. № 3. с. 17-55.
- Росов В.А. Многоликий Чахембула // Декроа Н. Тибетские странствия полковника Кордашевского. (Кордашевский Н.В. С экспедицией Н.К.Рериха по Центральной Азии). СПб.: Аюрведа Пресс, 2000. с. 319-356.
- Росов Владимир. На Гималаи первая весть // Дельфис (Москва). 2001. № 1. С.29-30. Приложение: Десять писем Г.Д.Гребенщикова к Н.К. и Е.И. Рерихам (1923-1924). с. 30-37.
- «С любовью шлет привет Чахембула». Из переписки Н.К.Рериха и Н.В. Кордашевского // Дельфис. 2000. № 1. с. 56-60. Публ. и примечания В.А. Росова.
- Топчиев А.Г., Росов В.А. Доктор К.Н.Рябинин – участник Центральноазиатской экспедиции Н.К.Рериха // Ариаварта. 1997. № 1. с. 165-172. Приложение: Показания доктора К.Н. Рябинина (1930). с. 172-179.
- Тушине Елена. Белый камень Алтая. Гребенщиков и Рерих // Рериховский вестник. Вып. 4 (1991). СПб.-Извара, 1992. с. 57-58.
- Фосдик Зинаида. В Москве и на Алтае с Рерихами. Из дневника 1926 года // Рериховский вестник. Вып. 4. СПб.-Извара, 1992. с. 28-37.
- Цесюлевич Л. Крестьяне Алтая о Николае Рерихе // Сибирские огни (Новосибирск). 1974. № 10. с. 173-179.
- Цесюлевич Л. Рерих на Алтае // Алтай (Барнаул). 1974. № 3. с. 65-69.
- Цесюлевич Л.Р. На Алтае // Н.К.Рерих. Жизнь и творчество. Сб. статей. М.: Изобразительное искусство, 1978. с. 169-185.

- Цесюлевич Л. Рерих и Алтай // Рериховский вестник. Вып. 4. СПб.-Извара, 1992. с. 21-27.
- Черкасова О.А. «Без России нельзя...» (По материалам архива В.С. Старикова) // Утренняя звезда (Москва). Научно-художественный альманах. 1994-1997. № 2-3. М.: МЦР, 1997. с. 265-283.
- Шагдарын Вира. Н.К.Рерих как художник-монголист // Дельфис. 2002. № 1.С. 19-23.
- Шапошникова Людмила. Рерих в Гималаях // Знамя (Москва). 1987. № 12. с. 185-210.
- Шибяев Владимир. Из воспоминаний очевидца // Держава Рериха. М., 1994. с. 333-343.
- «Я вижу, как неслыханно пылает Восток». Алтайские записи Елены Рерих // Рериховский вестник. Вып. 4. СПб.-Извара, 1992. с. 38-46. Публ. В.А. Росова.

НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

- Grebenstchikoff G.D. Siberia. The Country of Great Future. Los Angeles, 1945.40p.
The Price of Vision. The Diary of Henry A. Wallace. 1942-1946. Boston, 1973. P. 112-113; 358-360.
- Parshotam Mehra. Tibetan Polity, 1904-1937: The Conflict Between the 13th Dalai Lama and the 9th Panchen. Wiesbaden, 1976. (Asiatische Forschungen Bd. 49). 94 p.
- J. Samuel Walker. Henry A. Wallace and American Foreign Policy. Westport– London, 1976. (Contributions in American History, № 50). Ch. 5: God, Man and the Guru. P. 50-63.
- Robert A. Rupen. Mongolia, Tibet, and Buddhism or, a Tale of Two Roerichs // The Canada–Mongolia Review. Vol. 5. 1979. № 1. P. 1-36.
- Robert C. Williams. Russian Art and American Money. 1900-1940. Cambridge–London, 1980. 309 p.
- Charles J. Errico, J. Samuel Walker. The New Deal and the Guru //American Heritage. March 1989. Vol. 40. № 2. P. 92-99.
- Alastair Lamb. Tibet, China, and India 1914-1950. Hertingfordbury (U K) 1989.594p.
- Melvyn C. Goldstein. A History of Modern Tibet, 1913-1951. Berkeley–Los Angeles–London, 1989 (1991). Ch. 8: The British, the Chinese, and the Panchen Lama. P. 252-264.
- Graham White, John Maze. Henry A. Wallace: His Search for a New World Order. Chapel Hill-London, 1995. 348 p.
- Karl E. Meyer, Shareen B. Brysac. Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. Washington, D.C., 1999. 646 p.
- John C. Culver, John Hyde. American Dreamer. A Life of Henry A. Wallace. New York–London, 2000. 608 p.
- Alexander Andreyev. Russian Buddhists in Tibet, from the end of the nineteenth century – 1930 // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. Vol. II. Part 3. November 2001. P. 349-362.
- Nicholas Roerich, the herald of Zvenigorod N.K. Roerich's Expeditions on the Fringes of the Gobi Desert

SUMMARY

This book is devoted to the Central-Asiatic expeditions of the well-known Russian artist and thinker Nicholas Roerich (1874-1947), and his search for a promised land in the vast expanses of the Gobi Desert. It sheds light on the Great Plan, as conceived by the Roerich family in order to create a new independent Russian polity in the heart of Siberia, the New Country.

The author thoroughly examines Roerich's concept of the New Country, focusing on his two Asian expeditions to Tibet and to Manchuria. Hence the book is divided into two parts entitled: «The Great Plan» and «The New Country».

In 1920-1930, Nicholas Roerich and his fellow-workers at the Museum that he established in New York made great efforts to lay the foundations of the capital of this New Country in the Russian Altai, with the symbolic name Zvenigorod, the City of the Tolling Bells.

Through this work, Nicholas Roerich was eventually to become a prominent political figure

and world leader. In 1923, he set out for a long journey in the East, where he led two expeditions. The first one, the Tibetan Expedition (1927-28), was in fact a secret diplomatic mission of Western Buddhists to the court of the 13th Dalai Lama in Lhasa. On the eve of the trip, Roerich held a round of confidential talks with the leading Bolsheviks in Moscow, G.V. Chicherin, A.V. Lunacharsky and M.A. Trilisser. He discussed with them his Great Plan for the unification of peoples in Asia under the banner of Buddhism, against the imperialistic Great Britain. Roerich also wanted to obtain from the Soviets concessions for the development of mineral resources and arable land in the south-west corner of Altai. These concessions were actually sought by one of the Roerich enterprises in the United States, the New York-based Beluha Corporation.

The second journey, known as the Manchurian Expedition (1934-35), was sponsored by the United States Department of Agriculture and was nominally designed to search for drought-resistant grasses on the fringes of the Gobi. Concurrently, preparations were made for signing the Roerich Pact at the Peace Banner Convention in Washington, DC, which was to provide protection for works of art and cultural monuments in times both of war and peace. The event was a link in the chain of high politics into which some outstanding American political actors of the day were involved, such as President Franklin D. Roosevelt, Secretary of Agriculture Henry Wallace, and Senator William Borah. In the course of the expedition Roerich proposed to Wallace to launch the Kansas Project aimed at setting up an agricultural cooperative in Inner Mongolia, a cooperative bank and a number of cultural establishments. All of Roerich's activities under this secret Project marked the beginning of his work for the foundation of the new Mongolo-Siberian State. This work, apart from its clearly political and economic goals, also had some lofty spiritual tasks. The latter were closely linked with the anticipation by the entire Buddhist Asia of the coming of the future Buddha Maitreya.

The research for this book, which was originally begun by the author in 1991, is based on miscellaneous archival sources in the United States, India, the Czech Republic, Great Britain, France and Russia. The most important of these are documents from the Roerich Museum in New York, the Amherst Center for Russian Culture in Massachusetts, as well as from some archival repositories in Russia.

Готовится к печати:

В.А. Росов «Николай Рерих: Вестник Звенигорода». Книга II. «Новая Страна»

Книга посвящена Маньчжурской экспедиции Н.К.Рериха (1934-35), направленной Департаментом сельского хозяйства США для поиска засухоустойчивых злаков и трав по окраинам пустыни Гоби. В ходе экспедиции Рерих предлагает министру Департамента Г.Э. Уоллесу осуществить проект «Канзас», который подразумевает организацию во Внутренней Монголии сельхозкооператива, кооперативного банка и ряда культурных учреждений. Вся деятельность в рамках этого проекта является продолжением работы по созданию нового монголо-сибирского государства, предусмотренного Великим Планом. В ее основе лежат не только политико-экономические задачи, но и духовные цели. Для Рериха «Новая Страна» связана с приходом Мессии, или Мирового Вождя, который способен объединить народы в Азии, в том числе огромные массы русской эмиграции, обосновавшейся в Харбине и Русском Китае. Это совпадает с ожиданием всем буддийским Востоком прихода грядущего Будды, Майтрейи.

Заказы направлять по адресу:

101000, Москва, Главпочтамт, а/я 770.
Фонд «Дельфис»; тел. (095) 928-0679,
электронная почта: aryavarta@aha.ru

Росов Владимир Андреевич

НИКОЛАЙ РЕРИХ: ВЕСТНИК ЗВЕНИГОРОДА
КНИГА I. ВЕЛИКИЙ ПЛАН

Редакционно-издательская группа

Е.В.Алексеева, В.С.Дмитриев

Художник Д.Г. Майстренко

ИЛ №064366 от 26.12.1995

Отпечатано в Финляндии

в типографии Karisto по заказу ООО «Алетья СПб»
и ООО «Издательство «Ариаварта-Пресс»

По вопросам оптово-розничной торговли
обращаться в магазины «Историческая книга»:

в Москве: тел. (095) 921-4895; Старосадский пер., д. 5
(во дворе Исторической библиотеки), м. «Китай-город»;

в Петербурге: тел. (812) 327-2637;
ул. Чайковского д. 55 (вход под арку), м. «Чернышевская»